

107

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ
И ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ
И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ**

Рига 1969

B

1921

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ-ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

СВ.крат. 4

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ И ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ № 107

РИГА 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Заслуженный юрист Латвийской ССР, канд. юрид. наук *А. Я. Паварс,*
канд. юрид. наук *Я. Я. Страутманис,* канд. юрид. наук *В. Э. Шульц*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы как в Союзе ССР, так и в Латвийской ССР успешно развивается и усовершенствуется советское социалистическое законодательство в разных областях общественной жизни. Значительные результаты достигнуты в правовом регулировании личных и имущественных прав граждан и социалистических организаций — государственных предприятий, колхозов, общественных организаций и т. д.

Новое советское законодательство в значительной степени помогает решить те задачи строительства коммунизма, которые поставлены Программой КПСС и решениями XXIII съезда КПСС.

В настоящее время весьма активно и плодотворно продолжается сложная работа по усовершенствованию гражданского, семейного, колхозного, процессуального и другого законодательства. В этой связи выдвигается ряд проблем, имеющих значение как в общесоюзном законодательстве, так и в законодательстве отдельных союзных республик.

Настоящий сборник научных статей, подготовленных членами кафедры Гражданского права и процесса Латвийского Государственного университета им. Петра Стучки, посвящен актуальным вопросам применения и дальнейшего развития гражданского, семейного, колхозного, хозяйственного, трудового и гражданско-процессуального законодательства.

В статьях анализируется состояние действующего законодательства, практика его применения, намечены некоторые пути его дальнейшего развития с учетом задач строительства коммунизма.

Центральное внимание сосредоточено на регулирование имущественных отношений колхозов в современный период, на правовое положение советского гражданина в семье и обществе, на судебную защиту личных и имущественных прав, а также на некоторые правовые аспекты экономической реформы, в частности на защиту хозяйственных интересов уча-

стников договора поставки и значение коллективного договора в условиях экономической реформы.

Авторы надеются, что их работа поможет читателю в той или иной степени лучше понять сложный процесс развития советского законодательства, уточнить некоторые вопросы применения действующих законов, а также решить проблемы усовершенствования действующего законодательства.

Книга рассчитана на судей, прокуроров, адвокатов, юристов-консультантов, работников государственного управления, научных работников, студентов и преподавателей высших учебных заведений.

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КОЛХОЗОВ

Усовершенствование действующего законодательства и его применения требует глубокого и всестороннего изучения механизма правового регулирования определенных общественных отношений, в том числе имущественных отношений. В условиях осуществления экономической реформы, введения новых форм планирования и материального стимулирования социалистического производства необходимо добиться такого положения, при котором наши правовые нормы дали бы максимальный эффект в регулировании имущественных отношений не только в промышленности и транспорте, а также в сельском хозяйстве, в частности в колхозах. Эффективность правового регулирования зависит от многих факторов, среди которых важнейшее место занимает качество правовых норм и их неуклонное исполнение.

Качество правовых норм, регулирующих имущественные отношения, прежде всего зависит от того, как эти нормы отражают требования экономических законов социализма, как они способствуют действию экономических законов: основного закона социализма, закона расширенного социалистического воспроизводства, закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закона роста производительности труда, закона распределения по труду, закона материальной заинтересованности и др. Сознательное применение объективных экономических законов с помощью правовых норм в настоящее время является важнейшей задачей советской юриспруденции. Для успешного решения этой сложной задачи юристам необходимо глубже изучать экономические процессы и их закономерности, теснее сотрудничать с экономистами.

В настоящее время советские юристы добились существенных успехов в усовершенствовании норм гражданского, уголовного и процессуального права путем их систематизации и кодификации. Продолжается упорная работа по кодифика-

ции норм других отраслей советского социалистического права, в том числе колхозного права. Практика систематизации и кодификации советских правовых норм показала, что необходимо не только хорошо сформулировать статьи закона или другого нормативного акта, но также хорошо изучать и учитывать при нормотворческой работе уровень правосознания граждан, порядок применения и обеспечения правовых норм. Эти требования вполне относятся к правовым нормам, регулирующим имущественные отношения колхозов.

Следует отметить, что по настоящее время из этих норм кодифицированы в основном только гражданско-правовые нормы, которые регулируют далеко не все имущественные отношения колхозов. Они регулируют договорные отношения, отношения колхозной собственности и собственности колхозного двора и некоторые другие имущественные отношения колхозов. Колхозное законодательство, которое призвано в первую очередь регулировать имущественные отношения колхозов, в частности, внутриколхозные отношения, еще крайне недостаточно кодифицировано. Единственный акт кодификации колхозного законодательства — Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. уже ряд лет не соответствует требованиям колхозного строительства.

Разработка нового Примерного устава сельскохозяйственной артели и других кодифицированных нормативных актов колхозно-правового характера связана с обширными экономическими и социологическими исследованиями, обобщением громадного опыта колхозного строительства в нашей стране, а также опыта кооперативного строительства в сельском хозяйстве зарубежных социалистических стран. Это связано с изучением механизма правового регулирования колхозного строительства, его элементов, выявлением положительных и отрицательных черт в данном механизме.

Что характеризует механизм правового регулирования имущественных отношений колхозов? В последние годы советская юридическая наука обогатилась рядом работ, посвященных общим проблемам правового регулирования. В частности, механизму правового регулирования посвящена монография С. С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве».¹ О понятии механизма правового регулирования также говорится в работе Н. Г. Алек-

¹ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, Юридическая литература, Москва, 1966.

сандрова «Право и законность в период развернутого строительства коммунизма»², в книге В. М. Горшенева «Участие общественных организаций в правовом регулировании»³ и в других трудах.

С. С. Алексеев пишет, что «под механизмом правового регулирования следует понимать взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения».⁴ Далее автор характеризует также процесс правового регулирования, состоящий, по его мнению, из трех основных стадий: первая стадия — **регламентирование** общественных отношений, вторая — **действие** юридических норм и третья — **реализация** субъективных юридических прав и обязанностей.⁵

Можно согласиться с основными положениями С. С. Алексеева, так как они дают достаточное представление о механизме правового регулирования и его составных частях. Эти положения можно использовать в качестве исходной позиции для изучения **конкретного** механизма правового регулирования определенных общественных отношений, в частности, имущественных отношений колхозов.

В целях повышения эффективности правового регулирования необходимо изучение конкретного механизма правового регулирования имущественных отношений колхозов.

Так как эти отношения являются комплексными правоотношениями и подвергаются регулированию со стороны разных отраслей советского социалистического права, механизм их правового регулирования является весьма сложным. Например, механизм гражданскоправового регулирования отличается от механизма колхозноправового регулирования данных имущественных отношений. Свою специфику имеет также механизм административноправового регулирования этих отношений.

В гражданском праве и административном праве принятие нормативных актов, регулирующих имущественные отношения, является исключительной компетенцией соответствующих государственных органов. В то же время в колхозном

² Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1961, стр. 183—213.

³ В. М. Горшенев. Участие общественных организаций в правовом регулировании, Госюриздат, 1963, стр. 32—33.

⁴ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., 1966, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 34.

праве наряду с государственными органами в нормотворчестве принимают самое активное участие и органы колхоза. Так, общее собрание колхозников принимает Устав сельскохозяйственной артели, Правила внутреннего распорядка, нормы и расценки труда и другие нормативные акты, регулирующие имущественные отношения колхоза.

Чтобы исследовать особенности механизма правового регулирования колхозных имущественных отношений, остановимся на трех, по нашему мнению, главных вопросах:

1. Нормотворческая работа.
2. Применение правовых норм.
3. Обеспечение исполнения правовых норм.

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА

Процесс правового регулирования начинается с принятием правовых норм. Эта стадия в значительной степени предопределяет все остальные стадии правового регулирования. От состояния и качества правовых норм зависит полнота, точность и правильность их применения и обеспечения. Поэтому можно сказать, что «начальное, исходное звено механизма правового регулирования образуют юридические нормы».⁶ Однако следует отметить, что на формирование юридических норм обратно влияет опыт, накопленный при их применении и обеспечении. Таким образом с учетом результатов практики правового регулирования можем обеспечить жизнеспособность и эффективность юридических норм, а также принять меры к их усовершенствованию, если практика применения норм показала их пробелы, непрочность и другие недостатки. Поэтому следует подчеркнуть единство механизма правового регулирования, единство и взаимоусловность отдельных стадий процесса правового регулирования.

В последние годы благодаря принятию новых Гражданских кодексов союзных республик и ряда других важных нормативных актов в области колхозного строительства (по вопросам планирования колхозного производства, государственной закупки сельскохозяйственных продуктов, оплаты труда и социального обеспечения колхозников и др.) достигнуты известные успехи в деле усовершенствования правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов.

⁶ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 106.

Так, ГК Латвийской ССР и ГК других союзных республик содержат ряд важных норм, регулирующих правовое положение колхоза как юридического лица, право колхозной собственности, право собственности колхозного двора, договорные отношения колхозов. Важное значение имеет Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, принятый Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г., Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, принятый Верховным Советом СССР 15 июля 1964 г., постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства», от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в развитии общественного хозяйства» и другие.

Принятие упомянутых нормативных актов, в частности, кодексов, законов и совместных постановлений высших партийных и административных органов заполнило значительный пробел в правовом регулировании имущественных отношений между колхозами, с одной стороны, и колхозниками, колхозными дворами, государственными, кооперативными и общественными организациями, с другой стороны. Сегодня эта нормотворческая работа продолжается и систематически принимаются новые нормативные акты по вопросам колхозного строительства как всесоюзного, так и республиканского масштаба. Число нормативных актов по колхозному строительству постоянно растет и в настоящее время достигает несколько десятков тысяч. Наши законодательные органы и высшие органы государственного управления в последние годы прилагают много усилий, чтобы обеспечить колхозное строительство соответствующей правовой базой. Однако эта база в значительной части устарела и отстала от требований жизни. Ее возобновление и приведение в соответствие с требованиями экономических законов — это большая и сложная работа, которая потребует еще ряда лет и продолжится и впредь в период развернутого строительства коммунизма. Одна из первых задач в этой области — систематизация и кодификация колхозного законодательства, которая даст возможность не только существенно сократить большое количество всяких нормативных актов, нередко дублирующих и противоречащих друг другу, но и повысить их качество и эффективность.

Громадное количество нормативных актов по вопросам колхозного строительства объясняется разными причинами:

разносторонностью и разновидностью колхозных отношений, множеством государственных и колхозных органов, наделенных правом принятия нормативных актов по колхозному строительству, отставанием кодификационной работы, некоторыми недостатками системы специальных органов, занимающихся государственным руководством колхозов, а также недостатками в нормотворческой технике.

Из этого перечня видно, что существуют как объективные, так и субъективные причины множества нормативных актов по колхозному строительству (подавляющая часть из них регулирует имущественные отношения колхозов). К объективным причинам можем отнести такие, как разновидность колхозных имущественных отношений, необходимость на основании принципа централизма сочетать в колхозном строительстве общегосударственные интересы с интересами отдельных колхозов и колхозников, в результате чего в нормотворчестве принимают участие всесоюзные, республиканские органы и также органы управления в колхозах. Эти объективные причины, очевидно, сохранятся и впредь.

Однако, что касается субъективных причин множества нормативных актов (отставание кодификационной работы, недостатки в системе специальных органов по государственному руководству колхозами, недостатки в нормотворческой технике), то мы в силах эти причины устранить.

В 1927 году П. И. Стучка писал: «**В советском праве** кооперация представляет пока пустую страницу. Когда у нас появится первый кодекс законов о кооперации?»⁷

В настоящее время существует объемистое и развитое колхозное законодательство. Уже 30 лет существует отдельная отрасль советского права — колхозное право. Однако настоящего кодекса колхозного права еще нет. Это существенный недостаток в механизме правового регулирования имущественных отношений колхозов.

Практика колхозного строительства показывает, что круг имущественных отношений колхозов, подлежащих правовому регулированию, не уменьшается, а растет благодаря расширению имущественной правоспособности колхоза, расширению договорных отношений и укреплению хозрасчета. Поэтому и

⁷ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, Латвийское государственное издательство, Рига, 1964, стр. 392.

постоянно растет количество нормативных актов, регулирующих данные отношения.

Кодификация колхозного законодательства не даст возможности приостановить его полностью. Это уже показала практика кодификации гражданского законодательства. Так, несмотря на принятие новых гражданских кодексов союзных республик, которые устранили существенные пробелы в регулировании имущественных отношений в социалистическом обществе и существенно сократили число разных нормативных актов, регулирующих эти отношения, все-таки в последние годы постепенно растет число нормативных актов гражданско-правового характера, касающихся хозяйственных договоров и других имущественных отношений между социалистическими организациями. Это результат требований нашей экономики, требований экономической реформы и социалистической законности.

Кодификация колхозного законодательства требует тщательного изучения всего действующего нормативного материала, его обобщения и систематизации. В первую очередь следует отбирать важнейшие принципиальные нормы, имеющие решающее значение в процессе правового регулирования. В этой связи возникает необходимость **классификации правовых норм**, исходя из их роли и стабильности в правовом регулировании.

П. И. Стучка в статье «Революционная кодификация» писал: «Закон является организованным или правовым способом управления, которым пользоваться должны пока и мы, ибо только с отмиранием государства вообще отойдет в вечность и правовое или организованное принудительное воздействие государственной власти. Но это пользование законом должно быть гибким, революционно-диалектическим, ибо мы признаем только революционную законность. Из этого вытекает различная значимость закона по его роду, по времени и пространству и т. д.»⁸ П. И. Стучка советовал законы, содержащие принципиальные нормы, выделить в особую категорию. Принципиальные, пока непоколебимые нормы он считал правильным включать в Конституцию, нормы «с гораздо меньшим постоянством» включить в кодексы, которые содержат, повторяют и отдельные нормы Конституции.⁹ Такая постановка вопроса кодификации права актуальна и в

⁸ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, стр. 452.

⁹ Там же, стр. 453.

настоящее время, ибо нам следует решить, какие нормы, регулирующие, например, колхозное строительство, включить в новую Конституцию СССР. Действующая Конституция СССР, Конституция Латвийской ССР и конституции других союзных республик содержат ряд статей (ст. ст. 5, 7, 8 и др.), устанавливающих основные положения права собственности колхозов, колхозных дворов, права землепользования колхозов и колхозных дворов. По нашему мнению, эти нормы с некоторыми уточнениями и дополнениями следует сохранить и в новой Конституции СССР, проект которой разрабатывается.

Весьма сложным является вопрос о том, какие нормы колхозного права включить в новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, который по настоящее время является единственным общепризнанным актом кодификации колхозного права. Этот вопрос требует специального исследования, и в последние годы и ему посвящено много работ советских юристов — специалистов по колхозному праву, а также выступлений руководителей партийных и советских органов, руководителей колхозов.¹⁰

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. сыграл свою положительную роль в колхозном строительстве и сегодня имеет больше историческое, чем практическое значение, за исключением некоторых общих норм об основных принципах колхоза. Устаревший Примерный устав не удовлетворяет требования колхозного строительства в настоящее время ни по содержанию, ни по объему (всего только 25 статей).

Принятие нового Примерного устава сельскохозяйственной артели даст возможность в основном кодифицировать нормы колхозного права, регулирующие внутренние имущественные отношения колхозов (отношения между колхозом и его членами, колхозными дворами), а также некоторую часть внешних имущественных отношений (отношения с межколхозными организациями, органами государственного руководства колхозами и др.).

Однако вне устава, даже при его значительном увеличении, останется значительная часть норм, регулирующих внешние имущественные отношения колхозов. Многие из них регулируются Гражданским Кодексом (отношения собственно-

¹⁰ См. более подробно по данному вопросу *В. В. Петров. Устав сельскохозяйственной артели и современное законодательство о колхозах*, Казань, Изд. Казанского университета, 1966.

сти и договорные отношения). Все-таки большая часть этих отношений останется в сфере регулирования отдельных нормативных актов. Можно ли и целесообразно ли эти остальные акты кодифицировать в специальном Кодексе или Законе, покажет практика. Нам представляется это реальной возможностью после принятия нового Примерного устава.

Однако уже сегодня при нормотворческой работе следует учесть, что необходим более тщательный подход к отбору правил поведения, которые подлежат нормативному воплощению в законе или подзаконном акте.

Не каждое решение партийных органов по колхозному строительству следует превратить в правовую норму, так как имеются другие более эффективные средства (организационная и воспитательная работа партийных и других общественных органов) для осуществления данной партийной директивы. В частности, это касается решений партийных органов по разным вопросам воспитательного характера. Например, директивы и рекомендации по воспитанию, поднятию культурного и идейного уровня колхозников гораздо эффективнее осуществляются неправовыми средствами, хотя и последние не исключаются (для создания необходимой материальной базы, подготовки кадров и по другим вопросам).

Что касается системы государственных органов, наделенных правом принятия нормативных актов по колхозному строительству, то следует более глубоко изучить и точнее определить их функции по принятию того или иного акта. Здесь необходимо учесть важность определенного нормативного акта и его форму (конституция, кодекс, закон, примерный устав, постановление, инструкция и т. д.).

Очевидно, за верховными органами Советской власти следует сохранить те функции в нормотворчестве, которые они имеют как законодательные органы в настоящее время (принятие конституции, кодексов, законов, указов, постановлений). По нашему мнению и утверждение Примерного устава сельскохозяйственной артели после его принятия на Всесоюзном съезде колхозников следовало бы включить в компетенцию Верховного Совета СССР и таким образом юридически придать этому важнейшему нормативному акту по колхозному строительству силу закона. Фактически он долгие годы и был основным законом колхозной жизни. В компетенцию Верховного Совета СССР также следует включить принятие кодекса или закона о колхозах.

В настоящее время очень богата и разнообразна компе-

тенция Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик по принятию нормативных актов, регулирующих колхозное строительство. Важнейшие из них принимаются совместно с Центральным Комитетом КПСС и ЦК Коммунистических партий союзных республик. Следует отметить положительную роль таких совместных постановлений высших партийных и административных органов, так как они мобилизуют и обязывают к непосредственному исполнению нормативного акта не только советские и колхозные органы, а также все партийные организации. Эти правовые акты одновременно имеют силу партийной директивы. Практика колхозного строительства показала, что такие акты необходимы для регулирования принципиальных вопросов по планированию колхозного производства, по организации и оплате труда колхозников, управлению колхозом, землепользованию, государственной закупке сельскохозяйственных продуктов и по разработке устава колхоза.

Оправдала себя практика расширения компетенции Советов Министров союзных республик по вопросам нормативного регулирования колхозного строительства, в частности, по организации и оплате труда, по организации подсобных предприятий, межколхозных организаций, по землепользованию, охране колхозного имущества, финансированию колхозов, бытовому и культурному обслуживанию колхозников и др. Это дает возможность эффективнее регулировать те вопросы колхозной жизни, которые требуют учета местных условий, что особенно важно в сельском хозяйстве. Даже в масштабе небольшой Латвийской ССР местные условия колхозов существенно отличаются. Например, почва в Земгалии и Курляндии более плодородная, чем в Латгалии. Отличаются также климатические условия, влияющие на сельскохозяйственное производство.

Особенно важно учитывать природный фактор при планировании колхозного производства. Плановые органы должны иметь в виду, что тесная связь производительных сил общества с силами природы является основой существования элементов стихийности в социалистической экономике, она делает эти элементы в определенном смысле объективно существующими.¹¹

¹¹ Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра экономических наук. Некоторые вопросы управления сельскохозяйственным производством, под ред. С. Ф. Демидова и др. Изд. «Мысль», М., 1967, стр. 81.

Укрепление материально-технической базы колхозов, совершенствование службы прогнозирования, мелиорация и ирригация уже в настоящее время ослабляют и будут еще больше ослаблять в дальнейшем зависимость производственного процесса в сельском хозяйстве от слепого воздействия сил природы. В этом деле важную роль играет также правильная экономическая политика ¹², осуществляемая при помощи правовых норм (создание необходимых государственных резервов, правильная организация труда, установление экономически обоснованных цен на сельскохозяйственные продукты и т. д.).

Можно сказать, что в настоящее время, учитывая упомянутые обстоятельства, в правовом регулировании имущественных отношений колхозов необходим более дифференцированный подход, чем в регулировании имущественных отношений в области промышленности, где влияние природного фактора и других местных условий имеет гораздо меньшее значение.

Расширение прав республиканских и местных органов в области правового регулирования имущественных отношений колхозов связано также с дальнейшим укреплением и развитием социалистической демократии, которая предусматривает всемерное участие всех трудящихся в управлении хозяйством и использование их инициативы в хозяйственном строительстве.

О том, что Совет Министров СССР неуклонно продолжает линию расширения компетенции Совета Министров союзных республик свидетельствует и постановление Совета Министров СССР от 10 июля 1967 года «О передаче дополнительно на решение Советов Министров союзных республик вопросов хозяйственного и культурного строительства».¹³

Согласно этому постановлению расширена компетенция Советов Министров союзных республик по правовому регулированию трудовых вопросов (оплаты труда, установления режима рабочего времени и др.), вопросов лесопользования и т. д.

В нашей юридической литературе правильно подчеркнуто, что полномочия союзной республики в экономической сфере являются одним из проявлений ее верховенства в руководстве

¹¹ Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра экономических наук. Некоторые вопросы управления сельскохозяйственным производством, под ред. С. Ф. Демидова и др. Изд. «Мысль», М., 1967, стр 81.

¹³ СП СССР, 1967, ст. 118.

экономикой.¹⁴ В руководстве экономикой сельского хозяйства, в частности, колхозной экономикой на современном этапе необходимо сочетать централизацию решения главных, принципиальных вопросов развития колхозной экономики с самостоятельностью отдельных колхозов по решению конкретных внутрихозяйственных вопросов организации и оплаты труда и др.

Что касается роли местных Советов в нормативном регулировании колхозного строительства, то можно сказать, что компетенция районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета еще недостаточно определена. Так, ввиду отсутствия Положения о районном Совете депутатов трудящихся в Латвийской ССР нет необходимой точности в компетенции райсовета по таким вопросам, как отмена незаконных решений органов колхоза, регистрация Устава сельскохозяйственной артели и другим. Эти вопросы непосредственно связаны с нормативным регулированием имущественных отношений колхозов. «Акцепт или вето» районного исполнительного комитета по данным вопросам еще нередко зависит от усмотрения самих работников исполнительного комитета, их квалификации, правосознания. Точного юридического критерия нет. Но он необходим. Можно отметить, что много зависит в этом деле от нового Примерного устава сельскохозяйственной артели.

Важное место в нормотворческой работе по колхозному строительству занимает Министерство сельского хозяйства СССР и его республиканские органы. Это министерство важнейший орган со специальной компетенцией по государственному руководству колхозами.

Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года полностью восстановил и повысил роль Министерства сельского хозяйства в руководстве колхозным производством, которая до того времени была неоправданно занижена. Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 марта 1965 года «О повышении роли Министерства сельского хозяйства СССР в руководстве колхозным и совхозным производством»¹⁵ на министерство возложено руководство развитием сельского хозяйства и ответственность за состояние сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах страны.

¹⁴ С. Г. Дробязко. Право и материально-техническая база коммунизма, Юридическая литература, М., 1967, стр. 30.

¹⁵ СП СССР, 1965, № 4, ст. 20.

Для осуществления своей обширной компетенции по руководству сельским хозяйством Министерство сельского хозяйства наделено правом принятия нормативных актов в виде приказов и инструкций¹⁶, в частности, по вопросам организации семеноводства, агрохимической службы, учета земель и землеустройства, борьбы с эрозией почв, подготовки руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства и др. Министерство и его органы участвуют в разработке проектов нормативных актов, принимаемых Правительством СССР и Правительством союзных республик.

Министерство сельского хозяйства осуществляет свои приказы и инструкции через районные производственные управления сельского хозяйства, которые сами не имеют права принимать нормативные акты по колхозному строительству. Наделить их правом нормотворчества нет оснований ни теоретических, ни практических, учитывая роль производственных управлений в специализированном руководстве колхозами, которое осуществляется в основном только методом рекомендации.¹⁷ Однако следует положительно решить вопрос о подчинении районных управлений сельского хозяйства районному исполнительному комитету, который как полновластный местный орган Советского государства должен быть наделен практической возможностью руководить сельским хозяйством, занимающим, как правило, большинство территории сельского района. В настоящее время на практике уже наладилась и с каждым годом больше укрепляется связь районного исполнительного комитета и производственного управления сельского хозяйства, так как сама жизнь диктует такую связь. Но надо ее закрепить юридически и распространить на производственное управление сельского хозяйства ленинский принцип двойного подчинения хозяйственно-административных органов. Это поможет координировать руководство колхозным строительством в районе и более эффективно обеспечить социалистический правопорядок в сельском хозяйстве, а также устранить ненужный параллелизм в руководстве, который требует излишних материаль-

¹⁶ См. пункт 17 Общего положения о министерствах СССР, СП СССР, 1967, № 17, стр. 116.

¹⁷ Директивный метод руководства колхозами районное производственное управление сельского хозяйства применяет только по некоторым вопросам осуществления государственного надзора за соблюдением установленного порядка землепользования и использования техники в колхозах. Я. С.

ных средств и уменьшает ответственность за порученное дело. В настоящее время еще такой параллелизм в работе районного исполнительного комитета и производственного управления сельского хозяйства существует, в частности, в надзоре за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели и других законов в колхозной жизни, в руководстве контрольно-ревизионной работы в колхозах и т. п.

Существенная роль в нормотворческой работе по вопросам колхозного строительства принадлежит органам управления в колхозах, в частности, общему собранию колхозников. Учет местных условий сельскохозяйственного производства и особенно специфики колхоза как кооперативной производственной организации с ее внутренней демократией и хозяйственной автономией требует своеобразного сочетания государственной нормотворческой деятельности с нормотворчеством самих колхозов. За последние десять лет значительно расширилась компетенция органов колхоза в нормотворчестве, в частности, после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели»¹⁸.

Этим постановлением предоставлено право органам колхоза самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью Устава с учетом местных, конкретных условий колхоза и исходя из главной задачи обеспечения крутого подъема земледелия и животноводства.¹⁹ В постановлении также был дан критерий, который органам колхоза следует соблюдать при внесении поправок, изменений и дополнений в Устав. Это — обеспечение наиболее рационального использования земли, других средств производства и рабочей силы, повышение производительности труда колхозников и увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Данным постановлением было предоставлено право органам колхоза регулировать размеры приусадебных участков колхозных дворов с учетом трудоспособных членов колхозной семьи в общественном хозяйстве артели, а также регулировать количество скота в кол-

¹⁸ См. Справочник по законодательству для председателя колхоза, составители В. В. Кузнецов, А. Г. Булагин, А. А. Твердов, Госюриздат, М., 1962, стр. 19—25.

¹⁹ Там же, стр. 23.

хозных дворах, обязательный минимум труда, структуру и компетенцию органов управления в колхозе.

Предоставленное Партией и Правительством право колхозы с энтузиазмом использовали и все более 37 тысяч²⁰ колхозов СССР внесли изменения в свои Уставы. Это была громадная нормотворческая работа, проведенная колхозами при помощи партийных и советских работников, а также юристов. Она дала свои положительные результаты, так как измененные и дополненные уставы колхозов более соответствовали требованиям колхозного строительства в данный период и помогли совершенствовать организацию общественного производства, укрепить принцип материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства, поднять авторитет общего собрания и других органов колхоза, дальше развивать колхозную демократию.

Правотворческая работа колхозов развернулась благодаря широкому распространению, начиная с сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.), **рекомендательного метода** в государственном руководстве колхозами. Этот метод весьма ярко отражен в упомянутом постановлении от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели...», в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» и в ряде других важных нормативных актов как всесоюзного, так и республиканского масштаба. Этими актами даются совместные партийные и государственные рекомендации колхозам по разным вопросам колхозной жизни, которые следует окончательно решить самим колхозам. Так, например, указанное постановление от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» рекомендовало колхозам ввести с 1 июля 1966 года гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой), исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов.²¹

На основании данного постановления ЦК КП Латвии и Совет Министров Латвийской ССР 22 июля 1966 г. приняли соответствующее постановление, которое содержало конкретные (в условиях Латвии) рекомендации по вопросам оплаты

²⁰ Согласно статистическим данным ЦСУ в 1966 г. в СССР имелось 37,1 тыс. колхозов. См. ЦСУ СССР, Страна Советов за 50 лет, сборник статистических материалов, «Статистика», М., 1967, стр. 116.

²¹ СП СССР, 1966, № 9, ст. 92.

труда колхозников. После этого постановления все колхозы Латвии перешли на гарантированную оплату труда путем принятия на общих собраниях колхозников соответствующих положений об оплате труда. С этого момента рекомендательная норма превратилась в директивную норму, т. е. в норму, способную регулировать конкретное имущественное правоотношение.²²

Таким образом, применение рекомендательного метода в государственном руководстве колхозами, как правило, связано с нормотворчеством самих колхозов. Соответствующей рекомендательной нормой определяются пределы нормотворческой работы колхозов. Если установленные государством пределы колхозного нормотворчества нарушены, государство принимает необходимые меры для обеспечения единой социалистической законности в колхозах. Тогда уже применяется директивный метод государственного руководства колхозами с целью устранения нарушений колхозного законодательства.

Решение государственных органов, занимающихся государственным руководством колхозами, в данной ситуации может быть двоякого вида: во-первых, государственный орган отказывается санкционировать норму, принятую колхозом, если она подлежит такому санкционированию по общему правилу, например, районный исполнительный комитет отказывает в регистрации Устава сельскохозяйственной артели, содержащего незаконную норму, во-вторых, государственный орган принимает меры к изменению или отмене нормы, принятой колхозом, если она по общему правилу не подлежит санкционированию государством. Например, если районный исполнительный комитет констатирует в Правилах внутреннего распорядка в колхозе, утвержденных на общем собрании колхозников, норму, нарушающую установленный законом порядок наложения взысканий на членов колхоза (незаконные денежные штрафы и т. п.), он имеет право отменить эту норму, если орган колхоза отказывается ее исправить и согласовать с законом.

В интересах обеспечения единой социалистической законности нормотворческая работа колхозов находится под государственным надзором. Этот надзор необходим. Практика колхозного строительства показывает, что руководители колхозов часто не обладают необходимыми юридическими зна-

²² Я. Я. Страутманис. Формы и методы регулирования имущественных отношений колхозов. Правоведение, 1966, № 4, стр. 100—101.

ниями, в результате чего нередко принимают сами или под их влиянием и с их согласия принимаются на общих собраниях, собраниях уполномоченных, заседаниях правления колхоза незаконные решения о штрафовании колхозников, о взыскании возмещения материального ущерба с колхозников в повышенном размере и т. п. Юридическая служба в колхозах еще слабая и не в состоянии обеспечить надлежащее юридическое качество всех решений и других правовых актов, принятых органами колхозов.

Нет сомнений, что принятие нового Примерного устава сельскохозяйственной артели в значительной мере поможет укрепить социалистическую законность и уставную дисциплину в колхозах. Однако государственный надзор за состоянием законности в колхозах и впредь полностью сохранит свое значение. Одновременно следует принять неотложные меры к улучшению юридического обслуживания колхозов. Это и повысит уровень правотворческой работы в колхозах.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ

Правовое регулирование имущественных отношений колхозов осуществляется путем применения юридических норм — путем нормоприменительной деятельности как государственных органов, так и органов колхозов. Л. С. Явич правильно подчеркивает, что в социалистическом обществе нормы права применяют не только органы государства, но и общественные организации²³. Под широкое понятие термина «общественная организация» подходит и колхоз как кооперативная организация.

Применение правовых норм — это стадия процесса правового регулирования, где происходит действие юридических норм, в результате которого возникают или изменяются правовые отношения²⁴. Стадия применения правовых норм не менее важная, чем стадия нормотворчества. Путем применения принятых правовых норм достигается эффект правового регулирования — в данном случае регулирования имущественных отношений — необходимый **экономический результат**. Главной целью правового регулирования имущественных отношений является достижение определенного мате-

²³ Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, М., 1961, стр. 133.

²⁴ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., 1966, стр. 34.

риального эффекта. (Например, по договору купли-продажи колхоз за установленную плату получает средства производства, по договору контрактации государство получает от колхоза необходимые сельскохозяйственные продукты, а колхоз — соответствующую сумму денег и т. д.)²⁵. В процессе применения правовых норм можем также убедиться в их качестве — в точности формулировок, в их соответствии с требованиями экономических законов и т. д.

В широком смысле термин «применение правовых норм» охватывает и обеспечение исполнения этих норм, т. е. применение санкций. Мы здесь употребляем данный термин в узком смысле, так как стадия обеспечения исполнения правовых норм нами рассматривается в отдельной подглаве в интересах более обстоятельного рассмотрения данного вопроса.

Применение правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, происходит при помощи конкретных правоотношений. Можно согласиться с мнением С. С. Алексеева, утверждающего, что правоотношения составляют главное средство, при помощи которого осуществляется действие юридических норм²⁶.

Только при помощи конкретных правоотношений можем установить круг лиц, призванных соблюдать правовые нормы, а также должное поведение этих лиц. Правовые нормы и обеспечивают должное поведение.

В имущественных правоотношениях колхозов характерной чертой является обязательное участие колхоза как субъекта правоотношения. Другими субъектами данного правоотношения могут быть члены колхоза, колхозные дворы, государственные, кооперативные и общественные организации.²⁷

В зависимости от вида этих правоотношений (внутриколхозные, внешние, гражданскоправовые, административноправовые, колхозноправовые и т. д.) и их субъектного состава, определяется и способ применения соответствующих правовых норм.

Применение правовых норм, регулирующих имуществен-

²⁵ Я. Я. Страутманис. Формы и методы регулирования имущественных отношений колхозов, Правоведение, 1966, № 4, стр. 97, 98.

²⁶ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., 1966, стр. 130.

²⁷ Я. Я. Страутманис. Правовое регулирование имущественных отношений колхозов, ЛГУ им. П. Стучки, Ученые записки, Юридические науки, том 70, Изд. «Звайгзне», Рига, 1965, стр. 42—51.

ные отношения, осуществляется путем издания разнообразных юридических актов. Здесь следует отметить, что правовое регулирование имущественных отношений не всегда связано с актами применения правовых норм. Как отмечает Л. С. Явич, есть целые группы юридических норм, которые осуществляются вне и помимо конкретных правоотношений²⁸. К этим нормам относятся запретные нормы, которые в большинстве случаев осуществляются путем соблюдения норм советского права, определяющих общую и специальную правоспособность, а также право собственности как абсолютное право в том смысле, что все обязаны воздерживаться от нарушения этого права²⁹. Однако, по нашему мнению, и в этих случаях существует абсолютное правоотношение между субъектом, уполномоченным правом, и субъектом, обязанным это право соблюдать.

Так как колхоз имеет специальную правоспособность и является субъектом права колхозной собственности, можно сделать вывод, что те абсолютные имущественные правоотношения колхозов как субъекта разных имущественных прав, которые должны соблюдать и не нарушать все граждане и юридические лица без исключения, не требуют особого правоприменительного акта до того времени, пока они соблюдаются. В случае их нарушения правоприменительный акт необходим для восстановления нарушенных прав.

Основная масса имущественных отношений колхозов подлежит воздействию правоприменительного акта, так как они являются правоотношениями между конкретными, определенными субъектами. Эти субъекты (колхоз, колхозники, колхозные дворы, государственные и кооперативные организации и др.) исполняют (соблюдают) не только соответствующую юридическую норму, но одновременно исполняют и сам акт применения права. Например, договор контракции сельскохозяйственных продуктов, заключенный между колхозом и заготовительной организацией, является правоприменительным актом и подлежит неуклонному исполнению. Одновременно и сам договор основан на нормах ГК Латвийской ССР и соответствующего Типового договора.

Правоприменительные акты имеют разное правовое содержание и форму. В зависимости от характера конкретного

²⁸ Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 109.

²⁹ Там же, стр. 112, 113.

имущественного правоотношения правоприменительные акты можно разделить на следующие группы:

1. Колхозноправовые акты.
2. Гражданскоправовые акты.
3. Административноправовые акты.
4. Финансовоправовые акты.
5. Трудовые правовые акты.

В то же время каждая отрасль советского права характерна своими формами правоприменительных актов. Например, в колхозном праве распространены такие формы как решения, распоряжения органов колхоза, в гражданском праве — договор, завещание, в административном и финансовом правах — постановления, распоряжения, приказы и т. п.

Принадлежность правоприменительного акта к определенной отрасли советского права определяет и порядок его издания. Например, колхозноправовые акты издаются органами колхоза в уставном порядке (решение общего собрания о нормах оплаты труда колхозников, решение правления колхоза о списании с личного счета колхозника 5-дневных норм выработки в порядке дисциплинарного взыскания и т. д.).

Гражданскоправовые применительные акты, как правило, создаются путем соглашения сторон (сделки, договоры). Административноправовые применительные акты принимаются административными органами и т. д.

Таким образом, применение правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, является весьма разнообразной и сложной стадией процесса правового регулирования. В этой стадии, так же как в стадии нормотворчества важная роль принадлежит проблеме компетенции. От компетенции государственного или колхозного органа управления непосредственно зависит издание правоприменительного акта.

Согласно Уставу сельскохозяйственной артели самую обширную компетенцию имеет высший орган управления в колхозе — общее собрание. Мы уже убедились, что оно имеет большое значение в колхозном нормотворчестве. Не меньшая роль ему принадлежит в издании правоприменительных актов, так как общее собрание колхозников вправе применять все колхозноправовые нормы, регулирующие внутриколхозные имущественные отношения.

Компетенция собрания уполномоченных (если оно существует наряду с общим собранием колхозников), бригадных собраний, а также правления колхоза ограничивается Уста-

вом конкретного колхоза. То же самое можно сказать о председателе, бригадирах, заведующих фермами, сельскохозяйственных специалистах и других должностных лицах колхоза. Они вправе издать распоряжения, дать обязательные указания и принять другие правоприменительные акты только в случаях, предусмотренных в Уставе сельскохозяйственной артели, Правилах внутреннего распорядка колхоза и решениях общего собрания колхозников.

В практике колхозного строительства еще недостаточно определена компетенция должностных лиц колхоза по изданию правоприменительных актов, в частности, компетенция председателя колхоза и сельскохозяйственных специалистов. Нормы устава сельскохозяйственной артели недостаточно четко регулируют этот вопрос. То же самое можно сказать о Правилах внутреннего распорядка. Например, в Примерных правилах внутреннего распорядка колхозов, утвержденных Советом Министров Латвийской ССР 30 января 1965 г., нет норм, устанавливающих право председателей и специалистов колхоза по изданию распоряжений, касающихся использования средств производства, организации работы, охраны колхозной собственности, обслуживания личных нужд членов артели. Отсутствуют также Примерные положения об этих должностных лицах колхоза. Такие положения несколько лет тому назад приняты Советом Министров Латвийской ССР о главном (старшем) бухгалтере и ревизионной комиссии колхоза³⁰. Здесь можно указать, что положения, утвержденные Министром производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Латвийской ССР 14 января 1963 года, об агрономе, зоотехнике, инженере-механике, ветеринарном враче (ветфельдшере), главном (старшем) бухгалтере колхоза имеют существенные недостатки. По существу они являются формальным применением в отношении колхозов соответствующих положений о специалистах совхозов без достаточного учета специфики колхозного производства, в частности, организации труда и управления делами колхоза. По нашему мнению, об упомянутых специалистах колхозов следовало бы принять примерные положения Советом Министров республики, и на основе этих положений дать возможность самим колхозам через общее собрание колхозников

³⁰ Совет Министров Латвийской ССР 6 октября 1959 г. утвердил Примерные положения о бухгалтере и ревизионной комиссии сельскохозяйственной артели.

принять свои положения с учетом местных условий организации производства.

Учитывая важную роль упомянутых руководителей и специалистов колхоза в колхозной жизни, примерные положения закрепили бы их авторитет и правовое положение и способствовало бы правильному сочетанию коллективизма и единичности в руководстве колхозным производством.

В настоящее время нередко должностные лица колхозов превышают свои полномочия по распоряжению колхозным имуществом и ущемляют имущественные интересы колхоза. Например, иногда председатели колхозов заключают договор купли-продажи колхозной продукции или инвентаря без разрешения компетентного органа колхоза, хотя производственно-финансовый план колхоза такую сделку не предусматривает.

Действующие Уставы сельскохозяйственных артелей, как правило, недостаточно определяют компетенцию правления колхоза по заключению договоров. В некоторых уставах вообще нет соответствующих норм, и данный вопрос решается по усмотрению самого правления. В других уставах эти нормы очень разнообразные (относят заключение договоров частично к компетенции общего собрания или собрания уполномоченных, частично к компетенции правления колхоза и т. д.).

Практика подсказывает, что необходима унификация компетенции органов колхоза по заключению договоров и других сделок. Такая унификация возможна как в новом Примерном уставе сельскохозяйственной артели, так и в примерных положениях о коллегиальных органах и должностных лицах колхозов. Это даст возможность стабилизировать договорные отношения колхозов, сократить число незаконных и внеуставных сделок.

Большое значение в этом деле имеют также типовые договоры, которые сегодня охватывают важнейшие виды договорных отношений колхозов. Имеются типовый договор контрактации сельскохозяйственных продуктов, типовый договор комиссии сельскохозяйственных продуктов и др. Как правильно отмечено в нашей юридической литературе, эти договоры имеют нормативное значение в правовом регулировании³¹.

Типовые договоры утверждаются Советами Министров союзных республик или другими государственными органами,

³¹ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, Изд. «Наука», М., 1966, стр. 297.

наделенными правом издания нормативного акта республиканского значения. Права и обязанности сторон, порядок заключения и исполнения договора, санкции, определенные типовыми договорами, обязательны для колхоза и его контрагентов и подлежат включению в неизменном виде в конкретный договор. Соглашение сторон, изменяющее условия типового договора, является недействительным³².

Можно сказать, что существование типовых договоров значительно облегчает применение гражданскоправовых норм в соответствующих договорных отношениях, так как отпадает необходимость разработки сравнительно сложного текста договора со всеми обязательными атрибутами. Колхоз и его контрагент в этих случаях только конкретизируют предмет и сроки исполнения договора. Такой порядок заключения договоров на базе типовых договоров дает возможность повысить качество конкретных договоров и их эффективность. Особенно важно это в договорных отношениях колхозов, у которых еще отсутствует надлежащая юридическая служба и у руководителей которых, как правило, нет достаточных юридических знаний и опыта для качественного оформления договоров.

Практика колхозного строительства Латвийской ССР и других союзных республик показывает, что с введением типовых договоров значительно сократилось число незаконных и внеуставных сделок в колхозах. Например, в судах Латвийской ССР в последние годы значительно сократилось число гражданских колхозных дел, возникающих в связи с незаконными и внеуставными договорами. Это результат улучшения юридического обслуживания колхозов и введения типовых договоров, регулирующих важнейшие договорные отношения колхозов.

Применение гражданскоправовых норм органами колхоза в значительной степени обуславливается производственно-финансовым планом колхоза. Этот план устанавливает объем производимой продукции и порядок ее реализации, порядок материально-технического обеспечения колхозного производства и использования денежных средств и т. д. Как точно подчеркивает М. И. Козырь, производственно-финансовый план колхоза предопределяет систему имущественных правоотношений колхоза и характер его договорных связей³³.

³² Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом праве, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 100—105.

³³ М. И. Козырь. Указ, соч., стр. 296.

Производственно-финансовый план колхоза является не только экономическим актом. После принятия его общим собранием колхозников он приобретает и юридический характер, определяет и конкретизирует право правления, председателя и других органов колхоза распоряжаться колхозной собственностью в течение хозяйственного года. Он обуславливает возникновение как внутренних, так и внешних имущественных отношений колхоза. Все договоры колхоза должны заключаться в соответствии с производственно-финансовым планом. Исключения из этого правила возможны только с разрешения того органа колхоза, который утвердил производственно-финансовый план, т. е. общего собрания колхозников.

Таким образом, мы убедились, что применение юридических норм колхозноправового и гражданскоправового характера в сфере правового регулирования имущественных отношений колхозов является сложной стадией процесса правового регулирования, которую обуславливают как качество самих юридических норм, так и система и компетенция органов колхоза; применяющих эти нормы.

Здесь важно подчеркнуть, что качество применения юридических норм во многом зависит от формы изложения, от ясности и точности данных норм, особенно тех, которые применяются органами колхоза. С этой точки зрения можно сказать, что в настоящее время далеко не все нормативные акты, регулирующие имущественные отношения колхозов, являются достаточно ясными и четкими. Здесь уместно процитировать слова П. И. Стучки по поводу формы советских законов. В своей статье «Революционная кодификация» в 1929 году он писал: «По мере того как мы переходим к конкретной нормировке отношений, напрашивается и новая форма изложения закона... Когда я в свое время показал Ленину один североамериканский кодекс со статьями в виде вопросов и ответов, ему эта популярная форма очень понравилась. Несколько похож на этот кодекс по форме швейцарский кодекс обязательственного права. Я неоднократно ставил вопрос о подражании этим кодексам, но до сих пор тщетно. А такой опыт стоит затраты труда».³⁴ Можно сказать, что в настоящее время мы имеем законодательство, регулирующее имущественные отношения, гораздо совершеннее, чем в 1929 году. Однако форма отдельных наших законов заметно

³⁴ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, стр. 456.

отстает от их содержания. Нельзя забывать, что на уровень правосознания наших граждан, в частности, колхозников, влияет не только содержание, но и форма советских законов. Доступная всем колхозникам форма Устава колхоза и других основных законодательных актов, регулирующих колхозную жизнь, дает широкую возможность каждому колхознику ознакомиться с ними, усвоить их содержание, лучше понять их и неуклонно руководствоваться в своей деятельности. А это имеет большое правовоспитательное значение. Наоборот, сложный по форме изложения законодательный акт обычно доступен для усвоения только профессиональному юристу или другому специалисту. А этого мало, если речь идет о юридических нормах, касающихся всех граждан или в значительной части их (всех членов колхозов). Можно сказать, что значительно легче работать и профессиональному юристу, если форма нормативных актов простая, ясная и точная, легко доступная гражданам и должностным лицам. В таком случае юрист может больше рассчитывать на необходимый уровень правосознания соответствующих лиц, на их знание и желание исполнять требования закона.

Вопросы правосознания имеют большое значение при применении правовых норм, так как правильное применение этих норм зависит от правильного толкования их, от выяснения их смысла и назначения. Верное толкование юридических норм способствует успешному правовому регулированию³⁵.

Органами колхоза наряду с колхозно- и гражданско-правовыми нормами применяются также трудовые правовые нормы. В колхозах работают многие специалисты сельского хозяйства, механизаторы и другие работники на основании трудового договора, который заключает правление колхоза с соответствующим гражданином, который не состоит членом в колхозе. Такой трудовой договор лежит в основе трудовых имущественных отношений, например, по оплате труда, социальному страхованию и т. п. В этих отношениях применяются нормы советского трудового права.

Колхозноправовые нормы в этих отношениях имеют вспомогательное значение, так же как в остальных договорных отношениях колхозов, которые в основном регулируются гражданским правом.

Колхозноправовыми нормами устанавливается компетенция колхозных органов по заключению договоров. Колхозно-

³⁵ Я. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 139.

правовые нормы определяют специальную правоспособность колхоза, которая отражается в компетенции колхозных органов. В этом отношении Устав сельскохозяйственной артели в значительной степени обуславливает применение органами колхоза любых правовых норм.

Имущественные отношения колхозов, возникающие в сфере административного и финансового права, регулируются административными актами, а сами органы колхоза не вправе самостоятельно применять административно- или финансово-правовые нормы. Однако органы колхоза и здесь участвуют в процессе применения норм. Например, районный финансовый отдел облагает колхозный двор сельскохозяйственным налогом в повышенном размере на основании решения общего собрания колхоза, утверждающего список колхозных дворов, трудоспособные члены которых без уважительных причин не выполнили в текущем году обязательный минимум труда в общественном хозяйстве колхоза. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1965 г. «О подоходном налоге с колхозов»³⁶ правление колхоза само исчисляет сумму подоходного налога из доходов колхоза и представляет финансовым органам соответствующие расчеты. Окончательное решение вопроса как в одном, так и в другом случае зависит не от колхоза, а от финансового органа. Подобное положение возникает и в случае охраны колхозной собственности в административно-правовом порядке. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах»³⁷ в случае потравы колхозных посевов и насаждений органы колхоза участвуют в составлении акта о потраве, где определяется размер ущерба. Однако взыскание ущерба и административного штрафа производится по решению исполнительного комитета сельского или поселкового, городского Совета депутатов трудящихся. Из этого можно сделать вывод, что применение административно- и финансово-правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, является правомочием органов государственного управления, и колхозы не вправе самостоятельно по своей инициативе применять эти нормы, даже не говоря о санкциях, которые исключительно применяются только административными, финансовыми и другими органами государства.

³⁶ Ведомости Верховного Совета СССР, 1965 г., № 15.

³⁷ Ведомости Верховного Совета СССР, 1955 г., № 1.

Из сказанного видно, что применение правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, является сложным комплексным процессом, где принимают участие как органы колхоза, так и государственные органы. Правильное сочетание правоприменительных действий (актов) этих разных органов является важным условием успешного правового регулирования данных отношений.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ

В результате применения правовых норм возникают конкретные имущественные правоотношения между колхозом и другими субъектами этих отношений. В этом процессе возникают субъективные права и обязанности конкретных лиц. Начинается стадия реализации права, т. е. осуществление должного поведения лиц, определенного нормами права. С. С. Алексеев правильно подчеркивает, что полная и точная реализация юридических норм зависит прежде всего от содержания правового регулирования, а немаловажное значение принадлежит и тому, насколько полны и эффективны меры организационного и юридического обеспечения (санкции), предусмотренные в нормативном акте³⁸. Однако мы не согласны с автором по вопросу о понятии термина «применение права», который С. С. Алексеев суживает до применения санкций, указав, что применение — это такая форма реализации (права Я. С.), при которой особые органы, наделенные властными полномочиями, специально направляют свою деятельность на то, чтобы обеспечить претворение норм права в жизнь³⁹.

По нашему мнению, нет оснований для столь узкого истолкования термина «применение права». Термин «применение права» хорошо и точно характеризует деятельность субъектов права по реализации правовых норм. В большинстве случаев они активные участники правоотношений, и свою активность выражают в договорах, решениях, распоряжениях и других юридических актах. В этих правоприменительных актах имеется прямая или косвенная ссылка на нормативные акты — на Гражданский кодекс, устав колхоза, решения общего собрания колхозников и т. д. Логический вывод — это применение правовых норм. Поэтому мы согласны с той точкой

³⁸ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 91—92.

³⁹ Там же, стр. 95.

зрения, которая высказана в нашей юридической литературе и исходя из которой под применением права понимается активная деятельность субъектов правоотношений по реализации юридических норм⁴⁰. А. А. Пионтковский убедительно подчеркивает, что понимание применения норм права только как особого полномочия государственных органов и должностных лиц противоречит советской действительности, принципам социалистического демократизма⁴¹. По нашему мнению, здесь важно выявить и правовоспитательный момент. В этом отношении сознание ответственности и долга правильного применения правовых норм со стороны субъектов правоотношений, например, со стороны органов колхоза, дает больше эффекта в правовом регулировании, чем сознание, что они являются только формальными исполнителями закона. С. С. Алексеев в данном случае предлагает термин «использование норм права»⁴². Однако и этот термин односторонний и не отражает активной роли колхозов, общественных организаций и граждан в процессе реализации права.

В подавляющем большинстве случаев субъективные права и обязанности, вытекающие из правоотношения, исполняются добровольно. Это является результатом авторитета советского закона, режима социалистической законности, социалистического правосознания членов колхоза и других граждан. Следует отметить, что также в результате организации и успешной деятельности народных университетов советского права и улучшения правовой пропаганды среди сельского населения как лекциями, так и популярной правовой литературой в последние годы поднялся уровень правосознания колхозников и руководителей колхозов в Латвийской ССР. Это положительно влияет на осуществление имущественных прав колхозов. Общественную и уставную дисциплину в колхозах республики заметно укрепили также экономические успехи колхозного строительства, рост материального благосостояния колхозников. Можно сказать, что в настоящее время имеется целый ряд социально-экономических и идеологических условий в советском колхозном строе, которые обеспечивают осуществление правовых норм.

⁴⁰ См. АН СССР, Институт государства и права, Теория государства и права, глава XX (автор А. А. Пионтковский), Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 440—441.

⁴¹ Там же, стр. 441.

⁴² С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 94.

Наша задача рассмотреть **правовые средства обеспечения** исполнения правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов. Правовые средства обеспечения исполнения могут быть поняты в широком и узком смысле слова. В широком смысле они являются правовыми гарантиями, т. е. общими правовыми мерами, которые гарантируют, что должное поведение субъектов правоотношений будет осуществлено. К таким правовым гарантиям относятся: во-первых, наличие соответствующей нормы права, применяемой к конкретному имущественному отношению и точно определяющей правомочия и обязанности субъектов правоотношений. Во-вторых, наличие органов, контролирующих и обеспечивающих исполнение правовых норм. В-третьих, наличие правовых санкций, применяемых в случаях неисполнения правовых норм.

В узком смысле под правовыми средствами обеспечения исполнения мы понимаем санкции.

В настоящее время разные отрасли советского законодательства, регулирующие имущественные отношения колхозов, в подавляющем большинстве случаев содержат соответствующие конкретные правовые нормы, применяемые к данному имущественному отношению. В этой связи положительную оценку заслуживают новые ГК союзных республик, которые гораздо полнее регулируют имущественные отношения колхозов, чем старые ГК, где вообще не было норм, конкретно регулирующих имущественные отношения колхозов. В новых ГК таких норм сравнительно много, в частности, нормы, регулирующие право собственности колхоза и колхозного двора, правовое положение колхоза как юридического лица, а также договорные отношения колхозов.⁴³ Однако ввиду некоторого отставания колхозного законодательства отдельные имущественные отношения колхозов и в настоящее время недостаточно регулируются нормами права. Например, такими отношениями являются деликтные отношения, возникающие между колхозом и членом колхоза в случае причинения ущерба имуществу колхоза противоправным действием или бездействием колхозника. Эти отношения являются внутриколхозными и должны быть урегулированы нормами колхозного

⁴³ См. более подробно об этом вопросе в статье Я. Я. Страутманиса «Правовое регулирование имущественных отношений колхозов», ЛГУ им. П. Стучки, Ученые записки, Юридические науки, том 70. Вопросы гражданского и трудового законодательства Советской Латвии, Изд. «Звайгзне», Р., 1965, стр. 57—69.

права. Однако ввиду отсутствия специальных колхозноправовых норм, регулирующих материальную ответственность колхозников перед колхозом, в этих случаях по настоящее время в судебной практике применяются нормы гражданского права, в частности, ст. ст. 465—491 ГК Латвийской ССР и соответствующие ст. ст. ГК других союзных республик, регулирующие обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Такое применение по аналогии норм гражданского права к отношениям колхозноправового характера не способствует эффективному исполнению обязанностей субъектов правоотношения, прежде всего потому, что эти обязанности недостаточно определены (нет точного разграничения материальной ответственности колхозников на ограниченную, полную и повышенную ответственность, не установлен конкретный порядок возмещения ущерба). В результате этого в практике колхозного строительства очень мало случаев добровольного возмещения ущерба, причиненного колхозному имуществу членом колхоза. Только применение правовых санкций в судебном порядке обеспечивает в этих случаях исполнение обязательства. Такое положение нельзя признать нормальным и данный вопрос следует урегулировать в колхозном законодательстве.

Мы уже указали, что в результате неточного определения компетенции органов колхоза по совершению гражданскоправовых сделок возникают отрицательные последствия в исполнении правовых норм, содержащихся в этих актах, так как исполнитель не всегда убежден, что данный акт является правомерным. В такой ситуации страдает авторитет правового акта. Например, если правление колхоза заключает договор купли-продажи объекта производственного характера и договор не соответствует производственно-финансовому плану колхоза, контрагент колхоза, узнавший об этом обстоятельстве, может уклониться от исполнения договора, а отделение Государственного Банка отказать в перечислении денег из счета колхоза до того времени, пока договор не будет утвержден общим собранием колхозников. От этого страдает эффективность правового регулирования.

Органами, которые контролируют и обеспечивают исполнение правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, являются как органы самого колхоза, так и органы государственного управления и суда.

Органы колхоза контролируют исполнение тех правовых норм, которые содержатся в их правотворческих и правопри-

менительных актах, т. е. исполнение уставных норм, а также норм, установленных решениями общего собрания, собрания уполномоченных, правления колхоза. Должностные лица колхоза следят за исполнением их распоряжений и указаний. В деле контроля и обеспечения исполнения правовых норм важная роль принадлежит правлению колхоза — исполнительно-распорядительному органу колхоза. Правление колхоза отвечает перед общим собранием членов артели за выполнение обязательств перед государством, за соблюдение уставных норм, за выполнение решений общего собрания. Оно организует и контролирует исполнение собственных решений, заключенных договоров, назначает должностных лиц и освобождает их от занимаемой должности (бригадиров, заведующих фермами, подсобными предприятиями, мастерскими, специалистов сельского хозяйства и др.). Правильный подбор и расстановка кадров в колхозном производстве значительно влияют на исполнение правовых норм, в частности, норм по сохранности колхозной собственности, использованию и распоряжению колхозными денежными и другими материальными средствами и т. д.

Правление колхоза наряду с общим собранием и собранием уполномоченных колхоза уполномочено Уставом сельскохозяйственной артели и другими нормативными актами применять некоторые санкции в случае неисполнения уставных норм. Эти санкции колхозноправовые и применяются только во внутриколхозных отношениях колхозноправового характера. Например, правление колхоза вправе применять санкции, установленные в ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года, к членам колхоза, нарушающим право собственности колхоза, не соблюдающим нормы приусадебного землепользования и ведения подсобного хозяйства колхозного двора. Эти уставные санкции в основном дисциплинарного и личного характера (предупреждение, выговор, порицание на общем собрании), за исключением нескольких санкций, имеющих материальный характер (штраф в размере до 5-дневных трудовых норм, перевод на низшую должность, переделка недоброкачественной работы без начисления оплаты труда). Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели...» расширило полномочия органов колхоза по применению материальных уставных санкций, в частности, предоставило право колхозным органам уменьшать приусадебные участки колхозных дворов, в составе которых

имеются трудоспособные колхозники, не работающие в колхозе или принимающие недостаточное трудовое участие в общественном хозяйстве артели. Перечень этих санкций материального характера, перечисленных в законодательных актах, следует считать исчерпывающим для органов колхоза. Исходя из требований социалистической законности, из интересов гарантирования прав граждан, нельзя допустить самостоятельное правотворчество колхозов по этим вопросам. Данные санкции должны быть установлены только в общегосударственном порядке. Поэтому следует упорно бороться с тенденцией некоторых руководителей колхозов, требующих расширения прав органов колхоза по установлению и применению к членам колхоза санкций материального характера в виде разных штрафов.

По нашему мнению, наступило время отказаться от такого штрафа как списание до 5 трудодней или норм труда. В настоящее время, когда в колхозах для укрепления трудовой и вообще уставной дисциплины решающее значение имеет принцип материальной заинтересованности, в экономическом арсенале колхозов имеются более эффективные средства воздействия на колхозников, чем данный штраф.

Упомянутые санкции колхозноправового характера имеют только вспомогательную роль при обеспечении исполнения обязанностей, вытекающих из имущественных правоотношений колхозов с членами колхоза. В основном они носят дисциплинарный и воспитательный характер. К другим субъектам имущественных правоотношений колхозов, кроме членов колхоза, они не применимы.

По действующему колхозному законодательству органы колхоза лишь своим решением не имеют права в принудительном порядке без согласия колхозника взыскать или удержать какие-либо деньги и другие материальные ценности в порядке возмещения вреда, причиненного колхозной собственности по вине члена колхоза, или взыскать другую задолженность колхозника перед колхозом. Для этого необходимо решение компетентного государственного органа — судебного или административного органа. Поэтому можно сказать, что действующие колхозноправовые, уставные санкции не обеспечивают осуществление должного поведения колхозника в его имущественных отношениях с колхозом, если это поведение связано с уплатой денег, передачей имущества и т. п.

Уставные санкции более действенны в организационно-хозяйственных отношениях колхоза, которые возникают в хо-

зяйственной деятельности колхоза в связи с организацией труда и использованием орудий и средств производства в общественном хозяйстве колхоза. Эти отношения возникают между колхозом и его бригадами, фермами, подсобными предприятиями, другими производственными участками, а также между колхозом и членами колхоза, должностными лицами и т. п.

Органы государства при обеспечении исполнения правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, осуществляют специальные властные полномочия — полномочия контроля и также государственного принуждения в необходимых случаях. Одна из важнейших функций государственных органов — это функция реализации юридических норм, принятых или акцептированных государственными органами. К этим нормам относятся и нормы, регулирующие имущественные отношения колхозов. Контроль за соблюдением этих норм осуществляют государственные органы, в компетенцию которых входит государственное руководство колхозами. Такими органами являются Советы Министров союзных республик, местные Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты, Министерство сельского хозяйства СССР со своими местными органами и некоторые другие. Так, например, контроль за соблюдением уставных норм в колхозах осуществляют районные производственные управления сельского хозяйства, районные исполнительные комитеты и сельские Советы. Районное производственное управление сельского хозяйства осуществляет контроль за исполнением договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов, заключенных колхозами, за соблюдением права колхозной собственности. Однако применять санкции к имущественным правоотношениям колхоза органы государственного руководства колхозами вправе только в случаях специально предусмотренных в законе.

Такие санкции применяются исполнительными комитетами районных и сельских Советов депутатов трудящихся, а также финансовыми органами. Согласно постановлению Совета Министров Латвийской ССР от 28 января 1965 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 14 ноября 1964 года «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан» скот колхозного двора, содержащийся сверх уставных норм, подлежит изъятию в принудительном порядке по решению исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся за воз-

награждение по действующим заготовительным ценам. Решение принимается по истечении месячного срока после письменного предупреждения правлением или ревизионной комиссией колхоза членов колхозного двора о необходимости реализации соответствующего скота.⁴⁴ Сельсовет вправе своим решением взыскать возмещение ущерба, причиненного травой колхозных посевов и насаждений, а также административный штраф. (См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за поборы посевов в колхозах и совхозах»).

Финансовые органы уполномочены своими распоряжениями списать с текущих счетов колхозов неуплаченные суммы подоходного налога, страховых платежей по государственному обязательному страхованию.⁴⁵

Случаи применения административноправовых санкций в имущественных отношениях колхозов весьма ограничены. Эти санкции применяются главным образом в целях немедленной ликвидации очевидных и грубых нарушений имущественных прав колхозов со стороны граждан и разных организаций, а также в целях обеспечения немедленного исполнения государственных бюджетных обязательств со стороны колхоза. Сущность административноправовых санкций, применяемых в этих случаях, заключается в том, чтобы привлечь по решению органа государственного управления (иногда органа государственной власти) виновных в нарушении имущественных прав граждан или юридических лиц к административной ответственности и в пределах своей административной власти принимать меры к восстановлению нарушенных имущественных прав государства, колхозов, других организаций и граждан.⁴⁶ Административные санкции применимы только в случае бесспорного нарушения имущественных прав.

По нашему мнению, в настоящее время нет необходимости расширить применение административноправовых санкций к имущественным отношениям колхозов. В процессе дальнейшего развития колхозного строя в период развернутого строительства коммунизма имущественные отношения колхозов усложняются, становятся более разносторонними, бо-

⁴⁴ Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1965, № 7, стр. 340—342.

⁴⁵ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1967 г. «О государственном обязательном страховании имущества колхозов», Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., № 35, стр. 481.

⁴⁶ Я. Я. Страутманис. Гражданско-правовая охрана колхозной собственности, Изд. АН Латвийской ССР, Р., 1961, стр. 42—44.

лее богатыми по содержанию. Среди этих отношений растет удельный вес договорных отношений, к которым административные санкции в принципе не применимы, так как эти отношения в основном гражданско-правовые и характеризуются равноправием сторон и принципом эквивалентности. В случае невыполнения договорных обязанностей сторон возникает гражданский спор, подлежащий рассмотрению и разрешению в судебном порядке.

Следует отметить, что в настоящее время судебные органы имеют по сравнению с другими органами государства самые широкие полномочия по применению санкций в имущественных отношениях колхозов.

Согласно ст. 4 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также ст. 26 ГПК Латвийской ССР судам подведомственны дела по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, если хотя бы одной из сторон в споре является гражданин или колхоз, за исключением случаев, когда разрешение таких споров отнесено законом к ведению административных или иных органов.

Таким образом, законодатель признает судебный порядок применения санкций по спорам, возникающим из имущественных отношений колхозов, как правило, общим порядком, а другой порядок (административный, внутриколхозный) исключительным порядком. Судам подведомственны и те колхозные гражданские дела, в которых обе стороны юридические лица. Такой порядок в СССР существует с 1937 года, когда постановлением ЦИК и СНК от 27 августа 1937 года⁴⁷ было предусмотрено, что все имущественные споры между колхозами, а также колхозов с различными организациями и гражданами рассматриваются в народном суде независимо от суммы иска. Из этого вытекает, что органы арбитража не компетентны применять санкции по гражданским колхозным делам. (Эти дела охватывают все имущественные споры колхозов, подведомственные органам суда и рассматриваемые в порядке гражданского судопроизводства).

Практика рассмотрения колхозных гражданских дел в судах себя оправдала и показала, что судебный порядок дает возможность лучше защищать имущественные интересы колхозов, чем рассмотрение этих дел в арбитраже. Народные суды более доступны колхозу, поскольку они находятся в каждом районе, чего сегодня нельзя сказать об органах го-

⁴⁷ СЗ СССР, 1937 г., № 57, стр. 240.

сударственного арбитража. Судебное рассмотрение колхозных гражданских дел и применение соответствующих санкций в гражданском процессуальном порядке в настоящее время лучше гарантирует имущественные права и интересы колхозов. Это объясняется тем, что в суде происходит проверка фактических обстоятельств дела, выяснение прав и обязанностей сторон. Также порядок обжалования судебных решений способствует эффективному гарантированию имущественных прав колхозов. Для ведения дел в арбитражном процессе у колхозов не хватает соответствующей юридической службы.⁴⁸

Поэтому не можем согласиться с предложениями, высказанными в советской юридической литературе, о том, что следовало бы распространить арбитражный порядок на рассмотрение споров с участием колхоза, если другая сторона юридическое лицо. Такое предложение в 1958 году было высказано С. А. Студеником и В. Н. Можейко,⁴⁹ в последнее время Е. И. Козырем⁵⁰ и Н. А. Боровиковым⁵¹. М. И. Козырь, например, указывает, что в процессе сближения двух форм социалистической собственности будут унифицированы и формы рассмотрения имущественных споров социалистических сельскохозяйственных предприятий, и такие споры должны быть подведомственны арбитражу. Автор ссылается на то, что в практике деятельности отдельных крупных межколхозных объединений в настоящее время наблюдается тенденция перехода к арбитражному порядку разрешения имущественных споров, и в качестве примера приводит Краснодарский «Крайколхозстрой», где несколько лет уже действует ведомственный арбитраж.⁵² Здесь автор говорит о ведомственном, но не о государственном арбитраже. Мы согласны с тем, что в случае создания колхозной системы следовало бы в этой системе создать ведомственный арбитраж, рассматривающий имущественные споры с участием колхозов и межколхозных организаций. Однако в настоящее время

⁴⁸ См. более подробно по данному вопросу — Я. Я. Страутманис, Гражданско-правовая охрана колхозной собственности, стр. 51—54.

⁴⁹ С. А. Студеник и В. Н. Можейко. О порядке рассмотрения имущественных споров с участием колхозов, «Советское государство и право», 1958 г., № 10, стр. 56—63.

⁵⁰ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, стр. 369.

⁵¹ Н. А. Боровиков. «Договор контрактации сельскохозяйственной продукции», Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, ЛГУ, 1967 г., стр. 10.

⁵² В указанной работе М. И. Козыря, стр. 369.

нет еще условия для передачи этих споров на рассмотрение государственного арбитража.

Судебный порядок применения санкций к имущественным отношениям колхозов характерен тем, что он основан на принципе равноправия сторон, т. е. равноправия участников имущественного правоотношения. А. Н. Арзамасцев правильно подчеркивает, что особенностью восстановления имущественного положения в гражданско-правовом порядке является то, что оно происходит на **эквивалентных началах**, чего нельзя сказать о применении административных средств и о применении норм трудового права.⁵³ Говоря о применении санкций в гражданско-судебном порядке в имущественных отношениях колхозов, также можно сказать, что они применяются на эквивалентных началах, т. е. каждая сторона, каждый субъект этого правоотношения в равной мере несет имущественную ответственность за исполнение своих субъективных обязанностей.

Согласно ст. 6 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также согласно ст. 5 ГПК Латвийской ССР обеспечение в судебном порядке исполнения правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, осуществляется на основании предъявленного иска. Этот иск может быть предъявлен любым субъектом данных правоотношений, а также прокурором. По нашему мнению, право на иск по данным делам следует предоставить также органам государственного руководства колхозами, которые осуществляют ввиду своих полномочий контроль за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, за использованием договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов, за сохранностью социалистической собственности. Такими органами, в частности, являются районные исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся и районные производственные управления сельского хозяйства. Предоставление им такого права положительно повлияло бы на эффективность исполнения правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов.

Как показывает практика колхозного строительства Латвии, колхозы нередко пренебрежительно относятся к оформлению и исполнению договоров, в частности, не предъявляют необходимую требовательность в процессе исполнения дого-

⁵³ А. Н. Арзамасцев. Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Изд. Ленинградского университета, 1965 г., стр. 17.

ворных обязательств к другой стороне (к организациям по заготовке сельскохозяйственных продуктов, сельхозтехники, строительства и т. д.). Колхозы мало обращаются с исками в суд, когда контрагенты не исполняют договоры. В этом деле немаловажное значение имеют и существенные недостатки в юридическом обслуживании колхозов. Например, в Латвийской ССР юридическое обслуживание колхозов в основном происходит через районные производственные управления сельского хозяйства, где за счет средств колхозов содержится юрисконсульт (один юрисконсульт в каждом районе, где имеется в среднем около 30 колхозов). Он не в состоянии обеспечить оказание систематической юридической помощи колхозам. Юридическая помощь адвокатов незначительна и не дает существенных результатов. В такой ситуации следует, с одной стороны, коренным образом улучшить юридическую службу в колхозах, а, с другой стороны, расширить полномочия некоторых органов государственного управления по защите имущественных прав колхозов в судебном порядке. Такие мероприятия дали бы реальную возможность повысить эффективность правовой защиты имущественных прав и интересов колхозов в суде.

Санкции, применяемые судом для обеспечения исполнения правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, носят правовосстановительный характер, так как они направлены на восстановление нарушенного права собственности или другого имущественного права. Тем самым они обеспечивают возможность собственнику или иному субъекту имущественного правоотношения в полном объеме пользоваться и распоряжаться своей материальной благой (вещью, услугой и т. п.). Ответчик же вынужден отказаться от некоторых имущественных интересов, связанных с противоправным владением, использованием или распоряжением вещью или другим материальным благом.

О. Э. Лейст правовосстановительные санкции разделяет на три вида: принудительное исполнение, отмена незаконных актов, обязанность возместить имущественный ущерб.⁵⁴ С этим делением в основном можно согласиться, говоря о санкциях, применяемых к имущественным отношениям колхозов. Судом из данных видов санкций применяется принудительное исполнение и обязанность возместить имущественный ущерб.

⁵⁴ О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, Госюриздат, М., 1962, стр. 109.

Отмена незаконных актов более характерна административному порядку применения санкций.

В советской юридической литературе встречаются разные понятия санкции как меры принуждения. Так, М. М. Агарков суживает понятие санкции, считая, что санкциями являются только меры непосредственного принуждения, обращенные на имущество или личность правонарушителя (принудительное взыскание штрафа, убытков и т. п.).⁵⁵

Наоборот О. С. Иоффе⁵⁶, А. С. Пиголкин⁵⁷ считают, что из понятия санкции (ответственности) следует исключить меры государственного принуждения, которые направлены на исполнение в принудительном порядке ранее неисполненной обязанности.

По нашему мнению, такие сужения понятия санкции не оправдывают себя ни теоретически, ни практически. Правовые санкции имеют материально-правовой и процессуально-правовой характер. Это значит, что каждая норма, в т. ч. санкция материального права (уплата штрафа, возмещение убытков и т. п.) обеспечивается соответствующей процессуальной нормой и санкцией принудительного исполнения в случае, если материально-правовая норма, в т. ч. санкция не будет исполнена добровольно. Например, согласно п.п. 1 и 2 постановления Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» предусмотрено, что лицо, виновное в гибели колхозного скота, должно возместить причиненный ущерб в сумме однократной стоимости скота по закупочным ценам или путем сдачи в натуре колхозу равноценного скота. Возмещение ущерба в деньгах или в натуре в данном случае обязанность материально-правового характера и одновременно санкция материального права. Если виновное лицо отказывается добровольно исполнить эту обязанность — санкцию, предусмотренную нормативным актом, колхоз вправе предъявить иск в народный суд о принудительном взыскании возмещения ущерба. Такой иск рассматривается в гражданско-процессуальном порядке и суд на основании как материально-право-

⁵⁵ См. Теория государства и права, макет учебника, М., 1948, стр. 415—416, 423—425.

⁵⁶ О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. Ленинградского университета, Л., 1955, стр. 14.

⁵⁷ А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, М., 1960, стр. 185.

вых, так и процессуально-правовых норм выносит решение о принудительном взыскании (исполнении), т. е. применяет как материально-правовую, так и процессуально-правовую санкцию.

Можно сказать, что процессуально-правовые санкции обслуживают (дополняют) материально-правовые санкции и обеспечивают принудительное исполнение норм материального права даже в тех случаях, когда сама норма материального права не содержит санкцию в узком смысле этого понятия. Например, действующее законодательство об оплате труда колхозников не предусматривает санкции в виде штрафа за несвоевременную выдачу колхознику оплаты труда со стороны колхоза. Но это не значит, что к органам колхоза нельзя применить никаких санкций в случае их отказа выдать причитающуюся колхознику оплату труда. Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» устанавливает, что суды могут рассматривать иски колхозников о взыскании продуктов или денег в порядке оплаты труда в тех случаях, когда выполненная колхозниками работа была принята правлением колхоза к оплате и оплата уже начислена, но по каким-либо причинам не выплачена.⁵⁸ В данном случае суд фактически применяет только процессуально-правовую санкцию — принудительное взыскание, так как он не вправе рассмотреть вопрос о правильности применения норм материального права (о правильности применения норм материального права (о правильности начисления оплаты труда и т. п.). Считаем, что такая ограниченность полномочий суда при рассмотрении исков колхозников об оплате труда в настоящее время противоречит требованиям жизни и интересам укрепления социалистической законности.

Практика колхозного строительства показывает, что колхозы нередко отступают от основных принципов оплаты труда, установленных советским колхозным законодательством. Бывают случаи, когда правления колхозов незаконно уменьшают начисленную колхознику оплату труда в порядке дисциплинарного взыскания (списывают свыше 5 норм выработки, предусмотренных Уставом сельскохозяйственной артели). Однако суд в таком случае не может взыскать в принудительном порядке с колхоза незаконно удержанную опла-

⁵⁸ Справочник по законодательству для председателя колхоза, стр. 437.

ту труда, пока нет положительного решения по данному вопросу общего собрания колхозников или другого органа колхоза.

В условиях, когда порядок оплаты труда в колхозах в связи с введением гарантированной оплаты труда существенно приближен к порядку оплаты труда в совхозах, следует и расширить правовые гарантии колхозников в части своевременного и полного получения причитающейся оплаты труда. В этом деле важное значение имело бы расширение полномочий суда при рассмотрении исков колхозников об оплате труда. По нашему мнению, суду следовало бы дать право рассмотреть данные иски колхозников по существу, т. е. проверить правильность и законность действий органов колхоза при начислении, списании, удержании оплаты труда колхозников. Известно, что при рассмотрении исков рабочих и служащих, в том числе и тех, которые работают в колхозах на основании трудового договора, суд такое право имеет.⁵⁹

Из вышеизложенного вытекает, что деление правосстановительных санкций на принудительное исполнение и обязанность возместить имущественный ущерб весьма условное. Под понятием принудительного исполнения можем подвести и обязанность возмещения имущественного ущерба, если эта обязанность не исполняется в добровольном порядке. Упомянутое деление санкций дает только возможность акцентировать внимание на те правосстановительные санкции, которые применяются, с одной стороны, в договорных отношениях, а, с другой стороны, в недоговорных отношениях — деликтных отношениях. В этом аспекте данное деление помогает более основательно изучать процесс и усилия применения санкций, в том числе и в имущественных отношениях колхозов.

Из всего сказанного можно сделать общий вывод, что механизм правового регулирования имущественных отношений колхозов — это весьма сложный правовой механизм, охваты-

⁵⁹ Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1968 г. «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда СССР по гражданским делам» изменен п. 12 постановления Пленума от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам». Согласно новому постановлению споры об оплате труда членов колхозов подлежат судебному рассмотрению, если за выполненную работу основная и дополнительная оплата труда не начислена или начислена не полностью, либо не выдана в установленные в данном колхозе сроки. Я. С.

вающий очень разнообразные средства правового регулирования, которые применяются в определенном правовом порядке. Эти средства, хотя они взаимосвязаны и взаимообусловлены, принадлежат к разным отраслям советского социалистического права (колхозному праву, гражданскому праву, административному праву и т. д.). Но их объединяет общая главная цель — обеспечить дальнейшее укрепление и развитие социалистических производственных отношений в колхозах как органической части нашего социалистического общества, приступившего к развернутому строительству коммунизма. Первоочередная задача советских юристов — всемерно усовершенствовать механизм правового регулирования тех общественных отношений, которые непосредственно влияют на производство материальных благ. Такими являются имущественные правоотношения колхозов.

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОЛХОЗОВ

В настоящее время проводится большая и сложная работа по совершенствованию советского законодательства как всесоюзного, так и республиканского масштаба. Особое внимание обращено на дальнейшее развитие законодательства, регулирующего имущественные отношения. Это необходимо для того, чтобы в правовом порядке обеспечить оптимальные условия дальнейшего развития социалистической экономики и, в частности, экономики колхозов. Наше законодательство призвано обеспечивать правовую основу выполнения всех наших планов.¹ Поэтому от состояния нормативных актов, регулирующих отношения собственности, договорные отношения и другие имущественные отношения, во многом зависит успех нашего экономического строительства, в том числе колхозного строительства.

В нынешних условиях, когда осуществляется переход к новой системе планирования и материального стимулирования производства, изменяются содержание, формы и методы партийного и государственного руководства экономической деятельностью социалистических производственных предприятий как в городах, так и в деревне. Как правильно отмечено в нашей экономической литературе, ныне в решении хозяйственных вопросов с точки зрения внутренних условий общества первенствующее значение принадлежит экономике, критериям эффективности социалистического производства.² Однако это не умаляет роль права, так как необходимый эффект экономических мероприятий в нынешних условиях строительства коммунизма зависит от того, как эти мероприятия обеспечены правом, как они урегулированы гражданским,

¹ В. Чхиквадзе. Законы диктует жизнь, «Известия», 1965, 7 сентября.

² В. П. Шкредов. Экономика и право. Изд. «Экономика», М., 1967, стр. 95.

колхозным, административным и др. правом, как они контролируются и как обеспечивается их осуществление органами государства, как соблюдается социалистическая законность в хозяйственных отношениях. При таких обстоятельствах возникает важная задача юридических наук — исследовать правовое регулирование хозяйственной жизни и соответствующих общественных отношений, а также подготовить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию советского законодательства. Это прямо вытекает из постановления ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

Наша задача — остановиться на некоторых проблемах правового регулирования имущественных отношений колхозов в свете упомянутого постановления.

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КОЛХОЗОВ

В советской юридической литературе в последние годы проблеме понятия и классификации имущественных отношений в советском обществе вообще, и имущественных отношений колхозов, в частности, посвящено сравнительно много исследований как цивилистов, так и представителей колхозного, административного, земельного и др. отраслей советского права.³ Среди этих работ хочется отметить монографию М. И. Козыря «Имущественные правоотношения колхозов в СССР», которая является комплексным исследованием в советской юридической литературе имущественных правоотношений колхозов в условиях строительства коммунизма. Характеризуя имущественные правоотношения колхозов, автор указывает, что основная особенность этих отношений состоит в том, что колхоз, как неопременный их участник является, с одной стороны, субъектом права социалистической колхозной собственности, а с другой (как социалистическое сельскохозяйственное предприятие) — хозяйствующим

³ С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, Госюриздат, 1963; Г. А. Аксененок, Правовое положение совхозов в СССР, Изд. АН СССР, 1960; З. С. Беляева, Правовое положение межколхозных объединений и фондов, Госюриздат, 1962; М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, Изд. «Наука», М., 1966; Хозяйственное право, под ред. В. В. Лаптева, Изд. «Юридическая литература», М., 1967 и другие работы.

щим субъектом права.⁴ Исходя из данной концепции, которая позволяет объединить в одно целое имущественные отношения, возникающие в хозяйственной деятельности колхозов, М. И. Козырь под имущественными отношениями понимает и те внутриколхозные отношения, которые складываются между колхозом в целом и отдельными его бригадами, фермами и другими общественными предприятиями и подразделениями в процессе внутрихозяйственной деятельности.⁵ Автор подчеркивает, что эти имущественные правоотношения существенно расширились и укрепились в результате укрупнения колхозов и широкого внедрения внутрихозяйственного расчета. Другой автор А. А. Рускол признает субъектами внутриколхозных правоотношений, в том числе и имущественных правоотношений, такие производственные подразделения колхоза, которые переведены на хозяйственный расчет.⁶

Если сравниваем упомянутую концепцию имущественных отношений с понятием имущественных отношений, изложенным авторами учебника «Хозяйственное право», то можно сказать, что они по существу совпадают. Так, И. А. Танчук в данном учебнике указывает, что внутри предприятия в результате осуществления хозрасчета возникают возмездные (имущественные — Я. С.) правоотношения между предприятием в целом и его цехами как хозрасчетными звеньями. Он пишет: «По своей структуре такие отношения являются обязательственноправовыми».⁷ Таким образом, с точки зрения сторонников хозяйственного права обязательственноправовые (имущественные) отношения могут иметь место и между хозяйственными единицами, не обладающими правами юридического лица, не несущими самостоятельной имущественной ответственности.

По нашему мнению, такое расширенное понятие имущественных правоотношений не оправдывает себя как с точки зрения теории, так и практики правового регулирования.

Выделение имущественных отношений из всего комплекса общественных отношений необходимо прежде всего для правильного выбора правовых методов и форм регулирования

⁴ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ А. А. Рускол. «Правовые вопросы внутрихозяйственного хозрасчета в колхозах», Всесоюзный Научно-исследовательский институт советского законодательства, Ученые записки, выпуск 12, М., 1968, стр. 18.

⁷ Хозяйственное право, стр. 117—118.

этих отношений. Научно обоснованное понятие данных отношений помогает законодательным органам установить надлежащее место правовых норм, в частности, норм, регулирующих колхозное строительство, отнести эти нормы к соответствующей отрасли советского права и подвести их под определенные правовые институты.

Необоснованное расширение понятия имущественных отношений приводит к тому, что без надобности ломается действующая система советского права, расширяется сфера действия гражданского, финансового или другого права, регулирующего имущественные отношения. С другой стороны, в такой ситуации недооцениваем внутриотраслевые организационно-управленческие отношения, в которых преобладает не имущественный элемент, а элемент плановой организации социалистического производства. Плановая основа, вытекающая из самой природы социалистического государства, являющегося главным организатором производства и распределения в нашем обществе, тесно связана с принципом демократического централизма. Поэтому все так называемые хозяйственные отношения, которые возникают в процессе социалистического расширенного воспроизводства, нет оснований свести к имущественным отношениям.

При таких условиях мы разделяем позицию С. Н. Братуся и других советских цивилистов, подчеркивающих, что имущественные отношения — это прежде всего отношения между собственниками или отношения, связанные с собственностью.⁸ Субъектами данных отношений могут быть только граждане и юридические лица, в том числе колхозы, колхозники и другие, обладающие правом собственности или правом оперативного управления имуществом (государственные предприятия, межколхозные организации).

В нашей юридической литературе уже сложилось понятие оперативного управления имуществом и оно содержит право владения, пользования и распоряжения имуществом, при этом право распоряжения существенно связано с правом отчуждения имущества. Иначе говоря, без права отчуждения имущества нет и права распоряжения имуществом.

Бригады, фермы и другие внутриколхозные предприятия и подразделения колхозов, даже переведенные на хозрасчет, не имеют права юридического лица и не являются субъектами права собственности или оперативного управления колхоз-

⁸ С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, стр. 10, 11.

ным имуществом. Они не имеют самостоятельный баланс, не несут имущественную ответственность перед колхозом, государством и другими организациями в собственном смысле этого слова, не имеют право отчуждать переданное им в постоянное пользование колхозное имущество. Таким образом, эти внутренние производственные единицы колхоза не пользуются правом распоряжения колхозным имуществом.

То обстоятельство, что решением правления колхоза за бригадами, фермами и другими производственными участками колхоза закрепляются в постоянное пользование земля, строения, скот, сельскохозяйственные машины и другой инвентарь, не дает, по нашему мнению, достаточного основания квалифицировать эти производственные участки в качестве субъектов имущественных правоотношений. Их отношения с колхозом в основном носят организационно-управленческий, но не имущественный характер. За ними закрепляются в постоянном пользовании средства производства с целью лучшего, более рационального использования этих средств, с целью повышения персональной ответственности колхозников и руководителей колхозного производства за выполнение производственного задания и сохранение социалистической собственности. В то же время неделимый, семенной, фуражный и другие фонды колхозной собственности сохраняют свое экономическое единство, единый правовой режим, единое управление со стороны органов всего колхоза.

Как правильно отмечено в экономической литературе, введение внутрихозяйственного расчета в колхозах в основном связано с повышением материальной заинтересованности членов бригады или фермы в результатах хозяйственной деятельности бригады или фермы. Для этой цели каждому производственному участку колхоза дается производственное задание, устанавливается лимит оплаты труда и материальных расходов, а также оплата труда в зависимости от производственных результатов.⁹ Соответствующими материальными средствами даже в этой ситуации распоряжается не отдельная бригада или ферма, а правление колхоза или другие органы всего колхоза (общее собрание, собрание уполномоченных). В противном случае, т. е. в случае передачи бригадам, фермам права распоряжения колхозным имуществом, ущемляются интересы колхозного строительства.

⁹ Академия Наук Латвийской ССР, Институт экономики. Оплата труда в колхозах. Изд. «Зинатне», на латышском языке, Рига, 1967, стр. 181—182.

Например, в Латвийской ССР, несмотря на попытки почти во всех колхозах ввести внутрихозяйственный расчет, в настоящее время только в немногих колхозах (всего в начале 1968 года 753 сельскохозяйственные артели) введены основные принципы внутреннего хозяйственного расчета.¹⁰ В некоторых колхозах были предприняты попытки создать имущественную обособленность отдельных бригад, например, в сельскохозяйственной артели «Гулбене» (Гулбенский район). Здесь в каждой комплексной бригаде ввели отдельный баланс, каждая бригада самостоятельно производила отчисления для оплаты подоходного налога, страховых платежей, а также в общественные фонды. Вела отдельный учет за реализованную продукцию. Создалось положение — «колхоз в колхозе», которое тормозило рациональную специализацию производства между бригадами и очень осложнило введение хозяйственного расчета.

Этот пример показывает, что нельзя преувеличивать хозяйственную самостоятельность отдельных внутренних производственных единиц колхоза и расширять их право владения и пользования колхозным имуществом до предела оперативного управления. В таком случае данное право начинает тормозить дальнейшее развитие колхозной экономики.

Однако из сказанного нельзя делать вывод, что колхозы не нуждаются в хозяйственном расчете. Хозрасчет в бригадах, фермах и других производственных участках колхозов является значительным экономическим стимулом производства. Интенсификация сельскохозяйственного производства, интересы повышения рентабельности колхозного хозяйства требуют последовательного ведения хозрасчета в колхозах, охватывающего все производственные участки — бригады, фермы, подсобные предприятия и т. д. Это связано с введением учета материальных и трудовых затрат, оплаты труда в зависимости от результатов производства (урожайности, продуктивности) в соответствующем участке. Но внутренний хозрасчет не превращает бригады, фермы и подсобные предприятия колхозов в самостоятельные субъекты имущественных отношений, которые обладали бы правом собственности или правом оперативного управления имуществом.

Исходя из вышеуказанных мотивов, нет оснований считать внутренние производственные единицы колхозов субъек-

¹⁰ Академия Наук Латвийской ССР, Институт экономики. Оплата труда в колхозах. Изд. «Зинатне», на латышском языке. Рига, 1967, стр. 181.

тами имущественных отношений. Они вообще не являются субъектами права, исходя из концепций, общепризнанных в советской юридической науке. По нашему мнению, они являются субъектами организационных отношений, так как производственные бригады, фермы и подсобные предприятия колхозов в основном являются единицами организации общественного труда и соответствующее имущество за ними закрепляется только в целях более эффективной организации труда, в целях повышения производительности труда. За правильное использование средств и орудий производства, закрепленных за бригадой или фермой, отвечают не эти производственные единицы как таковые, а бригадир, заведующий фермой и отдельные члены бригады или фермы, которые непосредственно владеют и пользуются колхозным имуществом. Это подтверждает и судебная практика, согласно которой в случае причинения ущерба колхозному имуществу членами колхозов, работающих в производственных единицах колхоза, наступает индивидуальная ответственность виновных лиц, но не всей бригады или фермы.¹¹ В этом аспекте превращение бригады или фермы в субъект имущественных отношений снизило бы ответственность (в частности, имущественную) отдельных колхозников за сохранение и правильное использование колхозного имущества.

Считаем, что с учетом социально-экономического единства имущественных отношений в социалистическом обществе, основанного на социалистической собственности на средства и орудия производства и социалистической хозяйственной системы, следовало бы разработать единое понятие имущественных правоотношений в советской правовой науке независимо от того, какая отрасль права (гражданское, колхозное, административное, финансовое, трудовое) регулирует эти отношения. Для разработки такой единой концепции было бы целесообразно в основном исходить из науки советского гражданского права, дающей самые богатые исследования в этой области.

Не менее важным является вопрос классификации имущественных отношений колхозов, учитывая то, что эти отношения являются комплексными и регулируются разными отраслями советского права.

М. И. Козырь правильно указывает, что научная классификация имущественных правоотношений должна быть ос-

¹¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам».

нована прежде всего на экономических признаках.¹² Исходя из экономического критерия, имущественные отношения колхозов можно разделить на отношения в сфере производства, отношения в сфере потребления, товарно-денежные отношения, внутренние и внешние отношения.

Однако для юридической классификации данных отношений необходим и юридический критерий. Мы согласны с М. И. Козырем, что степень связанности тех или иных видов имущественных правоотношений колхозов с членством в сельскохозяйственной артели может служить юридическим критерием классификации этих отношений.¹³ Исходя из данного критерия можно выделить из массы имущественных отношений колхозов те отношения, которые возникают в результате членства в колхозе и регулируются колхозным правом, например, внутриколхозные отношения, складывающиеся в процессе обобществления средств производства при вступлении в колхоз, осуществления права колхозной собственности, ведения личного подсобного хозяйства колхозного двора и т. п.

Все-таки наряду с этими отношениями еще существуют другие внутриколхозные имущественные отношения, например, отношения по оплате труда лиц, работающих в колхозах на основе трудового договора (трудовые отношения). Для юридической классификации упомянутых отношений, а также разнообразных внешних имущественных отношений (межколхозных, договорных, административных и финансовых, деликтных) необходимо ввести еще дополнительный критерий — **метод правового регулирования данных отношений.**

Дело в том, что весь комплекс имущественных отношений колхозов, как это признает в настоящее время большинство представителей колхозного права, регулируется не только колхозным правом, но также гражданским, административным, финансовым и другими правами. При этом следует отметить, что в разные периоды колхозного строительства одни и те же имущественные отношения колхозов, например, отношения по государственным заготовкам сельскохозяйственных продуктов регулировались разными отраслями советского права. В частности, государственные заготовки сельскохозяйственных продуктов с колхозов (обязательные поставки) до 1958 года в основном регулировались

¹² М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, стр. 98.

¹³ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, стр. 99.

административным правом, а начиная с 1959 года гражданским правом. Это было связано с изменением правовой формы государственной заготовки: до 1958 года главная форма заготовок — обязательные поставки (административно-правовая форма), с 1959 года — единственной является договорная (гражданско-правовая) форма заготовок.

Поэтому в процессе исследования имущественных отношений колхозов необходимо учесть метод (способ) правового регулирования этих отношений и выявить закономерности изменения метода регулирования в разные этапы колхозного строительства. Только таким образом можем юридической классификацией охватить весь комплекс имущественных отношений колхозов, группировать их по отраслям советского права, установить их внутреннее единство и различия.

Применение метода правового регулирования в качестве дополнительного критерия при классификации имущественных отношений колхозов также дает возможность последовательно изучать вопрос эффективности правового регулирования конкретных отношений, связывая правовое регулирование с политикой партии и государства по колхозному строительству в определенный период. В условиях строительства коммунизма такой подход к правовому регулированию колхозных отношений тем более необходим, так как в этот период увеличивается роль активного правового воздействия на колхозное строительство, и мы должны знать, какими правовыми способами наиболее эффективно достигается назначенная цель.

Исходя из системы общественных правоотношений колхозов, а также системы действующего советского права и присущей ей методики правового регулирования имущественных отношений (колхозноправовой, гражданскоправовой, административноправовой методы), все имущественные отношения колхозов можно разделить на следующие группы

1. Колхозноправовые отношения.
2. Гражданскоправовые отношения.
3. Административноправовые отношения.
4. Финансовоправовые отношения.
5. Трудовые правовые отношения.

По нашему мнению, в круг имущественных отношений колхозов следует ввести трудовые отношения. В колхозах работают многие специалисты сельского хозяйства, механизаторы и другие работники на основании трудового договора. В связи с этим возникают имущественнотрудовые отношения

по оплате труда, социальному страхованию и т. д. В этих отношениях применяются нормы советского трудового права, а колхозноправовые нормы (нормы устава сельскохозяйственной артели, правила внутреннего распорядка) здесь имеет только дополнительную конкретизирующую роль. Например, устав колхоза определяет порядок заключения трудового договора, правила внутреннего распорядка регулируют режим рабочего дня и т. д.

Здесь возникает вопрос о возможности признания земельных отношений в качестве имущественных.

Земельные отношения являются специфическими отношениями, и в настоящее время нет оснований причислять их к имущественным отношениям, так как земля как исключительная собственность не имеет денежной оценки. Имущественный характер земельных отношений появляется в случаях возмещения ущерба в связи с нарушением права землепользования, а также в случаях изъятия земли для государственных и общественных надобностей и уменьшения приусадебных участков как колхозных дворов, так и рабочих и служащих. Но эти отношения можно квалифицировать как деликтные отношения.

В этих случаях денежной оценке подлежит не земля как таковая, а труд и средства, вложенные землепользователем в земельный участок. Разработка единого земельного кадастра СССР, содержащего экономическую оценку и оценку плодородия земли, связана с дальнейшим развитием — усилением имущественной стороны земельных отношений.

По нашему мнению, колхозноправовыми являются те имущественные отношения колхозов, которые непосредственно вытекают из членства в колхозе и главная роль в правовом регулировании которых принадлежит Уставу колхоза. Такими отношениями являются отношения по обобществлению имущества при вступлении в колхоз, внутриколхозные отношения колхозной собственности, собственности колхозного двора, отношения по оплате труда колхозников, деликтные отношения колхоза с его членами, а также отношения межколхозной собственности. Последние отношения являются прямым продолжением внутриколхозных отношений собственности и возникают на основании собственности отдельных колхозов, вступивших в межколхозную организацию. Эти отношения в основном регулируются как уставом колхоза, так и уставом (положением) межколхозной организации.

Другие имущественные отношения колхозов, менее свя-

занные с институтом членства (трудовые отношения рабочих и служащих, работающих в колхозе на основании трудового договора, договорные отношения, налоговые отношения, деликтные отношения между колхозом и гражданами, не являющимися членами колхоза, и т. п.), в основном регулируются не уставом колхоза, а нормативными актами трудового, гражданского, административного и др. права. Поэтому считаем, что эти отношения не являются колхозноправовыми отношениями, а их следует квалифицировать по той отрасли права, которая имеет главную роль в правовом регулировании данных отношений. Таким образом, при помощи метода правового регулирования возможна более обстоятельная и конкретная классификация имущественных отношений колхозов.

ПЛАНИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КОЛХОЗОВ

Как определение порядка планирования колхозного производства, так и правовое регулирование имущественных отношений колхозов являются важными функциями государственного руководства колхозами. Эти две функции тесно связаны между собой и взаимно обусловлены. М. И. Козырь правильно отмечает, что производственно-финансовый план колхоза предопределяет систему имущественных правоотношений колхозов.¹⁴

Плановое государственное руководство колхозным производством является объективной экономической необходимостью в условиях социалистического производства. Оно с помощью товарно-денежных рычагов соединяет прямое подчинение колхозов как участников социалистического воспроизводства единому управляющему центру с хозяйственной автономией колхозов как кооперативных предприятий. Колхозы как социалистические предприятия в плановом порядке используют государственную землю как основное средство сельскохозяйственного производства, получают от Государственного банка кредит, от государственных предприятий сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения и др. средства производства. Государство в плановом порядке обеспечивает колхозы необходимыми кадрами специалистов.

¹⁴ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов СССР, стр. 296.

Все это требует подчинения колхозов единому государственному плану народного хозяйства и государственному заданию по продаже определенной сельскохозяйственной продукции для нужд всего общества. Из этого также вытекают налоговые обязательства колхозов перед государством.

Колхоз как автономное кооперативное предприятие имеет свою собственность на средства и орудия производства, и также на другие объекты (за исключением тех, которые согласно Конституции СССР могут быть только государственной собственностью). Он самостоятельно организует процесс производства и распределения, учитывая свои обязательства перед государством.

Осуществление при социализме планового управления производством в государственной форме неизбежно вызывает необходимость в правовом регулировании самой планово-управленческой деятельности.¹⁵

В докладе на VII съезде РКП(б) В. И. Ленин подчеркнул необходимость превращения «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом».¹⁶ Эти ленинские слова следует учитывать и в настоящее время при правовом регулировании планирования колхозного производства. Здесь очень важно определить круг вопросов, в частности, плановых показателей — заданий, устанавливаемых в централизованном административном порядке. От этого зависит не только правомочия колхозных органов по регулированию внутрихозяйственных вопросов производства и распределения, но также правовое регулирование договорных и других внешних отношений колхозов. В конце концов от этого зависит и эффективность правового регулирования имущественных отношений, эффективность использования товарно-денежных отношений и принципа материальной заинтересованности в колхозном строительстве. Действующий порядок планирования колхозного производства, сложившийся согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1965 года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства», характерен тем, что отправным началом планирования является объем товарной продукции. Колхозы получают государственное плановое задание только по объему государственных заготовок продуктов полеводства и живот-

¹⁵ В. П. Шкредов. Экономика и право, стр. 81.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 7.

новодства. После мартовского Пленума (1965 г.) ЦК КПСС колхозам даны стабильные государственные плановые задания на ряд лет (до 1970 года). Чтобы повысить материальную заинтересованность колхозов в увеличении товарной продукции, продаваемой государству, был осуществлен ряд мероприятий по повышению государственных закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, по снижению цен на сельскохозяйственные машины, продаваемые колхозам и т. п.

Таким образом, в процессе планирования колхозного производства в настоящее время минимально применяется административный метод правового регулирования. Но он необходим и сохранит свое значение и впредь.

Широкое развитие получил колхозноправовой (кооперативный) метод регулирования внутриколхозных отношений по поводу планирования и организации колхозного производства. Этот метод характерен тем, что органы самого колхоза (общее собрание, собрание уполномоченных) утверждают производственно-финансовый план и обеспечивают его выполнение правовыми средствами, предусмотренными в уставе сельскохозяйственной артели.

В условиях развернутого строительства коммунизма очень важно обеспечить эффективное осуществление **принципа демократического централизма** в государственном руководстве колхозным строительством, предусматривающего, по словам В. И. Ленина, единство в основном, в коренном, в существенном с обеспечением полного и беспрепятственного развития местных особенностей, местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели, многообразия в потребностях, местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления во имя нахождения наиболее правильного, наиболее экономного пути в экономическом строительстве.¹⁷

В колхозном строительстве это достигается широким применением метода рекомендации со стороны государства наряду с методом директивы. Колхозноправовой или кооперативный метод регулирования общественных отношений является своеобразным соединением этих двух методов правового регулирования и предполагает участие самих колхозов в процессе правового регулирования. Это ярко проявляется в регулировании планирования колхозного производства, а также имущественных отношений колхозов. Последние, в большей части, как правило, образуются на основе производствен-

¹⁷ В. И. Ленина. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 203.

но-финансового плана колхоза и во исполнение этого плана. В частности, договорные отношения колхоза, охватывающие все отрасли колхозной жизни (производство, распределение, культура, быт) прямо вытекают из производственно-финансового плана колхоза и являются правовыми средствами выполнения этого плана.

План определяет структуру имущественных отношений колхозов, в частности, договорных отношений, отношений по оплате труда, налоговых и финансовых отношений.

С изменением порядка планирования колхозного производства меняется структура имущественных отношений колхозов и также их правовое регулирование. Так, после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» коренным образом изменились и правовые формы экономических связей (отношений) колхозов с государством. Были реорганизованы МТС и колхозы стали собственниками тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов и вместо них введена договорная форма государственной заготовки этих продуктов. Было создано всесоюзное объединение «Сельхозтехника», призванное на договорных началах обеспечивать колхозы средствами и орудиями сельскохозяйственного производства. Таким образом, вместо имущественных отношений административноправового характера все больше и больше развивались гражданскоправовые и колхозноправовые отношения. В результате этого изменилось и правовое регулирование данных отношений, увеличился удельный вес гражданскоправового и колхозноправового метода регулирования. В настоящее время эти два метода занимают центральное место в системе правового регулирования имущественных отношений колхозов наряду с административным методом, который, хотя сокращена сфера его действия, сохраняет важное значение в планировании, установлении обязательств колхозов перед государством, обеспечении социалистической законности и охране колхозной собственности.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОЛХОЗОВ

Как правильно указано в нашей юридической литературе, современный период коммунистического строительства характеризуется процессом дифференциации и интеграции общест-

венных отношений в Советском Союзе, который отражается и на системе правового регулирования.¹⁸

Мы уже убедились, что упомянутый процесс касается также имущественных отношений колхозов и возникает вопрос о перспективе дальнейшего развития правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, в частности, о развитии колхозноправовых норм. Сегодня ясен вопрос о перспективе развития колхозного строя как неотъемлемой части советского социалистического общества. Колхозная форма социалистического хозяйствования в период развернутого строительства коммунизма будет развиваться и усовершенствоваться.¹⁹ В связи с этим будут развиваться и усовершенствоваться имущественные отношения колхозов и также правовые нормы, регулирующие эти отношения.

Действующее колхозное право охватывает многочисленные нормы имущественно-правового характера. Прежде всего эти нормы, регулирующие членство в колхозе, уставные права и обязанности колхозников, возникновение, структуру и правовой режим и правовую охрану колхозной кооперативной собственности, собственности колхозного двора, организацию и хозяйственную деятельность колхозов и межколхозных организаций. Очевидно, эти нормы и впредь необходимы в колхозном строительстве и будут образовать ядро колхозного права. Они вероятно будут включены в новом Примерном уставе колхоза. Но даже, говоря об упомянутых характерных институтах колхозного права, возникает вопрос о их связи с другими отраслями советского права, прежде всего с гражданским правом, предметом регулирования которого являются и имущественные отношения колхоза, в частности, отношения колхозной собственности и собственности колхозного двора.

Согласно Основам гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик, институты права колхозной собственности и права собственности колхозного двора включены во всех ГК союзных республик. В этих институтах ярко проявляется интеграция права, в результате которого образуются смежные, межотраслевые институты права. В колхозном праве таких институтов сравнительно много. Наряду с указанными институтами собственности, такими интегрированными институтами являются институт государственного

¹⁸ В. М. Чхиквадзе, Ц. А. Ямпольская. О системе советского права, «Советское государство и право», 1967, № 9, стр. 33.

¹⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1962, стр. 76.

руководства колхозами, институт права колхозного землепользования, институт социального обеспечения колхозников. Эти институты имеют тесную связь с соответствующими институтами административного, земельного, трудового права. При этом они касаются не только внешних отношений колхозов, но также охватывают значительную часть внутриколхозных имущественных отношений.

В. М. Чхиквадзе и Ц. А. Ямпольская правильно подчеркнули, что система права — это сложная связь элементов, т. е. отраслей и институтов, составляющих данную систему, и эту связь следует все глубже и глубже исследовать на основе «системного» подхода.²⁰ Можно согласиться также с их выводом, что метод правового регулирования правильно было бы трактовать как особенности взаимосвязей субъектов в правоотношении, в том числе содержания их прав и обязанностей.²¹ Такой подход дает возможность лучше понять процесс дифференциации и интеграции советского права, в том числе колхозного права. Например, согласно ст. 2 ГК Латвийской ССР имущественные отношения в колхозах, вытекающие из их устава, регулируются колхозным законодательством. Из устава колхоза вытекают и отношения колхозной собственности, колхозного двора и договорные отношения колхозов. В то же время данные отношения основываются также на ГК, и в результате этого регулируются как колхозным, так и гражданским законодательством. Какое право (колхозное или гражданское) преобладает в данном имущественном правоотношении — это можно определить только с помощью выяснения содержания конкретных прав и обязанностей субъектов правоотношения, с выяснением соответствующих норм, регулирующих права и обязанности сторон (норм устава колхоза и ГК). Исходя из данного критерия, можем установить, что договорные отношения колхозов в основном регулируются гражданским правом, а внутриколхозные отношения колхозной собственности колхозным правом (регулирование структуры и правового положения общественных фондов, распределения доходов колхоза для нужд колхоза и членов колхоза и т. п.). Отношения собственности колхозного двора в настоящее время регулируются Гражданским Кодексом, и устав колхоза здесь имеет дополняющую конкретизирующую роль (определяет размер подсобного хозяйства колхозного двора).

²⁰ Советское государство и право, 1967, № 9, стр. 33.

²¹ Там же, стр. 38.

Однако из этого не следует делать вывод, что институт собственности колхозного двора является в основном институтом гражданского права. Это было бы ошибочно, так как колхозный двор существует только в колхозе и неразрывно связан с институтом членства в колхозе. Поэтому все отношения колхозного двора, в том числе имущественные отношения (за исключением налоговых) являются колхозноправовыми, и институт колхозного двора является институтом колхозного права. Таким же образом институт права колхозной собственности является колхозноправовым институтом. Нельзя судить о принадлежности одного или другого института к определенной отрасли права, только исходя из состояния действующего законодательства. Это являлось бы случайным и односторонним, субъективным критерием, так как действующее законодательство не всегда достаточно полно отражает объективную систему советского права, сложившуюся на основе социалистических общественных отношений.

В советской юридической литературе высказана правильная мысль, что нет непроходимых граней между разными отраслями советского права, так как подобных граней нет и между различными видами общественных отношений.²²

Колхозное право возникло и обособилось в самостоятельную отрасль права тогда, когда в Советском Союзе создался колхозный строй и в связи с этим возник новый вид общественных отношений в деревне, который требовал особый — кооперативный метод правового регулирования. Специфика колхозных отношений сохраняется и в период развернутого строительства коммунизма, так как колхозы в этот период развиваются как кооперативные социалистические сельскохозяйственные предприятия. В то же время ввиду дальнейшего развития колхозных отношений, в том числе имущественных отношений, на колхозы все больше и больше распространяются общие принципы советского законодательства (гражданского, трудового, земельного и др.). Об этом свидетельствуют новые ГК союзных республик, где введен целый комплекс норм, регулирующих имущественные отношения колхозов, а также распространение на колхозников государственного пенсионирования, введение в колхозах гарантированной оплаты труда по нормам совхозов и т. д.

В таких условиях возникает вопрос, не наступило ли время создать всеобъемлющее сельскохозяйственное право,

²² С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, стр. 104—105.

регулирующее правовые отношения как в колхозах, так и государственных сельскохозяйственных предприятиях. Такое предложение уже высказано неоднократно отдельными юристами. Они полагают образование сельскохозяйственного права как комплексной отрасли, охватывающей единой общей частью, колхозное право и право, регулирующее деятельность государственных сельскохозяйственных предприятий.²³

По нашему мнению создание в настоящее время такой комплексной отрасли права как сельскохозяйственное право являлось бы преждевременным и не оправдало бы себя ни теоретически, ни практически. Такая отрасль была бы своего рода хозяйственное право, распространяющееся на сельское хозяйство. Сегодня хозяйственное право как таковое преподается только в качестве учебной правовой дисциплины. В этом аспекте можно преподавать и сельскохозяйственное право, как комплексную учебную дисциплину, в юридических вузах в целях лучшей и всесторонней подготовки юристов для сельского хозяйства. Однако для создания соответствующей отрасли советского права в настоящее время нет объективных оснований. Прежде всего для создания комплексной отрасли права необходимо, чтобы были исчерпаны возможности дальнейшего развития уже существующих отраслей права, в частности, колхозного, гражданского, административного, земельного, трудового права, регулирующих общественные отношения в сельском хозяйстве. Однако всем известно, что для усовершенствования упомянутых правовых норм еще имеются большие возможности. С этой точки зрения следует и дальше дифференцировать нормы, регулирующие внутренние имущественные отношения колхозов, включая их в отрасль колхозного права. Например, нормы, регулирующие имущественную ответственность членов колхоза перед колхозом за ущерб, причиненный по вине колхозников имуществу колхоза, должны быть колхозно-правовыми нормами, так как они тесно связаны с членством в колхозе и внутренними трудовыми отношениями колхозов в общественном хозяйстве. Однако ввиду отсутствия соответствующих колхозно-правовых норм, вместо них применяются гражданско-правовые нормы, регулирующие обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Такое положение нельзя признать нормальным с точки зрения правового регулирования.

Таким образом, пробелы колхозного законодательства, регулирующего имущественные отношения, в настоящее

²³ См. «Советское государство и право», 1967, № 9, стр. 36.

время заполняются гражданско-правовыми нормами по принципу аналогии. Это не в пользу эффективности правового регулирования. А таких примеров в колхозном строительстве не мало.

С точки зрения экономики также нет необходимости создания сельскохозяйственного права, так как производственные отношения колхозов, базирующиеся не только на государственной земельной собственности, но также на колхозной кооперативной собственности, еще существенно отличаются от производственных отношений в государственных сельскохозяйственных предприятиях, и на них нельзя распространить единый правовой режим.

Прав М. И. Козырь, который указывает, что создание отрасли сельскохозяйственного права — это вопрос будущего, когда исчезнут две формы социалистических сельскохозяйственных предприятий и вместо них будут существовать единые общенародные сельскохозяйственные предприятия.²⁴

В настоящее время следовало бы приложить основные усилия юридической науки и практики к усовершенствованию норм действующего колхозного права и других действующих отраслей советского права, регулирующих имущественные отношения колхозов.

²⁴ М. И. Козырь. Имущественные правоотношения колхозов в СССР, стр. 87, 88.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА

«Взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке», гласит ч. 1 ст. 18 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утвержденных Верховным Советом СССР 27 июня 1968 г. В Основах, таким образом, выражен тот самый принцип, который фактически имел место во всем полувековом развитии советского семейного законодательства, а именно, что лишь установленные в предусмотренном законом порядке родственные отношения являются основой для возникновения семейных, гражданских (наследственных, жилищных и др.) и иных (пенсионных, процессуальных) прав и обязанностей между родственниками.

Уже этим подчеркивается важность института установления родства для семейного и других отраслей советского права. Установление родства — важная предпосылка для правосубъектности гражданина в области гражданского и семейного права, для определения его правового статуса.

Так как основой всей системы родственных отношений является материнство и отцовство, от установления которых зависит возможность установления любой другой степени родства (напр., между братом и сестрой, дедом и внуком) и поскольку факты материнства и отцовства представляют собой самую близкую степень родственных отношений, с которой чаще всего связано возникновение семейных, гражданских и других прав и обязанностей, они фиксируются в книге записей рождений и свидетельстве о рождении в виде сведений о родителях.

В истории советского семейного законодательства институт установления отцовства подвергся неоднократным изменениям. Каковы же основные черты и тенденции развития этого института?

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА В ДЕКРЕТЕ 18 ДЕКАБРЯ 1917 г.

С принятием 18 декабря 1917 г. Декрета о гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния было положено начало развитию советского семейного законодательства. Особо важного значения имела ст. 10 Декрета, провозгласившая, что «дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей, как родителей к детям, так и детей к родителям». Неравноправие в семье, неравное правовое положение детей брачных и внебрачных было результатом господства частной собственности. Запрещение установить отцовство для «незаконнорожденных», «внебрачных» детей, равно как и ярко выраженное неравное их правовое положение по сравнению с брачными детьми в тех случаях, когда разрешалось установление т. н. внебрачного отцовства — прямое проявление принципов частной собственности в области семейных отношений в буржуазном обществе.

Наряду с провозглашением принципа равноправия всех детей в области семейных отношений Декрет исходил из того, что основанием установления отцовства является **действительное происхождение** ребенка. Хотя и такое указание не было непосредственно выражено в Декрете, оно вытекало из ч. 3 ст. 10 Декрета, устанавливающей уголовную ответственность лиц, давших заведомо ложные показания при установлении отцовства.

Законодатель стремился к известной унификации порядка установления отцовства независимо от того, состояла ли мать ребенка в браке или нет. Из ч. 2 ст. 10 Декрета вытекало, что отцом записывается лицо, подавшее о том заявление и давшее соответствующую о том подписку. Поскольку предусматривалась уголовная ответственность за ложные сведения, такое заявление могло быть подано только лицом, от которого ребенок действительно происходил. Если, например, мать ребенка состояла в браке, а фактически отцом являлось другое лицо, а не муж матери, то под страхом уголовной ответственности последний не мог быть указан отцом ребенка. По буквальному смыслу законодательства, следовательно, утратило свое значение презумпция, согласно которой отцом ребенка считается муж матери, если мать состоит в браке. Однако, как об этом можно судить из архивных материалов органов ЗАГС, требование, вытекающее из ч. 2 ст. 10 Де-

крета на практике не всегда соблюдалось, если мать ребенка состояла в браке. Сведения об отце в актовую запись о рождении иногда вносились без специального заявления отца, т. е. мужа матери ребенка. Как правило, органы ЗАГС такие заявления требовали.

Следовательно, на практике презумпция отцовства все же использовалась в качестве одного из способов установления отцовства, когда мать ребенка состояла в браке.

Другим способом установления отцовства являлось **добровольное** признание ребенка. Декрет не ограничивал применение этого способа. Единственное требование для признания ребенка — это наличие факта действительного происхождения ребенка от лица, признающего себя отцом.

Если отцовство не было установлено в вышеуказанном порядке, ч. 4 ст. 10 Декрета предоставляла право матери ребенка, его опекуну и самому ребенку доказать отцовство **в судебном порядке**. Следовательно, хотя по своему содержанию отцовство больше не подразделялось на брачное и внебрачное, все же сохранились некоторые различия в способах установления отцовства в зависимости от рождения ребенка в браке или вне брака.

Широко разрешая добровольное признание отцовства, Декрет совершенно не упоминал о легитимации или узаконении детей, которое имело место в старом законодательстве как способ установления **правового положения брачных детей** или брачного отцовства. Поскольку Декрет исходил из принципа равноправия всех детей, отпала надобность в узаконении детей.

Легитимация в буржуазном семейном законодательстве, как правило, является не способом установления отцовства как такового, а способом установления брачного отцовства, брачного происхождения, которое порождает иное правовое положение ребенка по сравнению с ребенком, которому установлено внебрачное отцовство.

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА В КОДЕКСЕ ЗАКОНОВ РСФСР ОБ АКТАХ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ, БРАЧНОМ, СЕМЕЙНОМ И ОПЕКУНСКОМ ПРАВЕ (КЗАГС) 1918 г.

Принятый 16 сентября 1918 г. КЗАГС так же, как и Декрет 1917 г. исходил из принципа равноправия брачных и внебрачных детей. Согласно ст. 133 «основой семьи признается действительное происхождение». В связи с этим ст. 18

предусматривала, что «в книгу записей рождений вносятся случаи рождений . . . вследствие установленного действительного происхождения», а в ст. 23 подчеркивалось, что к заявлению о рождении ребенка «прилагается подписка каждого из родителей о том, что ребенок действительно происходит от них». Причем упомянутая норма относилась ко всем случаям регистрации рождения, независимо от того, состояла ли мать ребенка в браке или нет. В ст. ст. 29 и 30 шла речь об «установлении действительного происхождения» в судебном порядке в случаях спора об отцовстве.

Причиной для такого строгого требования установить «действительное происхождение» очевидно было не то, что для советского законодательства «важнее всего не выдумка, а действительная общность крови», как указывалось в то время в литературе,¹ а то, что прежде всего необходимо было искоренить старые взгляды, мешавшие перестройке семейных отношений. Установление действительного происхождения ребенка было в то время своего рода надежной гарантией для осуществления принципа равноправия в семье.

КЗАГС уже более детально, чем Декрет 1917 г. регламентировал порядок установления отцовства.

Добровольное признание отцовства по КЗАГС должно было применяться независимо от того, состояла ли мать ребенка в браке или нет. Признание отцовства путем специального заявления требовалось формально даже от мужа матери. Если фактически отцом было другое лицо, то муж матери ребенка в силу ст. 137 не имел права признать себя отцом ребенка. Однако такой порядок создавал излишние затруднения при установлении отцовства, когда мать ребенка состояла в браке. Иногда в виду отсутствия мужа в момент регистрации рождения ребенка нельзя было получить от него указанного заявления о действительном происхождении ребенка. То же самое — в случае смерти мужа до регистрации рождения ребенка. Поэтому на практике наблюдалось отступление от требований ст. 23 КЗАГС в случаях, когда мать состояла в браке. Следовательно, практика исходила из презумпции отцовства в этих случаях.

В литературе вопрос о возможности применения презумпции отцовства был спорным. Ссылаясь на ст. ст. 20 и 23 КЗАГС, некоторые авторы пришли к выводу о невозможно-

¹ А. Г. Гойхбарг. Брачное, семейное и опекуновское право Советской республики, М., 1920, стр. 114.

сти применения презумпции отцовства.² Другие, наоборот, считали возможным применение упомянутой презумпции.³

Когда мать ребенка не состояла в браке или когда ее муж не являлся отцом ребенка, фактический отец мог путем подачи заявления (ст. 23 КЗАГС) установить отцовство.

Кроме этого КЗАГС предусмотрел: 1) судебный порядок доказывания отцовства (ст. 135), который применялся при отсутствии записи об отце в актовой записи о рождении, и 2) особый порядок установления отцовства (ст. ст. 140—144), который условно можно называть «системой заявлений» и который был введен с целью облегчения установления отцовства в тех случаях, когда мать не состояла в браке.

Согласно КЗАГС этот порядок применялся до рождения ребенка. Забеременевшая и не состоящая в браке женщина могла подавать заявление в местный отдел ЗАГС, указывая время зачатия, имя и местожительство отца (вернее: предполагаемого отца). Такое заявление могло быть подано также женщиной, состоящей в браке, если зачатый ею ребенок происходил не от мужа. О поступившем заявлении отдел ЗАГС извещал лицо, названное в заявлении матерью отцом ребенка. Последнему предоставлялось право возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления в двухнедельный срок со дня получения извещения. Если в указанный срок судебный спор против матери не возбуждался, то это приравнивалось к признанию ребенка (ст. 141). Как видно из архивных материалов органов ЗАГС система заявлений на практике не была распространенной.

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА ПО КЗОБСО РСФСР 1926 г.

Принятый на III съезде ВЦИК XII созыва КЗОБСО РСФСР в ст. 25 установил, что «взаимные права детей и родителей основываются на кровном происхождении». В отличие от ст. 23 КЗАГС новый кодекс не требовал от родителей подписи о действительном происхождении ребенка при установлении его отцовства.

Выражая принцип равноправия брачных и внебрачных детей, КЗОБСО также, как и предшествовавшие ему законодательные акты, допускал различные способы установления

² Г. Рындзынский и Г. М. Савинская. Детское право РСФСР, М., 1923, стр. 11.

³ А. Г. Гойхбарг. Указ. соч., стр. 114.

отцовства. Этому вопросу в кодексе были посвящены ст. ст. 26—32, 119—121.

По КЗоБСО отцовство устанавливается путем внесения сведений об отце в книгу записей рождений (ст. 26) как при, так и после регистрации рождения ребенка. Хотя в кодексе непосредственно не указывалось на различия в способах установления отцовства в зависимости от того, состояли ли родители ребенка в браке или нет, тем не менее такой вывод можно было сделать из анализа ст. ст. 119—120 кодекса.

О дифференцированном подходе к установлению отцовства в зависимости от рождения ребенка в браке или вне брака свидетельствовали, например, нормы о принудительном установлении отцовства (ст. ст. 28—32), которые применялись лишь в случаях, когда мать ребенка не состояла в браке вообще или когда ее муж не являлся отцом ребенка.

В КЗоБСО выражалось стремление законодателя к расширению применения презумпции отцовства, так как по КЗоБСО больше не требовалось представления подписи родителей о действительном происхождении ребенка. Поскольку в подавляющем большинстве случаев родители ребенка, как правило, состояли в зарегистрированном браке, отмена требования, установленного ст. 23 КЗАГС имела существенное значение для облегчения установления отцовства.

В КЗоБСО РСФСР 1926 г., таким образом, предусматривалось различие в установлении отцовства в зависимости от того, состояла ли мать ребенка в браке или нет. На практике применялась презумпция, в силу которой мужа матери можно было указать в качестве отца ребенка, не требуя его согласия и не прибегая к принудительным способам установления отцовства.

Если установленное таким образом отцовство не соответствовало кровному происхождению ребенка (ст. 25 КЗоБСО), оно могло оспариваться заинтересованными лицами (ст. 27). На практике это происходило весьма редко.

Добровольное признание ребенка со стороны его фактического отца могло иметь место, когда мать ребенка либо вообще не состояла в зарегистрированном браке, либо, хотя и состояла в таковом, но отцом ребенка ее муж не являлся.

Кроме указанных способов — презумпции и добровольного признания — КЗоБСО подробно регламентировал установление отцовства путем «системы заявлений», а также в судебном порядке.

КЗоБСО 1926 г. (ст. ст. 28—31) сохранил с некоторыми

изменениями по сравнению с КЗАГС 1918 г. систему заявлений. Ст. 28 предоставляла право матери в период беременности и после рождения ребенка подать заявление в местный орган ЗАГС об отце ребенка, указав имя, отчество, фамилию и местожительство отца ребенка. Орган ЗАГС извещал лицо, названное отцом, о поступлении заявления. Если это лицо дало положительный ответ, оно было записано отцом ребенка в записи о рождении. Если в течение месячного срока (по КЗАГС — 2 недели), оно не давало положительного ответа, также последовала запись об отцовстве. Но в течение годовичного срока со дня получения извещения от органа ЗАГС оно могло возбудить в суде дело против матери ребенка о неправильности ее заявления, вернее, об оспаривании отцовства, поскольку уже имелась запись об отцовстве.

В случае поступления в месячный срок возражения от предполагаемого отца, отдел ЗАГС разъяснял матери ребенка, что она имеет право возбудить судебный спор о признании упомянутого лица отцом ребенка. Как видно, система заявлений, предусмотренная КЗоБСО 1926 г., в какой-то мере ухудшила положение матери ребенка по сравнению с «системой», установленной по КЗАГС 1918 г., поскольку бремя доказывания главным образом ложилось на нее. Может быть, поэтому система заявлений в тот период не пользовалась большой популярностью.

В 1933 г. система заявлений была существенно изменена. Согласно новой редакции ст. 29 КЗоБСО (СУ РСФСР 1933 г. № 42, стр. 159) во всех случаях, когда матерью ребенка было подано заявление и не последовало ответа с признанием отцовства либо в течение месячного срока поступило возражение, указанное в заявлении лицо было записано отцом ребенка. Правда, ему предоставлялось право в течение года оспаривать эту запись в судебном порядке.

Практика свидетельствовала о том, что даже в те годы, когда «система заявлений» была наиболее распространенной (1938—1941), все же матери редко прибегали к ней, а при регистрации рождения ребенка воздерживались от указаний сведений об отце согласно ст. 121 КЗоБСО, заявляя, что сведений об отце ребенка не желают сообщить.

КЗоБСО 1926 г. сохранил возможность установления отцовства в **судебном порядке**, что на практике, как правило, было связано с взысканием алиментов на содержание ребенка.

Развитие советского семейного законодательства и судеб-

ной практики об установлении отцовства в период от 1917 по 1944 гг. свидетельствует о следующем: первые законодательные акты в области семейного права (Декрет 18 декабря 1917 г. и КЗАГС 1918 г.) с целью быстрее покончить с той несправедливостью, которая до этого имела место по отношению к внебрачным детям, не только установили принцип равноправия всех детей, но также исходили из того, что основанием родства, в частности, отцовства является действительное происхождение. По смыслу закона отцовство могло быть установлено лишь тогда, когда имела место общность крови, действительное происхождение. При регистрации рождения ребенка требовалось специальное заявление каждого из родителей о том, что ребенок действительно происходит от них. Виновные в даче заведомо ложных показаний привлекались к уголовной ответственности, а запись отцовства признавалась недействительной. Таким образом, законодатель стремился достигать единообразного порядка установления отцовства независимо от того, состояли ли родители ребенка в браке или нет.

Однако практика доказала, что требование установить отцовство исключительно по принципу действительного происхождения не оправдывалось. Оказалось, что не всегда возможно установление отцовства. В интересах детей иногда лучше исходить из принципа формально установленного отцовства, которое, может быть, даже не основано на действительном происхождении. Поэтому уже в середине 20-х годов судебная практика и законодательство в известной мере отходили от требования установить отцовство только по принципу действительного происхождения. Произошел поворот в сторону некоторого формализма в порядке установления отцовства. Законодательство 1926 г., хотя еще и подчеркивало, что основанием взаимных прав детей и родителей является кровное происхождение (ст. 25 КЗоБСО РСФСР в редакции до 1944 года), но уже в столь безоговорочной форме не требовало соблюдения действительного происхождения при установлении отцовства.

Практически применялась презумпция, согласно которой отцом считался муж матери, если мать ребенка состояла в браке и если эта презумпция не опровергалась. Не требовалось специального заявления родителей о действительном происхождении ребенка. В 1926 году было разрешено усыновление детей.

Порядок установления отцовства, предусмотренный

КЗоБСО 1926 г. свидетельствовал о том, что отцовство иногда могло быть установлено при отсутствии кровной связи, например, в случаях неоспаривания записи отцовства, произведенной на основании презумпции, если последняя не была основана на действительном происхождении. Принципом кровного происхождения надлежало руководствоваться, как правило, при возникновении спора об отцовстве. Но и в этом отношении были исключения. Примером может служить примечание к ст. 38 КЗоБСО Груз. ССР, согласно которой в случае спора о неправильности записей отцовства и материнства суд обязан исходить исключительно из интересов ребенка и отказать в иске действительному отцу и матери, если того требуют интересы ребенка. Принцип кровного происхождения иногда нарушался также в судебной практике в РСФСР в случаях принудительного установления отцовства. Поэтому следует прийти к выводу, что не совсем точным было указание в ст. 25 КЗоБСО РСФСР на принцип кровного происхождения.

Поворот в сторону известного формализма был обусловлен разными причинами, среди которых немаловажное значение имели: 1) невозможность достоверного доказывания факта биологического происхождения ребенка от отца, ввиду чего требование соблюдения принципа действительного происхождения в известной мере носило декларативный характер; 2) ненужность при отсутствии спора искать биологическую основу для семейных, в частности, родственных отношений; 3) желательность создавать для ребенка воспитание в семейной обстановке, что реально возможно и при отсутствии биологической связи между отцом и ребенком.

Несмотря на то, что советское законодательство до издания Указа 8 июля 1944 г. особенно благоприятствовало установлению отцовства, обращает на себя внимание сравнительно большое количество детей (родившихся, как правило, вне брака), для которых отцовство не было установлено, и в записи о рождении вместо сведений об отце значились прочерки.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ В 1944—1968 гг.

Существенное изменение в институт установления отцовства внес Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Нормы Указа, направленные на признание

только зарегистрированного брака, как единственной формы брака, были тесно связаны с нормами, изменившимися существовавший до того порядок установления отцовства. Уже поэтому изменение в порядке установления отцовства нельзя расценивать как случайное явление, вызванное только обстоятельствами военного времени, как это иногда указывалось в литературе.

Издание Указа от 8 июля 1944 г. было закономерным, необходимым и последовательным развитием того процесса, который в советском семейном законодательстве начался с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1937 г. При этом не изменилось то положение, согласно которому основанием прав и обязанностей между родственниками является только установленное в предусмотренном законом порядке родство и что предпосылкой установления отцовства, как правило, является естественное, биологическое происхождение ребенка от отца. Такой вывод достаточно убедительно в свое время сделал Г. М. Свердлов⁴.

Внесенные Указом от 8 июля 1944 г. изменения в институте установления отцовства заключались в следующем: с целью дальнейшего укрепления семьи, основанной на зарегистрированном браке, в законодательстве прямо подчеркивалось различие между способами установления отцовства в зависимости от того, состояла ли мать ребенка в браке или нет, ввиду чего презумпция, согласно которой отцом ребенка считается муж матери, стала основным способом доказательства отцовства.

Учитывая то обстоятельство, что принудительное установление отцовства, равно как и установление отцовства посредством т. н. «системы заявления» на практике фактически не привело к созданию семейных отношений между ребенком и отцом, а служило лишь, как правило, основанием для возникновения алиментных обязательств отца, законодатель отменил эти способы установления отцовства.

Существенно была ограничена возможность добровольного признания ребенка со стороны его фактического отца.

После издания Указа от 8 июля 1944 г., как и до этого, отцовство, как правило, устанавливалось путем указания сведений об отце в книге записей рождений (ст. ст. 26, 119, 120 КЗоБСО), на основании чего эти данные указывались также

⁴ Г. М. Свердлов. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве, М., 1955, стр. 28.

в свидетельствах о рождении. Порядок установления отцовства, предусмотренный Указом от 8 июля 1944 г. и другими законодательными актами, сводился к следующему: 1) в установлении отцовства в силу презумпции, если мать в момент зачатия или рождения ребенка состояла в браке; 2) в добровольном признании ребенка со стороны отца, если он вступил в брак с матерью ребенка. Фактически способом установления отцовства являлось также усыновление, когда усыновитель согласно ч. II ст. 60 КЗоБСО в актовой записи о рождении указывался в качестве отца.

Установление отцовства на основании презумпции, как известно, применялось на практике еще до издания Указа от 8 июля 1944 г. Однако после этого она стала основным видом доказательства отцовства.

Применение презумпции имело большое практическое значение уже потому, что в подавляющем большинстве случаев родители ребенка состояли в браке и, как правило, супруг матери действительно являлся отцом ребенка. И даже в тех случаях, когда супруг матери не являлся отцом ребенка, но он (равно как и мать) не желал ставить под сомнение отцовство, не было оснований для отказа в установлении отцовства, так как это соответствовало интересам ребенка и укреплению семьи. Такая мысль в нашей литературе была высказана Н. В. Рабинович.⁵ Всякое вмешательство извне в семейные отношения могли лишь подорвать авторитет родителей, особенно матери и ослабить семейные связи.

Презумпция отцовства, как и любая иная презумпция в праве, разумеется, не может быть абсолютно достоверным овидетельством действительного происхождения ребенка, поэтому законодательством гарантировалась широкая возможность ее оспаривания (ст. 25 КЗоБСО).

Если в начальном периоде развития советского семейного законодательства и правовой науки имело место известное противопоставление презумпции отцовства требованию установления действительного происхождения ребенка, то это можно объяснить лишь необходимостью борьбы против действовавшей до того фикции дореволюционного семейного законодательства, согласно которому существенно ограничивалась возможность оспаривания презумпции отцовства и таковая предоставлялась только супругу матери. Такое поло-

⁵ Н. В. Рабинович. Личные и имущественные отношения в советской семье, Л., 1952, стр. 91.

жение, бесспорно, не соответствовало принципам советского семейного законодательства.

Добровольное признание ребенка (ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14. III 1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» и ст. 28 КЗоБСО) допускалось лишь в случаях, когда отцовство не было установлено в силу презумпции, т. е., когда мать ребенка либо вообще до этого не состояла в браке, либо когда отцовство было оспорено. Для признания ребенка необходимо было заключение брака между матерью ребенка и лицом, признающим себя отцом ребенка. Возможность добровольного признания ребенка после издания Указа от 8 июля 1944 г. существенно ограничивалась по сравнению с действовавшим до этого законодательством.

Признание ребенка, следовательно, допускалось лишь в случаях, когда отец намеревался создавать для ребенка семейное воспитание. Но ограничение добровольного признания ребенка иногда, как показала практика, шла в разрез с интересами ребенка, когда, например, заключение брака с матерью ребенка было невозможной в виду смерти ее или в силу других обстоятельств.

Добровольное признание ребенка в советском праве как до, так и после издания Указа от 8 июля 1944 г. являлась одним из способов установления отцовства, а не формой легитимации (узаконения) внебрачных детей в том смысле, как это было в дореволюционном законодательстве. Признание ребенка, как правило, происходило путем подачи совместного заявления со стороны родителей ребенка при или после регистрации брака.

II

Утверждением Верховным Советом СССР 27 июня 1968 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, которые являются базой для дальнейшего союзного и республиканского семейного законодательства, завершена первая стадия новой кодификации советского семейного законодательства.

Все принципиальные вопросы института установления отцовства, как это и следовало ожидать, урегулированы в Основах единообразно для всех союзных республик. Однако

Основы не могли детально урегулировать все вопросы, связанные с установлением отцовства. Многие существенные вопросы предоставлены республиканскому законодательству (семейным кодексам, инструкциям о порядке регистрации актов гражданского состояния и другим). Однако и эти вопросы установления отцовства должны быть одинаково разрешены во всех союзных республиках.

В ходе подготовки проекта Основ, как это подтвердило и всенародное обсуждение проекта, наиболее трудными и спорными оказались именно вопросы установления отцовства, ввиду чего и задержалась разработка проекта Основ.

Основы являются естественным продолжением и дальнейшим развитием советского законодательства о браке и семье.

В Основах сохранены те ранее действовавшие нормы, которые оправдали себя на практике, и установлены новые — более отвечающие требованиям нынешней стадии развития нашего социалистического общества.

Институт установления отцовства в новом законодательстве характеризуется тем, что: 1) только удостоверенное в установленном законом порядке происхождение ребенка является основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей между ребенком и его родственниками по линии отца; 2) все дети — как родившиеся в браке, так и вне брака — обладают равными правами и обязанностями по отношению к родственникам по линии отца, если их отцовство установлено; 3) возможность установления отцовства не зависит от того, состоят или не состоят родители ребенка в браке между собой; 4) сохраняется различный порядок установления отцовства в зависимости от того, происходит ли ребенок от родителей, состоящих между собой в браке или нет; 5) значительно расширяется возможность установления отцовства по сравнению с действовавшим до 1 октября 1968 г. законодательством (расширение возможности добровольного признания ребенка и восстановление судебного установления отцовства).

Новым законодательством предусмотрены различные способы установления отцовства: 1) установление отцовства детей, родители которого состоят в браке между собой; 2) установление отцовства по совместному заявлению отца и матери ребенка; 3) установление отцовства в судебном порядке.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА ДЕТЕЙ, РОДИТЕЛИ КОТОРЫХ СОСТОЯТ В БРАКЕ МЕЖДУ СОБОЙ

Основы, как и предшествовавшее им законодательство с особой силой подчеркивает значение зарегистрированного брака. Согласно ст. 9 Основ правовое значение имеет только брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния. Регистрация брака установлена с целью охраны личных и имущественных прав и интересов детей. Поэтому в новом законодательстве презумпция отцовства остается основным способом доказательства отцовства детей, родители которых состоят в браке между собой. Это непосредственно выражено в нормах Основ. Согласно ч. II ст. 16 Основ, «происхождение ребенка от родителей, состоящих между собой в браке, удостоверяется записью о браке родителей». Применение презумпции, согласно которой отцом ребенка считается супруг матери, в настоящее время имеет большое практическое значение, поскольку в подавляющем большинстве случаев родители ребенка состоят между собой в браке. Количество внебрачных детей, как свидетельствуют статистические данные, незначительное.

Поскольку Основы содержат лишь принципиальные нормы, определяющие установление отцовства детей, родившихся в браке, то более детально этот вопрос должен быть урегулирован в республиканском законодательстве. В основных чертах желательно сохранить ранее действовавший порядок, так как Основам он не противоречит.

Установление отцовства происходит путем указания сведений о родителях в актовой записи о рождении и в свидетельстве о рождении при регистрации рождения ребенка. Это вытекает также из ч. I ст. 17 Основ, согласно которой «отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге рождений по заявлению любого из них». Хотя здесь речь идет только о родителях, регистрация рождения ребенка может быть произведена также и другими лицами (ст. 119 КЗоБСО 1926 г.). Предъявление документов, удостоверяющих регистрацию брака родителей ребенка, является основанием для совершения записи об отце.

Когда при регистрации рождения ребенка не представляется документ, удостоверяющий наличие зарегистрированного брака родителей ребенка, запись об отце не может быть произведена. В этих случаях запись о рождении может быть дополнена сведениями об отце. Такое, основанное на презумп-

ции отцовства указание содержится в Методическом письме Министерства юстиции РСФСР от 21 декабря 1959 года.⁶ «Если ребенок рожден матерью, состоящей в зарегистрированном браке, то независимо от наличия возражений со стороны супруга, вопрос о дополнении записи сведениями об отце рассматривается органами загса. Супругу, несогласному с записью его в качестве отца ребенка, разъясняется, что он имеет право в соответствии со ст. 25 и 16 КЗоБСО оспорить данную запись в судебном порядке в пределах трехлетнего срока исковой давности». В связи с этим возникает вопрос, как поступать в случаях, когда возникает необходимость разрешить конкретный правовой вопрос (например, взыскать алименты с супруга матери в пользу ребенка) до дополнения актовой записи, и возможно ли это вообще при отсутствии записи отцовства?

Этот вопрос в судебной практике и в литературе был особенно актуальным до издания Методического письма от 21 декабря 1959 г. Высшие судебные органы неоднократно давали указания о возможности присуждения алиментов в пользу детей с мужа матери при отсутствии записи отцовства.⁷ Представляется, что в подобных случаях суд при разрешении вопроса о содержании ребенка выясняет, не является ли спорным вопрос об отцовстве, и алименты взыскивает лишь при отсутствии спора об отцовстве. Суду в подобных случаях следовало бы указать матери ребенка на необходимость дополнения записи о рождении сведениями об отце.

Каково влияние момента зачатия или рождения ребенка на применение презумпции отцовства? В зависимости от сопоставления моментов зачатия и рождения возможны следующие варианты: 1) зачатие до брака и рождение в браке; 2) зачатие и рождение, когда родители состоят в браке, и 3) зачатие в период брака, а рождение после прекращения брака.

Когда ребенок родился после регистрации брака, то независимо от момента зачатия (до или после заключения брака) имеет место презумпция отцовства. Если супруги сами не желают ставить под сомнение происхождение ребенка от мужа, нет оснований для отказа в установлении

⁶ Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, М., 1961, стр. 139—140.

⁷ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 1, стр. 31; «Сов. юстиция», 1959, № 3, стр. 86.

отцовства. Поэтому законодатель считает целесообразным не ограничивать силу презумпции в данных случаях, и не требует установить момент зачатия ребенка. Достаточно, чтобы ребенок родился после **заключения брака**. В практике нередки случаи, когда зачатие произошло до заключения брака, однако весьма редко отцовство оспаривается, что свидетельствует о правильности распространения презумпции отцовства на случаи зачатия ребенка до заключения брака родителями. Буржуазное законодательство, напротив, как правило, презумпцию брачности ребенка применяет лишь, когда зачатие ребенка произошло после заключения брака.

Какова сила презумпции в случаях, когда ребенок родился **после прекращения брака** родителей? Так как предпосылкой отцовства является факт естественного происхождения ребенка от мужа матери до прекращения брака, то презумпция распространяется на эти случаи. Прямое нормативное указание имеется относительно рождения ребенка **после смерти мужа матери**. Согласно п. 40 Инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния в актовую запись и в свидетельство о рождении умерший муж может быть записан отцом ребенка при условии, если со дня смерти мужа до рождения ребенка прошло не более 10 месяцев. Представляется целесообразным эту норму сохранить в будущем семейном законодательстве. Таким же образом следовало бы разрешить вопрос об установлении отцовства, когда брак родителей ребенка признается недействительным **до рождения ребенка**, равно как и в **случаях расторжения брака** родителей, если мать ребенка не вступила в новый брак до рождения ребенка.

Основы впервые в законодательном порядке устанавливают правовой статус детей, родившихся в **недействительном браке**. Согласно ст. 15 Основ признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке. Руководствуясь этим указанием Основ, республиканское семейное законодательство должно установить, что презумпция отцовства применяется также в случаях, когда брак родителей ребенка признается недействительным.

Единственное исключение должно иметь место в случаях, когда запись об отце произведена на основании фиктивного свидетельства о браке, т. е., когда свидетельство о браке получено незаконным путем при отсутствии зарегистрированного брака. Поскольку здесь вообще нет брака, то признавая

недействительной свидетельстве о браке, суд должен аннулировать также запись об отце.

Предпосылкой отцовства, как правило, является факт естественного происхождения ребенка от данного отца. Так как установление отцовства в силу презумпции не может создавать абсолютной уверенности в том, что муж матери всегда действительно является отцом ребенка, советское семейное право предусматривает возможность заинтересованным лицам оспаривать установленное в силу презумпции отцовство. Материальной основой для оспаривания презумпции отцовства является несоответствие установленного отцовства факту естественного происхождения.

Кто и в каком порядке имеет право оспаривать отцовство или запись об отце в актовой записи о рождении ребенка? Ни Основы, ни ст. 25 КЗоБСО, которая разрешает оспаривать отцовство, не дают ответа на первый вопрос. Ст. 116 КЗоБСО лишь в общей форме указывает на «заинтересованные лица». Кто же являются заинтересованными лицами? Представляется, что таковыми являются самые близкие родственники (родители и дети), а также другие лица, для которых с данным фактом отцовства связано возникновение прав и обязанностей, т. е., как правило, остальные близкие родственники.

В первую очередь заинтересованным лицом является **мать ребенка** — и ей прежде всего должно быть предоставлено право оспаривать запись об отце, если эта запись произведена без ее ведома и согласия. Кроме оспаривания отцовства в судебном порядке она может совместно со своим супругом требовать исключения из актовой записи о рождении сведений об отце на основании ст. 115 КЗоБСО. До 1 октября 1968 г. согласно ст. 42 Инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния при регистрации рождения ребенка его мать имела право возражать против указания своего супруга в качестве отца ребенка на том основании, что он таковым не является. Это оспаривание тоже являлось видом презумпции отцовства. Оно было направлено на облегчение признания ребенка на основании ст. 28 КЗоБСО. После вступления в силу Основ указанный порядок оспаривания презумпции отцовства был отменен, хотя его сохранение в будущем законодательстве было бы целесообразным.

Заинтересованным лицом в оспаривании отцовства является **супруг матери**. Его возможность оспаривания отцовства в известной мере ограничена. Во-первых, он может оспари-

вать запись об отце лишь в судебном порядке. Он не может отрицать факт отцовства при регистрации рождения ребенка. Во-вторых, оспаривание записи об отце со стороны мужа матери ограничено давностным сроком, что целесообразно с точки зрения охраны личных и имущественных интересов детей. Оно обусловлено также тем обстоятельством, что разрешение вопроса о спорном отцовстве по истечении продолжительного времени становится затруднительным в смысле доказывания тех фактов, на которые ссылаются стороны. Ограничение срока оспаривания отцовства для мужа матери актуально и потому, что на практике чаще всего оспаривание записи об отце возбуждается им. Основы не устанавливают срок давности для оспаривания записей отцовства. Существующий общий срок исковой давности, предусмотренный для оспаривания записи об отце Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 августа 1950 г., является слишком продолжительным, и его следовало бы в будущем семейном кодексе сократить. Вполне достаточным являлся бы годичный срок, исчисляемый с того момента, когда мужу матери стало известно о том, что он записан в качестве отца.

Заинтересованным в оспаривании записи об отце лицом является также сам ребенок. Однако самостоятельно право на оспаривание указанной записи он может осуществлять лишь по достижении им совершеннолетия. Хотя на практике почти не встречается оспаривание отцовства самим ребенком, тем не менее такое право им должно быть предоставлено в будущем семейном кодексе.

Что касается других заинтересованных лиц, то их круг не должен быть слишком расширен. Их «заинтересованность» может определяться теми правами и обязанностями, которые для них возникают в связи с данным фактом отцовства. Следовательно, такими лицами могли бы быть, как правило, остальные близкие родственники. Возможность оспаривания отцовства со стороны этих лиц может иметь место лишь постольку, поскольку это право не осуществлялось матерью ребенка, ее супругом или самим ребенком.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА ПО СОВМЕСТНОМУ ЗАЯВЛЕНИЮ ОТЦА И МАТЕРИ РЕБЕНКА

Парктика показала, что ограничение возможности установления отцовства, особенно когда сам отец добровольно желал признать ребенка, себя не оправдало. Оно весьма

часто ущемляло личные и имущественные интересы как детей, так и самих родителей. Поэтому и в дискуссии, которая развернулась в середине 50-х годов, и в ходе обсуждения проекта Основ почти не выдвигались какие-либо серьезные возражения против предложения существенно расширить возможность добровольного признания отцовства.

Основы значительно расширяют пределы добровольного признания отцовства. Согласно ч. II ст. 16 Основ «происхождение ребенка от родителей, не состоящих между собой в браке, устанавливается путем подачи совместного заявления отцом и матерью ребенка в государственные органы актов гражданского состояния»^{7а}. Соответственно этому в ч. II ст. 17 Основ установлено, что запись об отце ребенка в случаях, если родители не состоят в браке между собой, производится по совместному заявлению отца и матери ребенка.

Основы не связывают подачу совместного заявления с моментом регистрации рождения ребенка. Следовательно, подача заявления возможна как при, так и после регистрации рождения ребенка. Причем подача заявления не ограничена никакими сроками давности.

Поскольку речь идет об установлении отцовства, которое порождает все права и обязанности, а не только преследует воспитательные цели, подача заявления возможна и по достижении ребенком совершеннолетия. До сих пор на практике такие случаи были весьма редкими явлениями. Однако данный вопрос приобретает актуальность в связи с тем, что обсуждаемой нормой Основ придается обратная сила. Ст. 3 Закона от 27 июня 1968 г. Об утверждении Основ распространяет возможность установления отцовства по совместному заявлению также в отношении детей, родившихся до введения в действие Основ.

В связи с этим согласно той же ст. 3 Закона от 27 июня 1968 г. установление отцовства по совместному заявлению в отношении лиц, достигших совершеннолетия, допускается только с их согласия. Если же устанавливается отцовство детей, не достигших совершеннолетия, согласия последних не требуется.

^{7а} Следует отметить, что формулировка этой нормы не отражает ее смысла. Выражение «происхождение ребенка от родителей» неверно. Законодатель имел в виду лишь происхождение ребенка от отца, ибо для установления в этих случаях происхождения ребенка от матери упомянутого совместного заявления не требуется.

Какие требования должны быть предъявлены к лицам, от которых исходит совместное заявление? Согласно ст. ст. 16 и 17 Основ они должны быть **родителями ребенка, не состоящими между собой в браке**. Подача совместного заявления может состояться как в связи с заключением брака между ними, так и независимо от этого. Если заявление исходит от родителей, заключающих между собой брак после рождения ребенка, то установление отцовства путем совместного заявления может происходить как при, так и после регистрации брака. Если же заявление подается родителями, не вступающими или не вступившими между собой в брак, то возникает вопрос, не препятствует ли установлению отцовства наличие другого брака, в котором, может быть, состоит один или оба родителя?

Каких-либо норм, ограничивающих возможность подачи упомянутого заявления по этому поводу, в Основах нет. Следовательно, отец ребенка, состоящий в браке, может беспрепятственно подать заявление в целях признания своего внебрачного ребенка от другой матери. Так же и мать ребенка, состоящая в браке не с отцом ребенка, может подать совместное с последним заявление об установлении отцовства. Основы не требуют согласия супруга матери или отца, как это имеет место при усыновлении ребенка (ч. V ст. 24 Основ). Таким образом, установление отцовства путем совместного заявления является более простым и более легким способом, нежели усыновление ребенка, путем которого также может быть установлено отцовство.

По буквальному смыслу закона (ст. ст. 16 и 17 Основ) лицо, подающее совместное с матерью ребенка заявление, должно быть фактическим отцом ребенка. Такая точка зрения в общем правильна, она соответствует действительному положению дел. Однако полностью с ней согласиться не представляется возможным. В жизни могут быть случаи, когда целесообразно разрешить признание ребенка лицу, которое не является действительным отцом ребенка, когда, например, оно уже долгое время воспитывало ребенка и последний считает его своим отцом. В таком случае отпала бы необходимость прибегать к институту усыновления.

Согласно ст. ст. 16 и 17 Основ установление отцовства происходит по **совместному** заявлению отца и матери. Наличие волеизъявления отца **всегда** необходимо, поскольку речь идет о **признании** ребенка, признании отцовства. Причем обязательно волеизъявление **самого** отца. Что же касается

матери ребенка, то ее волеизъявление иногда может отсутствовать. Уже Основы (ст. 17 ч. II) непосредственно разрешают установление отцовства путем **заявления** отца в случае смерти матери, а также при невозможности установления ее местожительства. Охрана интересов детей в этих случаях требует разрешить установление отцовства при отсутствии волеизъявления матери. Представляется, что такой порядок был бы целесообразным и в тех случаях, когда мать ребенка неспособна к волеизъявлению ввиду недееспособности.

Влияет ли недееспособность отца на возможность установления отцовства путем совместного заявления? Такой вопрос до сих пор не возникал, так как добровольное признание ребенка разрешалось в случаях заключения брака между его родителями. Если же родители обладали брачной дееспособностью, следовательно, они были способны к совершению акта признания ребенка.

По действующему законодательству, когда возможность установления отцовства путем совместного заявления не зависит от заключения брака между родителями ребенка, вопрос о дееспособности отца становится актуальным. Полная недееспособность отца ввиду душевной болезни или слабоумия, разумеется, исключает возможность подачи заявления об установлении отцовства. Последнее в таких случаях подлежит установлению исключительно в судебном порядке.

Иным может быть решение, если отец ребенка еще не достиг совершеннолетия. Основы в этом отношении не устанавливают никаких ограничений. Однако необходимость таковых диктуется соображениями охраны интересов таких несовершеннолетних лиц. Заявление, исходившее от 15- или 16-летнего лица само по себе не может служить основанием для установления отцовства. Такое лицо еще не обладает гражданско-правовой дееспособностью. Поэтому целесообразно в республиканском законодательстве предусмотреть, что признание отцовства несовершеннолетними возможно под надзором органа опеки и попечительства.

Представляется целесообразным установить в законодательстве возможность признания будущего ребенка, например, в случае, когда фактический отец тяжело болен и т. п.

Признание отцовства по совместному заявлению имеет обратную силу, т. е. между ребенком, с одной стороны, и его отцом и родственниками отца, с другой стороны, права и обязанности возникают не с момента признания ребенка или оформления записи отцовства, а с момента рождения ребенка.

Непосредственно об этом указывается в ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1968 г. «О порядке введения в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» лишь относительно к детям, родившимся до 1-го октября 1968 г. Обратная сила признания отцовства тем более должна иметь место, если ребенок родился после 1 октября 1968 г.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Если против расширения добровольного признания отцовства в ходе подготовки и обсуждения проекта Основ не было выставлено сколько-нибудь серьезных возражений, то наиболее спорным оказался вопрос об установлении отцовства в судебном порядке. Как в дискуссии в 50-х годах, так и при обсуждении проекта Основ по этому вопросу было высказано наибольшее количество замечаний и предложений. Причем подчеркивались как преимущества, так и отрицательные стороны и трудности доказывания отцовства в случаях спора. Выявились три основные тенденции: 1) против восстановления судебного установления отцовства; 2) за неограниченное судебное установление отцовства; 3) за ограниченное судебное установление отцовства.

В меньшинстве оказались противники судебного установления отцовства. И это понятно, так как многолетняя практика доказала отрицательные последствия применения норм Указа от 8 июля 1944 г., запретивших установление отцовства в судебном порядке, в деле охраны личных и имущественных прав внебрачных детей; несправедливость возложения забот по содержанию и воспитанию такого ребенка в основном только на мать, отрицательные моменты при формировании моральных взглядов в некоторой части молодежи и т. п.

При обсуждении опубликованного проекта Основ спор в основном был о том, нужны ли ограничения судебного установления отцовства или нет.

В опубликованном проекте Основ (ст. 16) была представлена точка зрения сторонников ограниченного судебного установления отцовства. «При установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или же совместное воспитание либо содержание им ребенка». Проект Основ, таким образом, предусмотрел

судебное установление отцовства при наличии определенных обстоятельств, к тому же весьма ограничивающих установление отцовства. По проекту Основ оно разрешалось при наличии так называемых «фактических брачных отношений» между родителями ребенка, т. е. в основном в тех случаях, когда уже до этого на практике допускалось взыскание алиментов по ст. 42³ КЗоБСО, когда внебрачный ребенок являлся наследником по закону после смерти своего фактического отца как лицо, состоявшее на иждивении, или же мог получить возмещение вреда в случае смерти кормильца — своего фактического отца.

При обсуждении проекта Основ справедливо указывалось, что предусмотренные проектом критерии для судебного установления отцовства — совместное проживание, ведение общего хозяйства, содержание ребенка — сами по себе еще не свидетельствуют о происхождении ребенка от ответчика, что они к тому же не являются достаточно определенными. Такое ограничение установления отцовства сохранило бы ту несправедливость по отношению к некоторой категории внебрачных детей, которая имела место в период действия норм Указа от 8 июля 1944 г.

В своем докладе Председатель Комиссии законодательных предположений Совета Союза депутат М. С. Соломенцев указал, что вносились предложения расширить круг случаев судебного установления отцовства, учитывать также все другие доказательства, с достоверностью подтверждающие отцовство, либо вовсе не указывать в законе условий, при которых возможно установление отцовства по суду.⁸

В представленном на сессии Верховного Совета проекте Основ уже был расширен перечень тех обстоятельств, которые принимаются во внимание судом при установлении отцовства. К ним относятся также «доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства». Законодатель не согласился с предложениями, направленными на неограниченное судебное установление отцовства.

Согласно ст. 16 Основ: 1) отцовство может быть установлено в судебном порядке в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, при отсутствии совместного заявления родителей и 2) при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком

⁸ «Правда», 1968, 27 июня, № 179.

до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства.

Каковы характерные черты судебного установления отцовства?

Во-первых, судебное установление отцовства является ограниченным. Оно возможно при наличии обстоятельств, непосредственно указанных в законе (ч. IV ст. 16).

Во-вторых, критерий для установления отцовства носит в известной мере формальный характер. Таким критерием является: а) совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка; б) совместное воспитание либо содержание ими ребенка; в) доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства. По своему характеру эти обстоятельства не являются доказательством биологического происхождения ребенка от ответчика. Основы исходят из презумпции, что при наличии упомянутых обстоятельств такое происхождение возможно.

В связи с этим возникают следующие вопросы: во-первых, обязательно ли суд должен признать ответчика отцом ребенка при наличии указанных в ст. 16 Основ обстоятельств? Учитывая, что по смыслу той же ст. 16 Основ основанием для установления отцовства является происхождение ребенка, а указанные обстоятельства сами по себе не доказывают происхождения ребенка от ответчика, суд не может пройти мимо обсуждения биологического происхождения ребенка, если ответчик возражает против установления отцовства. Упомянутые в ст. 16 Основ обстоятельства с этой точки зрения не являются для суда обязательными. Они дают только определенное направление судебным органам с тем, чтобы при разрешении спора об отцовстве принимались во внимание наиболее достоверные доказательства отцовства.

Во-вторых, может ли суд признать ответчика отцом ребенка при отсутствии указанных в ст. 16 Основ обстоятельств? Это — вопрос практики применения нового семейного законодательства, вопрос судебной политики. Что касается точки зрения самого законодателя, то, судя по материалам обсуждения проекта Основ, приведенный в ст. 16 Основ перечень обстоятельств является исчерпывающим. Только при наличии хотя бы одного из этих обстоятельств возможно судебное установление отцовства. Однако следует обратить внимание на то, что ч. IV ст. 16 Основ непосредственно не запрещает

установление отцовства по суду при отсутствии упомянутых обстоятельств. Слова «Суд принимает во внимание» вряд ли могут быть истолкованы таким образом, что суд должен признать ответчика отцом ребенка **лишь при наличии** этих обстоятельств, так как о достоверности происхождения ребенка от ответчика суд иногда может убедиться и при отсутствии указанных обстоятельств.

Судебное установление отцовства существенно отличается от установления отцовства по совместному заявлению родителей. Если установление отцовства по совместному заявлению зависит исключительно от волеизъявления матери и отца ребенка, то иное положение при установлении отцовства по суду. Суд решает, признать или не признать ответчика отцом, исходя из материалов дела, независимо от его волеизъявления. Не имеет значения то обстоятельство, состоит ли ответчик в другом зарегистрированном браке или нет. Судебное установление отцовства должно иметь место и в том случае, если предполагаемый отец недееспособный как ввиду душевной болезни или слабоумия, так и ввиду несовершеннолетия.

Целесообразно разрешить судебное установление отцовства также **после смерти** предполагаемого отца. В какой-то мере это уже вытекает из ст. 3 Закона об утверждении Основ, в которой указано, что «в случае смерти лица, на иждивении которого находился ребенок и которое признавало себя отцом ребенка, факт признания им отцовства может быть установлен в судебном порядке». Хотя здесь речь идет об установлении факта признания отцовства, тем не менее нельзя усомниться о возможности допущения судебного установления отцовства, если при жизни предполагаемого отца налицо были обстоятельства, указанные в ч. IV ст. 16 Основ.

Мать внебрачного ребенка может требовать установления отцовства в судебном порядке также независимо от того, состоит ли она в другом зарегистрированном браке или нет. Основы не дают прямого ответа на вопрос, может ли быть установлено отцовство в судебном порядке в случае недееспособности матери ребенка равно как и после ее смерти. Представляется, что установление отцовства по суду не исключается. Иск в этом случае предъявляется опекуном или попечителем ребенка, а также самим ребенком по достижении им совершеннолетия.

К судебному установлению отцовства не применяются сроки исковой давности, т. е. оно возможно независимо от

того, какой срок истек с момента рождения ребенка или с момента наличия перечисленных в п. IV ст. 16 Основ обстоятельств. Но нормы о судебном установлении отцовства не имеют обратной силы. Согласно ст. 2 Закона об утверждении Основ «правило о судебном порядке признания отцом ребенка лица, с которым мать не состояла в браке, применяется в отношении детей, родившихся после введения в действие Основ».

НЕВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА И ЗАПИСЬ ОБ ОТЦЕ РЕБЕНКА В СЛУЧАЕ, КОГДА ОТЦОВСТВО НЕ УСТАНОВЛЕНО

Основы, несмотря на значительное расширение возможности установления отцовства, все же не исключают случаи, когда установление отцовства невозможно. Это связано, во-первых, с тем, что иногда отец ребенка вовсе неизвестен, т. е. налицо фактическая невозможность установления отцовства. Во-вторых, по новому законодательству все еще сохраняются известные ограничения судебного установления отцовства. В-третьих, нормы о судебном установлении отцовства не имеют обратной силы. Поэтому у многих детей, родившихся до 1 октября 1968 г. отцовство не может быть установлено.

Ввиду отсутствия установленного отцовства у этой категории детей не возникают права и обязанности с родственниками по линии отца.

Поскольку установление отцовства отражается в свидетельстве о рождении и в актовой записи о рождении в виде «сведений об отце», то при отсутствии установленного отцовства в графе об отце до сих пор ставился прочерк. То же самое относится к матери ребенка, если она неизвестна (например, когда регистрируется рождение найденного ребенка). Это правило действовало как до, так и после издания Указа от 8 июля 1944 г. И это было совершенно понятно, поскольку свидетельство о рождении и актовая запись о рождении являлись документами, удостоверяющими происхождение ребенка от тех лиц, которые были указаны в качестве их родителей.

Однако в советской юридической литературе, уже начиная с 50-х годов неоднократно поднимался вопрос о введении для всех детей — независимо от того, установлено или не установлено их отцовство — единых по форме свидетельств о рождении. И опубликованный для обсуждения проект Основ содержал норму, согласно которой «при рожде-

нии ребенка у матери, не состоящей в браке, если не имеется совместного заявления родителей и решения суда об установлении отцовства, запись об отце ребенка в книге записей рождений производится по фамилии матери; имя и отчество отца ребенка записывается по ее указанию» (ч. III ст. 17 Основ). Иными словами, в проекте Основ предлагалось в тех случаях, когда отцовство не установлено, вместо «проверка» указать «фиктивного» отца.

Несмотря на то, что указанная норма проекта Основ при обсуждении многими безоговорочно поддерживалась, были высказаны также и критические замечания в ее адрес. Указывалось, что такая норма не порождает бы никаких прав и обязанностей для ребенка, но ввела бы в заблуждение как самого ребенка, так и других лиц и учреждений относительно происхождения ребенка, значительно осложняя, например, оформление наследственных прав, выплату пособий одиноким матерям и т. п. Были, конечно, и предложения совершенно другого характера, а именно, разрешить матери записывать в свидетельстве о рождении ребенка любого названного ею лица или указать данные о фактическом отце ребенка.

Однако законодатель принял указанную норму в той редакции, как она была представлена в проекте. К тому же, этой норме была придана обратная сила согласно ст. 5 Закона об утверждении Основ. По желанию матери ребенка такая запись об отце возможна также относительно детей, родившихся до 1 октября 1968 г.

Согласно ч. III ст. 17 Основ запись об отце ребенка, когда отцовство установлено, производится по указанию матери ребенка. Представляется поэтому, что указанная норма не подлежит распространительному толкованию — другое лицо вместо матери не может требовать совершения этой записи.

Основы оставляют открытым вопрос о том, производится ли данная запись об отце: 1) когда регистрируется рождение ребенка по заявлению других лиц, например, в случае смерти матери, неизвестности ее местожительства, и 2) когда мать ребенка возражает против совершения записи об отце ребенка в порядке, предусмотренном ч. III ст. 17 Основ. Было бы целесообразно в республиканском законодательстве предусмотреть, что запись об отце в этих случаях, равно как и запись сведений о матери при ее неизвестности, не производится.

О ПОНЯТИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ И СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Развитие советского гражданского и семейного законодательства, предначертанное развитием социалистических общественных отношений в нашей стране, является основанием для новых теоретических выводов относительно даже к такому традиционному институту гражданского права как дееспособность.

Гражданская дееспособность — исключительно важная предпосылка правосубъектности и гражданскоправового статуса граждан, так как лишь дееспособность делает возможным активное участие гражданина в правоотношениях, осуществление его правоспособности. Дееспособность — такое социальное, общественно-юридическое свойство субъекта права, которая придает динамичность правосубъектности. Если правоспособность отражает статику правосубъектности граждан, то дееспособность отражает ее динамику.

Из этого видна значимость правильного соответствующего интересам как всего общества, так и каждого индивида законодательного урегулирования института дееспособности в гражданском и семейном праве.

Институт дееспособности в гражданском праве играет весьма важную **воспитательную** роль, ибо дееспособность — именно такое качество субъекта права, которое позволяет ему самостоятельно выступать в процессе создания прав и обязанностей, в их осуществлении. Именно в этом проявляется воспитательная функция тех правовых норм, посредством которых устанавливается возникновение и содержание дееспособности. Особенно четко это выражается в постепенном характере возникновения дееспособности несовершеннолетних. Воспитательной является гражданскоправовая ответственность за свои неправомерные действия, как — одна из сфер проявления дееспособности.

Наряду с этим институт гражданскоправовой дееспособности имеет важную **правоохранительную** функцию, так как

самостоятельность в создании и осуществлении гражданских и семейных прав и обязанностей непременно выдвигает необходимость к самостоятельности при их защите. Следовательно, материальноправовая дееспособность в известной мере предопределяет процессуальную дееспособность. Вполне обоснованным и правильным представляется высказанное по этому поводу в гражданско-процессуальной литературе мнение относительно процессуальной дееспособности несовершеннолетних: «Если закон . . . наделяет его (т. е. несовершеннолетнего Я. В.) способностью самостоятельно распоряжаться этим правом, очевидно, что несовершеннолетний должен обладать и средствами самостоятельной защиты предоставленных ему прав, т. е. обладать гражданско-процессуальной дееспособностью».¹

Подобная самостоятельность гражданина как субъекта гражданских и семейных прав, очевидно, должна иметь место не только тогда, когда он прибегает к судебной защите прав, но и когда возникает необходимость охранять нарушенные материальные права иным путем, например, в административном порядке. В самом деле, нельзя было бы считать нормальным положение, при котором лицо, обладающее самостоятельной материальноправовой дееспособностью, не обладало бы соответствующей процессуальной дееспособностью.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКОПРАВОВОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Советское законодательство уже традиционно пользуется единым понятием «дееспособность». Для сравнения можно, например, указать, что германское гражданское законодательство не пользуется таким понятием, как «дееспособность» (*Handlungsfähigkeit*). Правда, его знает Австрийский гражданский кодекс 1811 г. Германский гражданский кодекс 1896 г. пользуется такими понятиями как «делкоспособность» (*Geschäftsfähigkeit*), «деликтоспособность» (*Deliktstfähigkeit*), «способность к вступлению в брак» (*Ehefähigkeit*) и др.

Каков смысл, каково содержание вкладывается в понятие «дееспособность» советским гражданским законодательством и советской цивилистической наукой в настоящее вре-

¹ Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса, М., 1960, стр. 26.

мя, учитывая, что в законодательном урегулировании и в теоретических взглядах о дееспособности произошла известная эволюция? В литературе уже отмечалось, что новое гражданское законодательство обнаруживает тенденцию к отходу от традиционной формулы дееспособности.²

Понятие дееспособности, разработанное правовой наукой, коренится в первую очередь в законодательном определении дееспособности, поскольку Основы гражданского законодательства и вслед за ними гражданские кодексы союзных республик такое содержат (ст. 8 Основ, ст. 11 ГК Латв. ССР). Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что система законодательного регулирования института дееспособности граждан построена не совсем удачно.

Во-первых, нельзя не учитывать, что институт дееспособности в известной мере является смежным правовым институтом, который регулируется как нормами гражданского, так и семейного законодательства. Последнее, например, регулирует опеку и попечительство, т. е. институты, посредством которых заменяется или восполняется гражданская дееспособность. Кроме того, отдельные вопросы дееспособности регулируются и другими нормативными актами, например, Уставом государственных трудовых сберегательных касс, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г., Инструкцией Министерства финансов СССР № 901 от 20 июня 1949 г. по приему, хранению и выдаче вкладов государственными трудовыми сберегательными кассами, нормативными актами, регулирующими деятельность нотариата и другими.

Множественность источников права, регулирующих один и тот же институт дееспособности, уже обнаружила свои отрицательные стороны и привела к тому, что нормы, содержащиеся в различных источниках, оказались внутренне не согласованными, порой даже противоречащими друг другу.

Во-вторых, в гражданских кодексах нормы, регламентирующие дееспособность, расположены в разных главах. В основном, как это и полагается, такие нормы содержатся во 2-й главе ГК «Лица». Кроме того, в главе 3-й «Сделки» регулируется недействительность сделок, заключенных несовершеннолетними, а также лицами, признанными недееспособными.

² Л. Г. Кузнецова. Развитие института дееспособности граждан в новом гражданском законодательстве. «Правоведение», 1965 г., № 4, стр. 79; Л. Г. Кузнецова, Я. Н. Шевченко. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних, М., 1968, стр. 17.

собными или ограниченными в дееспособности. В главе 43-й «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда» регулируется ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними и недееспособными. Такое расположение норм, относящихся к дееспособности граждан, целесообразно и необходимо с точки зрения структуры гражданского кодекса. Но оно в известной мере затрудняет научный анализ института дееспособности.

К тому же нельзя не отметить, что наряду со ст. II ГК, определяющей общее понятие дееспособности, расположены ст. ст. 13 и 14 ГК (дееспособность несовершеннолетних), которые по существу регулируют лишь сделкоспособность как одну из сфер проявления дееспособности и которые корреспондируют со ст. ст. 51 и 52 ГК (признание таких сделок недействительным).

Расположение упомянутых ст. ст. 13 и 14 ГК приводит к тому, что частичная дееспособность несовершеннолетних фактически отождествляется с их частичной сделкоспособностью. Поскольку в названии этих статей речь идет о «дееспособности несовершеннолетних», может создаваться неверное впечатление, будто дееспособность целиком исчерпывается одной лишь сделкоспособностью. Так, между прочим, понятие дееспособности трактуется некоторыми зарубежными цивилистами. Например, болгарский ученый Л. Василев считает, что дееспособность — это «способность лично совершить правовые действия». Он категорически возражает против включения в понятие дееспособности также и «способность к совершению деликтов».³

Следовательно, рассредоточение норм о дееспособности по различным нормативным актам и институтам гражданского законодательства не только не помогает, но и, наоборот, осложняет выяснение понятия и содержания дееспособности.

Нормативной основой для научного анализа понятия дееспособности прежде всего является ст. 8 Основ гражданского законодательства (ст. II ГК).

Нормативное определение дееспособности в ходе развития советского гражданского законодательства не менялось. Как ранее действовавший гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (ст. 7), так и Основы гражданского законодательства (ст. 8) и гражданские кодексы союзных республик (ст. II

³ Л. Василев. Гражданское право Народной Республики Болгарии, М., 1958, стр. 197.

ГК Латв. ССР) ее определяют как «способность гражданина своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности».

Это определение, как видно, весьма абстрактно, и оно не исключает возможности для различных выводов. Долгие годы в советской цивилистической науке традиционным был взгляд, что под понятием дееспособности понимается как способность к совершению сделок (сделкоспособность), так и способность к совершению правонарушений (деликтоспособность). Такая точка зрения защищалась видными советскими цивилистами.⁴ Такому теоретическому выводу способствовала ст. 9 ГК РСФСР 1922 г., в которой регламентировалась дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. В этой статье ясно указывалось как на совершение сделок, так и на ответственность за причиненный вред.

Однако такой вывод не мог раскрыть полностью все богатое содержание дееспособности; не учитывались в нем все разнообразные проявления дееспособности, так как приобретение прав и создание обязанностей не всегда выражаются только в заключении сделок или в способности к правонарушению. Ввиду этого совершенно своевременным, целесообразным и обоснованным был отход от этой традиционной в советском праве трактовки содержания дееспособности. И наряду с вышеупомянутым взглядом постепенно укрепляет свои позиции новый вывод, согласно которому дееспособность гражданина проявляется в трех направлениях. Это способность: 1) осуществлять свои права и обязанности, 2) приобретать гражданские права и обязанности и 3) способность нести ответственность за совершение недозволенных действий.⁵

Таким образом, содержание, вкладываемое в понятие дееспособности советской цивилистической наукой, расширилось, обогатилось и вместе с тем и осложнилось. Такая трак-

⁴ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, М., 1950, стр. 64; Е. А. Флейшиц. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, М., 1951, стр. 96; А. Г. Потюков. Правоспособность и дееспособность по советскому гражданскому праву. Автореферат канд. диссертации, Л., 1954, стр. 12 и др.

⁵ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, I, Л., 1958, стр. 82; его же: Советское гражданское право, М., 1967, стр. 102; Л. Г. Кузнецова. Развитие института дееспособности граждан в новом гражданском законодательстве, «Правоведение», 1965, № 4, стр. 79—80; А. Я. Паварс. О проблеме гражданско-правового регулирования частичной дееспособности несовершеннолетних, «Правоведение», 1967, № 4, стр. 66.

товка содержания дееспособности действующему законодательству не противоречит, наоборот, она полностью акцентирует и выражает сущность и все разнообразие форм проявления дееспособности, ибо в действительности дееспособность — это способность «самостоятельно приобретать, осуществлять и отвечать за осуществление гражданских прав и обязанностей».⁶ И это гораздо шире, чем способность к самостоятельному заключению сделок и совершению правонарушений.

Такое весьма обширное понятие дееспособности не может не влечь за собою пересмотр отдельных установившихся в нашей правовой науке представлений и выводов, непосредственно связанных с институтом дееспособности.

Исследуя категорию дееспособности, важно, конечно, иметь правильное представление о том, что является **основанием дееспособности**. В литературе выдвигаются и даже противопоставляются такие факторы, как воля гражданина и его способность понимать значение совершаемых действий и отдавать себе отчет о своих действиях. Мнение одних исследователей склоняется к тому, что решающее значение все же принадлежит именно волевому моменту.⁷

Несколько иного мнения О. С. Иоффе. Он считает, что дееспособность «опирается на реальную способность людей понимать значение совершаемых ими действий и отдавать себе полный отчет в последствиях, к которым эти действия могут привести».⁸

Правильнее было бы не противопоставить волю человека его интеллекту, не акцентировать их взаимоисключение, а, наоборот, их сочетание. Во-первых, по той причине, что волеобразование человека несомненно зависит от уровня его умственного развития, что юридически значимая воля зависит от способности человека понимать значение совершаемых им действий и отдавать себе отчет о последствиях этих действий. Однако законодатель, устанавливая возрастной порог, с которого возникает полная дееспособность, не может считаться с каждым отдельным индивидом. Это весьма осложняло бы гражданский оборот, поскольку у одних необходимые умственные способности, воля возникают раньше, у других —

⁶ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967, стр. 102.

⁷ Н. Б. Рабинович. Недействительность сделок и ее последствия, Л., 1960, стр. 58; Е. А. Флейшиц. Обязательство из причинения вреда... , стр. 96; А. Я. Лаварс. О проблеме... «Правоведение», 1967, № 4.

⁸ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967, стр. 103.

позже. Учитывая опыт, подготовленность, умственные способности подавляющего большинства членов общества на данном этапе его развития, как и другие факторы (моральные, экономические и др.), законодатель определяет единый для всех граждан, разумеется психически нормальных, возраст, по достижении которого у них возникает полная дееспособность.

Во-вторых, было бы неправильным абстрактно акцентировать либо фактор волеизъявления, либо интеллектуальный без учета конкретной сферы проявления дееспособности. При заключении гражданскоправовых сделок решающее значение, несомненно, принадлежит волевому фактору. И если бы дееспособность граждан исчерпывалась одной лишь сделкоспособностью, то, пожалуй, можно было бы придавать исключительное значение волеизъявлению, так как сделка — это действие человека, и как таковое представляет собою сознательный волевой акт. То же самое можно было бы сказать о правомерных действиях, посредством которых возникают и осуществляются права и обязанности, если для этого необходимо волеизъявление.

Иное дело, когда имеется в виду такая сфера проявления дееспособности, как деликтоспособность. В ней решающее значение все же принадлежит не волевому, а интеллектуальному моменту. Поэтому и вполне понятно, что О. С. Иоффе, уделивший столь большое внимание исследованию гражданскоправовой ответственности, больше других авторов акцентирует значение интеллектуального фактора для дееспособности.

Следовательно, волевой и интеллектуальный фактор имеет неодинаковый удельный вес в различных сферах проявления дееспособности.

Основная сфера проявления дееспособности это — способность к приобретению прав своими действиями. Речь, разумеется, идет о правомерных действиях, которые в подавляющем большинстве являются гражданскоправовыми сделками. Поэтому и вполне оправдано пользование термином «сделкоспособность» в нашей научной литературе, хотя и законодательство им не пользуется. На первое место здесь выдвигается такой фактор, как юридически полноценная воля. И если гражданин таковой не обладает, то возникает необходимость ее заменить или восполнить волею законного представителя, который своими действиями, т. е. своей волею приобретает гражданские права для своего подопечного.

Поэтому вполне логично, что закон не указывает на приобретение прав только для самого действующего субъекта, «для себя». Закон имеет в виду как приобретение прав «для себя» путем своих личных действий, так и «для других» путем действий законного или договорного представителя.

Характерной чертой дееспособности как сделкоспособности является то, что она проявляется в сфере **имущественных** отношений. Поэтому и в ст. ст. 13 и 14 ГК, в которых регламентируется сделкоспособность несовершеннолетних, имеются в виду имущественные сделки. Приобретение своими правомерными действиями прав не исчерпывается одной лишь сделкоспособностью. Права, для возникновения которых необходимо волеизъявление, создаются также, например, при вступлении в кооперативные и общественные организации. Причем здесь возникает целый круг личных неимущественных и имущественных прав. В отличие от заключения гражданско-правовых сделок здесь, однако, невозможна замена дееспособности одного лица посредством дееспособности других лиц. Вступление в какую-либо организацию, является правом личного характера. Однако для реализации тех имущественных прав и обязанностей, которые возникают для вступившего в организацию, замена дееспособности допускается (например, производство расчетов, платежей от имени недееспособного члена жилищно-строительного кооператива или другой организации). К тому же, может возникнуть вопрос о членстве несовершеннолетнего в ЖСК, если, например, он является единственным наследником пая умершего члена ЖСК. В принципе такое лицо не может вступить в члены ЖСК, не может этого и назначенный ему опекун и попечитель, поскольку членство — строго личное право.

Не является проявлением гражданско-правовой дееспособности поступление на работу. Противоположный, неверный взгляд выражает Л. Г. Кузнецова.⁹ Способность поступления на работу, т. е. заключения трудового договора, как представляется, полностью включается в понятие трудовой правоспособности граждан. Не возникает вопрос о дееспособности относительно таких прав, приобретение которых не зависит от волеизъявления субъекта. Речь идет о т. н. абсолютных правах, которые для гражданина возникают *ex lege*, как, например, право на защиту чести и достоинства. Здесь возникает вопрос только о процессуальной дееспособности,

⁹ Л. Г. Кузнецова. «Правоведение», 1965, № 4, стр. 73.

если необходимо прибегать к гражданскоправовой защите чести и достоинства несовершеннолетнего или лишенного дееспособности лица. Но это выходит за пределы понятия гражданскоправовой дееспособности.

Вторая сфера проявления дееспособности — способность своими действиями осуществлять принадлежащие гражданину права и исполнять лежащие на нем обязанности. Непосредственно о ней в законе не указывается, однако, она законодателем подразумевается, поскольку осуществление прав и исполнение обязанностей связана с волевыми актами субъекта права. Речь идет об уже приобретенных субъектом правах и обязанностях, о конкретных субъективных правах.

Говоря об этой сфере проявления дееспособности, не совсем правильно было бы сослаться на ст. 13 ГК, в которой упоминается об осуществлении авторских и изобретательских прав несовершеннолетних на свои произведения, так как под этим «осуществлением» законодатель подразумевает, как правило, вступление в сделки для извлечения материальных выгод от реализации созданного несовершеннолетним произведения или объекта изобретательского права.

Осуществление гражданских прав как сфера проявления дееспособности относится ко всем гражданским правам как к имущественным, так и неимущественным, если для их осуществления необходимо изъявление воли. Так в области права собственности собственник может осуществлять правомочия по владению и пользованию имуществом. Управление имуществом недееспособного, равно, как и осуществление прав и исполнение обязанностей, вытекающих из сделки, заключенной от имени недееспособного, происходит также действиями других лиц (опекунов, родителей). Поэтому вполне логично говорить об осуществлении прав и обязанностей как самостоятельной сферы проявления дееспособности.

Третья сфера проявления дееспособности — обоснование гражданскоправовой ответственности. Законодатель весьма лаконично сформулировал: «создавать для себя гражданские обязанности», не поясняя, какие именно гражданские обязанности имеются в виду. Обязанности, которые составляют гражданскоправовые обязательства, могут быть договорными (созданные правомерными действиями, гражданскоправовыми сделками) и внедоговорными (созданные вследствие причинения вреда).

Анализ ст. II ГК позволяет прийти к выводу, что законодатель имел в виду как одни, так и другие обязанности.

Следовательно, во-первых, создание «для себя» гражданских обязанностей означает способность к заключению гражданско-правовых сделок, из которых для действующего субъекта возникают не только права, но и обязанности, что, как правило, имеет место при заключении двухсторонних, возмездных договоров. Поэтому все сказанное относительно сделкоспособности относится и к созданию упомянутых обязанностей. Однако, в таком случае нельзя не указать на известную неточность закона. Как в ст. 7 ГК РСФСР 1922 г., так и в ныне действующих кодексах (ст. II ГК Латв. ССР) указывается на создание гражданских обязанностей «для себя». Но, как известно, путем заключения сделок посредством действий представителя возможно создание как прав, так и обязанностей для других лиц — представляемых. Для создания таких обязанностей обязательным фактором является волеизъявление.

Во-вторых, создание гражданских обязанностей возможно путем правонарушений, совершением неправомерных, недозволенных действий. В этом смысле «создание гражданских обязанностей своими действиями» означает не сделкоспособность, а деликтоспособность. И основанием дееспособности здесь является не столько волевой фактор, сколько способность субъекта права отдавать себе отчет о своих действиях.

Исследование оснований дееспособности нередко ограничивается анализом только психологических факторов. Но кроме них при правовом регулировании дееспособности роль играет также ее **экономическое** основание. Экономический фактор приобретает значение постольку, поскольку гражданское право регулирует в подавляющем большинстве имущественные отношения, а гражданско-правовые сделки, равно как и гражданская договорная и внедоговорная ответственность обладает имущественным характером. Исполнение сделки, равно как и гражданско-правовая ответственность за ее неисполнение требует, чтобы субъект обладал необходимыми материальными ценностями. То же самое в случаях совершения деликта, когда у причинителя вреда возникает обязанность к возмещению имущественного вреда для восстановления нарушенной имущественной сферы потерпевшего. Обладают необходимыми для этого материальными средствами в нашем обществе, как правило, лица, обладающие трудовой дееспособностью. Иногда необходимым имуществом для заключения сделки или возмещения вреда, правда, мог бы обладать и малолетний ребенок равно как и душевнобольной,

получивший наследство или дар. Но это — исключительные случаи, ради которых законодатель не создал специальной нормы. К тому же, пришлось бы учитывать умственное состояние таких лиц.

В этом отношении весьма своеобразную и интересную позицию занимает гражданский кодекс ЧССР, который устанавливает (§ 422), что «несовершеннолетний или душевнобольной отвечает за причиненный им вред, если он способен руководить своими действиями и понимать их значение».

Лица, не достигшие возраста трудовой дееспособности, как правило, не обладают необходимыми средствами для заключения сделок, для возмещения причиненного вреда. Было ли в таком случае целесообразным возложение гражданскоправовой ответственности на указанных лиц и предоставление им возможности заключать гражданскоправовые сделки? Разумеется, нет. Противоположное только чрезмерно осложняло бы гражданскоправовой оборот и имущественные интересы кредитора не получили бы надлежащей правовой охраны.

Учитывая именно это обстоятельство, законодатель приравнивает по мере возможности момент наступления гражданскоправовой дееспособности (хотя в неполном объеме) к моменту возникновения у граждан способности трудиться. Только этим можно объяснить, почему законодатель счел нужным повысить возраст, с достижением которого у несовершеннолетнего возникает уже вполне самостоятельная ответственность за причиненный им вред (ст. 473 ГК) и значительно расширяется его способность к заключению сделок (ст. 13 ГК) с 14 лет на 15 лет. Объяснить это факторами психологического характера невозможно. Если исключительно решающими были бы волеизъявление или интеллект, то следовало бы, наоборот, либо оставить 14-летний возрастной порог, либо его еще понизить, уравнивая с возрастом, с которого возникает уголовная ответственность.¹⁰

Невозможно даже допустить мысль о том, что умственные способности у подрастающего поколения в настоящее время развиваются медленнее, чем в начале 20-х годов, когда был принят ранее действовавший ГК, установивший более низкий возрастной рубеж для частичной дееспособности. Всеобщее образование, развитие науки и техники и т. д. способствуют более раннему созреванию умственных спо-

¹⁰ По новому ГК Польской Народной Республики такой возраст определяется в 13 лет — ст. ст. 12, 426 ГК; по ГК Венгерской Народной Республики — 12 лет только для сделокспособности — ст. 12 ГК.

способностей молодежи. Поэтому, придавая решающее значение волеизъявлению и интеллекту, следовало бы установить более ранний возрастной порог для гражданскоправовой ответственности и сделкоспособности. Однако этого не произошло. И, как представляется, потому, что законодатель важной для гражданской дееспособности считал экономическую предпосылку, без которой гражданскоправовая ответственность оказалась бы малоэффективной.

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сложный состав дееспособности в советском гражданском праве весьма затрудняет характеристику дееспособности несовершеннолетних. Ранее действовавшее законодательство (ГК РСФСР 1922 г.) по сравнению с действующим в этом отношении было гораздо проще. Ст. 9 ГК РСФСР 1922 г. установила **единый** возрастной порог для возникновения частичной дееспособности несовершеннолетних. До достижения 14-летнего возраста несовершеннолетние (иногда в литературе именуемые малолетними, хотя закон этим термином не пользовался) **считались недееспособными**. Сделки от имени недееспособных совершали их родители или опекуны. Согласно ст. 31 ГК РСФСР 1922 г. сделки, совершенные лицом полностью лишенным дееспособности, были недействительными. Следовательно, у такого несовершеннолетнего не было сделкоспособности. Не было у него и деликтоспособности, так как ст. 405 ГК РСФСР 1922 г. установила самостоятельную ответственность лиц, обязанных иметь надзор за несовершеннолетними до 14-летнего возраста, а сам несовершеннолетний не отвечал за причиненный им вред.

Лишь по достижении 14-летнего возраста несовершеннолетний стал **частично** дееспособным.

Несмотря на то, что по ГК РСФСР 1922 г. несовершеннолетние в возрасте до 14 лет считались полностью недееспособными в области сделкоспособности, в правовой науке за ними признавалось право самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, что и вполне соответствовало их фактическому положению. Специальное законодательство разрешило им вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться этими вкладами. Действующее законодательство по-иному регламентирует дееспособность несовершеннолетних. Новые гражданские кодексы проводят четкую грань между регламентацией сделкоспособности и деликтоспособности несовершеннолетних в возрасте до 15 лет. Так, в ст. 14

ГК установлено, что несовершеннолетние до 15 лет «вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки». К тому же, и в самом названии ст. 14 ГК подчеркивается именно «дееспособность» несовершеннолетних. И это не могло не вызывать определенную реакцию со стороны правовой науки.

По мнению ряда цивилистов новое гражданское законодательство не дает оснований для отказа от традиционных понятий, созданных советской правовой наукой и поэтому следует и в дальнейшем сохранить уже ранее сложившееся подразделение несовершеннолетних: 1) полностью недееспособны — несовершеннолетние до 15 лет; 2) частично дееспособны — несовершеннолетние от 15 до 18 лет.¹¹

Другие же цивилисты¹² на основе анализа действующего законодательства пришли к иному выводу, а именно — все несовершеннолетние являются дееспособными. При этом лица в возрасте до 15 лет — **частично** дееспособны, а лица от 15 до 18 лет — **относительно** дееспособны. Возражая О. А. Красавчикову, О. С. Иоффе поясняет, что «новый закон сам по себе не дает оснований для отказа от привычной терминологии, предложенные терминологические нововведения не-правильны и по существу. Назвать малолетних пусть и частично, но все же дееспособными — значит переносить акцент с общего их статуса как лиц недееспособных на исключительные случаи признания за ними дееспособности.»¹³ Проблема дееспособности несовершеннолетних, разумеется, заключается не столько в терминологических нововведениях, сколько по существу, хотя и следует согласиться с тем, что термины «относительная дееспособность» и «частичная дееспособность» О. А. Красавчиковым и Л. Г. Кузнецовой действительно выбраны не совсем удачно. Дело в том, что рассматриваемая проблема незаслуженно упрощается в нашей цивилистической науке; **не учитывается сложность понятия дееспособности, все качественно различные сферы ее проявления.** При решении проблемы дееспособности несовершеннолетних необходимо исходить из следующих принципиальных положений.

¹¹ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967 г., стр. 120—121; А. Я. Паварс. О проблеме... «Правоведение», 1967 г., № 4, стр. 68; Советское гражданское право, т. I, М., 1965, стр. 86—87.

¹² О. А. Красавчиков. Характерные особенности правового регулирования недействительных сделок по новому гражданскому законодательству, «Сов. государство и право», 1965, № 10, стр. 39; Л. Г. Кузнецова. Развитие института дееспособности. «Правоведение», 1965 г., № 4, стр. 72.

¹³ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967, стр. 125.

Во-первых, из того, что дееспособность это — фактическое осуществление правоспособности **своими** действиями. И если несовершеннолетний, хотя только частично, в весьма незначительном объеме обладает такой способностью, едва ли правильно было бы его считать полностью недееспособным. Это не соответствовало бы ни его фактическому положению, ни действующему гражданскому законодательству, которое в отличие от прежнего законодательства специально регулирует *дееспособность* несовершеннолетних в возрасте до 15 лет, что — достаточное основание как для отказа от «привычной терминологии», так и для того, чтобы квалифицировать их частично дееспособными. Поэтому нельзя согласиться с взглядом, что несовершеннолетние до 15 лет недееспособны.

Во-вторых, частичная дееспособность этих несовершеннолетних, урегулированная ст. 14 ГК, по буквальному смыслу закона относится **только к сделкоспособности**. В области деликтоспособности несовершеннолетние до 15 лет полностью недееспособны. Именно поэтому и не правы О. А. Красавчиков и Л. Г. Кузнецова, так как они безоговорочно распространяют понятие частичной дееспособности на несовершеннолетних в возрасте до 15 лет. Для статуса несовершеннолетнего в этом возрасте характерно то, что он **частично дееспособен не вообще, а лишь в области сделкоспособности и осуществления принадлежащих ему некоторых субъективных прав**. Но такую дееспособность все же следовало бы характеризовать не как изъятие или исключение из общего статуса этих лиц как недееспособных, а как известный шаг в постепенном развитии дееспособности. Для сравнения небезинтересно отметить регламентацию дееспособности несовершеннолетних в новейшем законодательстве некоторых зарубежных социалистических стран.¹⁴

¹⁴ Так, ст. 12 ГК ПНР (1964 г.) прямо устанавливает, что лица до 13-летнего возраста недееспособны. Из ст. 12 ГК ВНР (1959) можно делать вывод, что несовершеннолетние до 12-летнего возраста недееспособны. Известная эволюция произошла в законодательстве ЧССР. Если согласно § 11 ГК (1950 г.) «лицо, не достигшее 6 лет, абсолютно недееспособно», то согласно § 9 ГК (1964 г.) все несовершеннолетние до 18 лет являются частично дееспособными. В отличие от советского законодательства закон ЧССР не указывает на определенные категории сделок, которые вправе заключать несовершеннолетний, а в качестве критерия выдвигается «уровень умственной и нравственной зрелости» каждого отдельного несовершеннолетнего. «Несовершеннолетние обладают способностью совершать только такие сделки, которые по своему характеру являются соразмерными умственной и нравственной зрелости, соответствующей возрасту несовершеннолетнего».

С достижением 15-летнего возраста объем дееспособности несовершеннолетних по советскому гражданскому праву расширяется. В области **делкоспособности** согласно ст. 13 ГК существенно расширяется круг тех сделок, которые несовершеннолетние вправе заключать вполне самостоятельно без согласия родителей, попечителей. Несовершеннолетние вправе **самостоятельно** заключать также все остальные сделки, однако с согласия родителей или попечителей. К тому же, не всегда обязательно устное или письменное согласие, как правильно указывается в новейшей литературе.¹⁵

Из ст. 52 ГК вытекает, что возможно молчаливое одобрение со стороны родителя или попечителя таких заключенных несовершеннолетним сделок, для совершения которых ст. 13 ГК требует согласия родителей или попечителей. Следовательно, при заключении таких сделок несовершеннолетний действует как-будто полностью дееспособный. Неполный характер его дееспособности проявляется лишь в том, что действительность сделок поставлена в зависимости от воли родителей или попечителей, в том, что для некоторых сделок необходимо ясно выраженное согласие родителей или попечителей. Так, согласно п. 43 Положения о государственном нотариате Латв. ССР несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет совершают договоры купли-продажи жилого дома только с согласия родителей или попечителей. Ограниченный характер выражается также в том, что согласно ст. 33 ГПК (процессуальная дееспособность) они ограничены в способности самостоятельно защищать свои права в суде.

Несовершеннолетний от 15 до 18 лет обладает **полной деликтоспособностью**. Он «отвечает за причиненный им другому лицу вред на общих основаниях» (ст. 473 ГК), Субсидиарная ответственность родителей или попечителей несовершеннолетнего носит принципиально иной характер, чем их согласие в целях восполнения делкоспособности несовершеннолетнего. Она установлена для ограждения интересов потерпевшего, в то время, как восполнение делкоспособности в основном направлено на защиту интересов самого несовершеннолетнего. Ответственность родителей и попечителей за причиненный несовершеннолетними вред — самостоятельная ответственность за свою вину. Она установлена не потому, что воля несовершеннолетнего неполноценна, что последний не способен руководить своими действиями. Такой способ-

¹⁵ Л. Г. Кузнецова. Новое в гражданско-правовом положении несовершеннолетних, «Сов. гос. и право», 1965, № 7, стр. 132.

ностью несовершеннолетний в области гражданского права обладает не меньше, чем в праве уголовном. Несовершеннолетний в возрасте от 15 до 18 лет считается **полностью деликтоспособным** и применительно к этой сфере проявления дееспособности не следовало его именовать частично дееспособным.

Учитывая весьма существенные различия в сфере проявления сделкоспособности и деликтоспособности несовершеннолетних, было бы правильнее вообще отказаться от термина «частичная дееспособность», который без специального разъяснения сам по себе еще ничего не выражает. По действующему законодательству различаются следующие категории дееспособности граждан: 1) полная дееспособность (лиц, достигших 18-летнего возраста — ст. II ГК); 2) дееспособность несовершеннолетних от 15 до 18 лет (ст. ст. 13 и 473 ГК); 3) дееспособность несовершеннолетних в возрасте до 15 лет (ст. ст. 14 и 472 ГК); 4) ограниченная дееспособность (лиц, ограниченных судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами — ст. 14 ГК. Причем ограничение дееспособности относится только к сделкоспособности и не касается деликтоспособности — ст. 475 ГК); 5) полная недееспособность (лиц, признанных судом недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия — ст. 15 и 474 ГК).

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Обособление семейного законодательства от гражданского и его развитие начиная уже с 1918 года в качестве **самостоятельной** отрасли советского законодательства не могла исключить взаимосвязь между гражданским и семейным правом. Наоборот, между ними предполагается самая тесная связь, ибо семейное право также как и гражданское право регулирует личные и имущественные отношения граждан, и субъектами гражданских прав и обязанностей нередко выступают граждане как члены семьи.

Не касаясь вопроса о правильности и целесообразности самостоятельного развития гражданского и семейного законодательства (в теории права этот вопрос и по ныне остается спорным), все же нельзя не признать, что выделение правовых институтов, регулирующих семейные отношения, в отдельной отрасли права повлекло за собой известные отрицательные последствия. Во-первых, ныне действующее граждан-

данское законодательство не содержит всех необходимых норм, регулирующих правосубъектность граждан. Цельное представление о гражданах, как субъектах гражданского права, возможно лишь с учетом норм, регулирующих брак, родство, опеку и попечительство и акты гражданского состояния, но эти нормы содержатся в семейном законодательстве. Во-вторых, сами институты семейного законодательства остались без объединяющей их общей части, так как гражданско-правовые нормы, относящиеся к правоспособности, дееспособности, представительству, к срокам давности, недействительности сделок и т. д. к семейному праву неприменимы.

До последнего времени более или менее обстоятельному теоретическому анализу подверглись лишь отдельные институты семейного права (институт брака, алиментные обязательства, имущественные права и обязанности супругов, усыновление и др.). Но почти не исследованы общетеоретические проблемы семейного права, такие как семейное правоотношение и тесно связанная с ней проблема семейной правосубъектности, правоспособности и дееспособности граждан в области семейных отношений, хотя они имеют определенное теоретическое и весьма важное практическое значение для решения вопросов об осуществлении и защите семейных прав.

Вопрос о характере семейного правоотношения и его элементах в советской правовой науке ставится лишь в последнее время.¹⁶

Одной из центральных проблем, когда обращаемся к исследованию общих вопросов семейного права, является проблема семейноправовой правосубъектности граждан и непосредственно вытекающие из нее вопросы правоспособности и дееспособности субъектов семейного права. Этим понятием в семейноправовой литературе до сих пор совершенно не уделялось внимания. В известной мере такое положение объясняется отсутствием в семейном законодательстве указанных понятий. Однако это не может быть поводом для отказа от их исследования в правовой науке, которая все же не может обойтись без них. Сравнительно недавно отрицалась целесообразность введения понятий правоспособности и дееспособности в гражданско-процессуальном законодательстве.

¹⁶ О. С. Иоффе. Советское гражданское право, III, Л., 1965, стр. 186 и след.; В. А. Рясенцев. Семейное право, М., 1967, стр. 25 и след.; Е. М. Ворожейкин. Семейные правоотношения в СССР. Тезисы доклада, Научная конференция «Правовые вопросы семьи, воспитания детей и бытового обслуживания» 30—31 января 1967 г. М., 1967, стр. VIII—IX.

Однако их необходимость для гражданского процесса правовой наукой была доказана, и в настоящее время они приняты законодательством.

Вряд ли можно усомниться в том, что участники любого семейного правоотношения обладают **правоспособностью** — т. е. способностью иметь семейные права и обязанности. Но иногда в литературе по семейному праву используется лишь понятие, аналогичное гражданско-правовой правоспособности, без учета специфики правоспособности в семейном праве. Такой правоспособностью обладают лишь лица, являющиеся субъектами семейных отношений, но не все граждане, как в гражданском законодательстве. Она носит специальный характер. Например, правоспособность заключить брак возникает по достижении определенного возраста и, наоборот, лишь по достижении совершеннолетия лица способны находиться на родительском попечении. Здесь обнаруживается отличие от гражданской правоспособности, которой обладают все граждане в равной мере с момента рождения до смерти. Если, например, гражданин на протяжении всей жизни может быть субъектом права собственности или права наследования, равно как и договорного правоотношения, то он не обладает в такой же мере способностью быть субъектом отдельных семейных правоотношений, он не может стать супругом или усыновителем, будучи еще малолетним. Наоборот, по достижении совершеннолетия гражданин по советскому праву не может стать усыновленным. Если в гражданском праве от имени недееспособного или несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет его опекуном или родителем может быть заключена почти любая гражданско-правовая сделка, то заключение брака равно как и совершение акта усыновления от имени несовершеннолетнего нашим законодательством не допускается.

Таким образом, в области семейных отношений правоспособность граждан проявляет известную специфику и вряд ли можно безоговорочно использовать одноименное понятие правоспособности из гражданского законодательства, к тому же, имеющего определенное содержание (ст. 10 ГК).

С другой стороны, в семейном праве имеется совсем иное, чем в праве гражданском **соотношение между правоспособностью и дееспособностью**. В одних случаях семейная правоспособность и дееспособность возникает одновременно (например, брачное право — и дееспособность). Сугубо личный характер многих семейно-правовых отношений не позволяет

заменить или восполнить дееспособность одного субъекта дееспособностью другого, как это имеет место в гражданском праве.

Каково же понятие дееспособности в области семейного права? Ни Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик, утвержденные Верховным Советом СССР 27 июня 1968 г., ни действующие республиканские семейные кодексы не пользуются упомянутым термином. В правовой теории применительно к семейному праву понятие дееспособности до сих пор вводится весьма предвзвешенно, возможно из-за того, что к семейным правоотношениям полностью нельзя применить то понятие дееспособности, которым пользуется гражданское законодательство. Как по своему содержанию, так и по структуре гражданско-правовая дееспособность установлена, исходя главным образом из имущественного характера подавляющего большинства гражданских правоотношений; она в основном предназначена для приобретения прав, создания обязанностей имущественного характера.

В семейных же отношениях, где на передний план выдвигаются личные неимущественные права, дееспособность в основном служит для создания и осуществления неимущественных прав и обязанностей. Дееспособность в семейном праве является необходимой предпосылкой для совершения определенных семейноправовых актов, в силу которых возникают личные неимущественные и имущественные права (например, заключение брака, усыновление, согласие на усыновление ребенка, отказ от ребенка, расторжение брака, патронирование ребенка, признание ребенка), а также для осуществления уже наличных субъективных семейных прав и обязанностей (родительских прав, алиментных прав и др.).

Основанием для семейноправовой дееспособности наряду с интеллектом является **воля**. Ввиду этого, в тех случаях, когда для возникновения или осуществления семейных прав необходим акт воли, она должна быть изъявлена дееспособным лицом. Иногда на это имеется прямое указание закона (ст. 10 Основ законодательства о браке и семье, ст. 5, п. «б» ст. 6 КЗоБСО РСФСР — относительно заключения брака). В других случаях прямого указания в законе нет (например, относительно признания ребенка). Иногда необходимость наличия дееспособности вытекает из гражданско-процессуального законодательства (расторжение брака, оспаривание записи отцовства в судебном порядке). Во многом здесь

обнаруживается взаимосвязь семейного и гражданского права.

Во-первых, это выражается в совпадении возраста, с которого возникает полная гражданско-правовая и, как правило, и семейно-правовая дееспособность. Но семейное право знает некоторые исключения, каковым является, например, разрешение заключить брак до достижения совершеннолетия, что сопровождается приобретением в полном объеме гражданско-правовой дееспособности (ст. 11 ГК). Возникновение полной дееспособности в этих случаях необходимо для осуществления функций представительства и защиты интересов детей, родившихся у родителей, не достигших совершеннолетия.

Возможность совершения акта усыновления, патронирования детей также зависит от наличия полной гражданско-правовой дееспособности, так как невозможно представительство и защита интересов других лиц (усыновленных, патронированных) без обладания полной дееспособности.

Необходимо наличие полной дееспособности и для **прекращения семейно-правовых отношений** — для расторжения брака, в том числе и для регистрации развода в органах ЗАГСа, для признания недействительным брака, для согласия на усыновление ребенка, в результате чего часто прекращается родственная связь между усыновленным и его родственниками по происхождению.

Во-вторых, в отличие от права гражданского в семейном праве, как правило, нет **постепенности** в возникновении дееспособности. Для совершения вышеупомянутых семейно-правовых актов необходима **полная** дееспособность.

Волевой фактор необходим и для тех действий, посредством которых осуществляются уже наличные у члена семьи субъективные права и обязанности, как, например, осуществление алиментных прав и родительских прав.

Семейно-правовая дееспособность, следовательно, заключается в **способности своими действиями совершать семейно-правовые акты, а также осуществлять семейные личные неимущественные и имущественные права.**

Множество семейных прав и обязанностей носит личный характер, в силу чего их нельзя отчуждать, передать другим лицам. Но из этого отнюдь не вытекает, что приобретение указанных прав и обязанностей, их осуществление всегда и исключительно должно произойти при личном участии самого носителя этих прав и обязанностей. Личный характер многих семейных прав не исключает возможность их осуществления

при помощи действий других лиц, представителей. Следовательно, и в семейном праве возможно восполнение дееспособности одного лица дееспособностью другого лица. Но это не относится ко всем семейным правам и обязанностям. Семейные права и обязанности различаются на такие, возникновение, прекращение и осуществление которых возможно лишь посредством самого их носителя, где исключена возможность восполнения дееспособности правомочного субъекта, и на такие, которые могут быть осуществлены как самим носителем этих прав, так и другими лицами — представителями.

К первым относится совершение некоторых семейноправовых актов, каковым является, например, заключение брака. Советское законодательство требует обязательного личного участия сторон при совершении этого акта и не разрешает заключение брака посредством представителя, как это в отдельных случаях разрешается законодательством зарубежных социалистических стран.¹⁷ Такое же строго личное участие необходимо для совершения акта усыновления, признания ребенка. Поскольку данные акты создают длительные семейные отношения, в свою очередь порождающие множество различных семейных прав и обязанностей, равно как и других прав, личное волеизъявление участника такого акта имеет решающее значение. Ввиду этого данные акты могут совершаться лишь дееспособными лицами. Относительно признания ребенка действовавшее до 1 октября 1968 г. законодательство последовательно проводило этот принцип, так как признание ребенка допускалось лишь в случае регистрации брака между фактическим отцом и матерью ребенка, что могло иметь место лишь при наличии их дееспособности.

Основы законодательства о браке и семье (ст. 16) не ставят больше возможность признания ребенка в зависимости от регистрации брака между родителями ребенка. В принципе в таком случае любой фактический отец может без ограничения подать совместное с матерью ребенка заявление о признании ребенка. Следовательно, закон предоставляет такую возможность и несовершеннолетним, даже до наступления брачного возраста. Однако следовало бы установить определенную систему охраны прав такого несовершеннолетнего отца; требовать, чтобы его волеобразование, направленное на признание отцовства, было непринужденным, независимым от внешнего воздействия. Гораздо сложнее вопрос от-

¹⁷ Ст. ст. 6 и 16 Семейного и опекунского кодекса ПНР 1964 г.; § 6 Закона о семье ЧССР 1949 г.

носителем полностью недееспособных фактических отцов (лишенных дееспособности в связи с душевной болезнью и слабоумием). Акт добровольного признания ребенка, здесь, видимо, не может иметь место. Но поскольку законодательство не запрещает установления отцовства в подобных случаях, оно должно иметь место в судебном порядке. Другое лицо — представитель недееспособного отца акт признания ребенка совершить не может.

Личное участие самого субъекта семейного правоотношения необходимо для того, чтобы дать согласие на усыновление своего ребенка, или в случае отказа от своего ребенка, так как здесь прекращается родственное отношение, служащее основанием для возникновения многих семейных и других прав и обязанностей. Но в отличие от усыновления и заключения брака согласие на усыновление или отказ от ребенка преследует противоположную цель — прекращение семейных отношений. От недееспособных родителей такое согласие всегда должно быть получено. Исключение относительно усыновления может иметь место лишь согласно ч. IV ст. 24 Основ законодательства о браке и семье (уклонение родителя от участия в воспитании ребенка).

Но было бы целесообразным в республиканском семейном законодательстве установить правило, согласно которому в указанном случае усыновление без согласия родителя возможно лишь после лишения его родительских прав. Что же касается недееспособных родителей, то их недееспособность является препятствием для нормального осуществления родительских прав. Поэтому усыновление ребенка недееспособной матери целесообразно при отсутствии ее волеизъявления. Воля матери ввиду ее недееспособности в данном случае не может иметь юридического значения. Однако действия других лиц — представителей не должны быть направлены на ограничение и нарушение субъективных семейных прав недееспособного родителя. На практике подобное нарушение прав иногда имеет место. Так, например, гражданка Н. дала согласие на усыновление своего внука посторонним лицам, таким образом нарушая интересы своей несовершеннолетней, но психически вполне здоровой дочери, т. е. матери ребенка. Иным могло быть решение, если бы мать ребенка страдала неизлечимой психической болезнью. Но и тогда совершение указанных актов не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения опекуна. Для более прочной гарантии прав недееспособного родителя желательно получить

согласие или разрешение органа опеки и попечительства, что должно быть установлено новым республиканским семейным законодательством.

Вопрос о дееспособности в семейном праве возникает при **расторжении брака**. Несмотря на строго личный характер этого акта, законодательство и судебная практика не исключает возможности участия в бракоразводном процессе представителей супругов. Иногда замена дееспособности одного супруга дееспособностью его представителя являлась необходимой (например, при расторжении брака с безвестноотсутствующим или недееспособным). Прямое указание на этот счет содержалось в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 г., в котором предлагалось судам в таких случаях известить соответствующее опекуное учреждение на предмет назначения опеки для защиты личных и имущественных прав супруга — ответчика и ограждения интересов детей. Соответствующая норма в настоящее время имеется в ГПК союзных республик (п. 5 ст. 145 ГПК Латв. ССР). Правда, указанная норма не содержит категорического требования назначения опеки для охраны прав безвестно отсутствующего или недееспособного супруга. Но такое требование, представляется, должно быть обязательным, так как второй супруг, требующий расторжения брака, разумеется, не может представлять своего супруга и защищать его интересы. Ввиду того, что Основы законодательства о браке и семье (ч. VIII ст. 14) разрешает производить расторжение брака с недееспособным и безвестно отсутствующим в органах ЗАГСа, республиканским семейным законодательством должна быть предусмотрена соответствующая гарантия интересов недееспособного и безвестноотсутствующего супруга.

Волевой момент как обязательный фактор дееспособности необходим не только для возникновения и прекращения семейноправовых отношений, но и для **осуществления уже наличных субъективных прав**, например, имущественных прав, родительских прав.

Поскольку осуществление права собственности (владение и пользование собственностью супругов, распоряжение ею) по существу вытекает из гражданскоправовых отношений, для осуществления этих имущественных прав субъект семейного права должен обладать гражданскоправовой дееспособностью.

Для осуществления таких семейных имущественных прав, как алиментные права, дееспособность всегда необходима,

так как осуществление алиментных прав зависит от волеизъявления, хотя и алиментные обязательства, как известно, установлены семейным законодательством. Однако воля на осуществление алиментных прав не обязательно должна быть изъявлена самим носителем алиментных прав. Наоборот, чаще всего при алиментировании несовершеннолетних детей такая воля, как правило, изъясняется законным представителем управомоченного лица. Таким образом, дееспособность здесь может быть осуществлена не самим субъектом алиментного обязательства, а его представителем. Это относится как к матери несовершеннолетнего ребенка, так и другому лицу (опекуну), равно как и представителю недееспособного нетрудоспособного супруга или бывшего супруга.

Гораздо сложнее обстоит дело с осуществлением родительских прав. Несомненно, родительское право — строго личное право, связанное с личностью родителя. Оно, как правило, осуществляется самим родителем. В литературе высказывалась точка зрения, что поскольку родительские права неразрывно связаны с личностью их носителя, они не могут быть осуществлены через представителя. Однако, безоговорочно согласиться с таким выводом не представляется возможным, так как на практике весьма часты случаи, когда, разумеется, не весь комплекс родительских прав, но отдельные правомочия осуществляются не родителями, обладающими родительскими правами, а другими лицами. Отдельные элементы родительского права, действительно, не передаваемы (отказ от ребенка, согласие на усыновление и др.) и не могут быть осуществлены через представителя. Однако сохранение родительских прав за родителем не препятствует передаче ребенка на воспитание на более или менее длительный срок другим лицам — родственникам или посторонним. Иногда и при сохранении родительских прав детей могут отобрать у родителей, в силу чего родители утрачивают некоторые родительские правомочия. Следовательно, вполне возможно осуществление отдельных элементов родительского права посредством действий других лиц.

Таковы некоторые моменты семейноправовой дееспособности, которые, разумеется, требуют более обстоятельного теоретического исследования.

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ NASCITURUS ПО ГРАЖДАНСКОМУ И СЕМЕЙНОМУ ПРАВУ

Традиционным в советской цивилистической науке является взгляд, согласно которому правоспособность гражданина возникает с момента его рождения.¹

Таким образом, правосубъективностью по гражданскому и семейному праву обладают человеческая личность как таковая; ею может обладать лишь родившееся живым человеческое существо. Советская теория гражданского права исключает возможность признания зародыша субъектом права, даже субъектом особого рода, обладающего специальной правоспособностью.

Но этим не исключается необходимость правовой охраны интересов будущего гражданина как субъекта гражданского и семейного права. Эмбриональное существование человека вовсе не является юридически безразличным фактом, в связи с чем возникает ряд практических и теоретических проблем. Таковыми являются, например, **характер** правовой охраны интересов зачатого, но еще неродившегося ребенка, **предпосылки** и объем этой охраны, ее законодательное урегулирование.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года лишь в одном случае учитывал интересы будущего гражданина, а именно, согласно прим. к ст. 418 ГК наследниками могли быть лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти. Основы гражданского законодательства и новые гражданские кодексы расширили гражданскоправовую охрану зачатого ребенка. Действующее гражданское законодательство охраняет не только наследственные права гражд-

¹ См. например: С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, М., 1950, стр. 50; Советское гражданское право, т. I, М., 1950, стр. 128; О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967, стр. 113; Советское гражданское право, т. I, М., 1965, стр. 81; Н. Г. Юркевич. Правоспособность гражданина СССР по советскому гражданскому праву. Автореферат. Минск, 1955, стр. 17 и др.

дан, зачатых при жизни наследодателя и родившихся после его смерти (ст. 118 Основ, ст. ст. 553, 555 ГК Латв. ССР, ст. ст. 530, 532 ГК РСФСР). Согласно действующему законодательству ребенок умершего, родившийся после смерти потерпевшего имеет право на возмещение вреда (ст. 91 Основ, ст. 479 ГК Латв. ССР, ст. 460 ГК РСФСР).

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ NASCITURUS В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ

Наследственное право было первым, где охранялись права лица зачатого, но еще неродившегося к моменту смерти наследодателя. Поскольку интересы будущего ребенка охранялись нормой, регулирующей наследование по закону (ст. 419 ГК 1922 г.), следовательно правовую охрану получили лишь интересы ребенка зачатого, но не родившегося к моменту смерти **своего отца**, хотя примечание к ст. 418 ГК такого прямого указания не содержало. К тому же, наследниками по закону зачатые, но не родившиеся дети наследодателя могли быть только в случае установления факта отцовства, что согласно Указу от 8 июля 1944 г. разрешалось исключительно в тех случаях, когда мать будущего ребенка состояла в браке с наследодателем — отцом ребенка. Таким образом, упомянутой ст. 418 ГК 1922 г. после 1944 года не охранялись наследственные права зачатого ребенка, мать которого не состояла в браке с наследодателем. Установление отцовства путем признания ребенка в данном случае отпала, поскольку наследодатель — отец будущего ребенка скончался еще до его рождения.

Новое гражданское законодательство существенно расширило правовую охрану интересов зачатого ребенка в области наследственного права. Ст. 118 Основ гражданского законодательства по существу сохранила норму примечания к ст. 418 ГК 1922 г., лишь выразив ее в более четкой редакции, а именно: «к числу наследников первой очереди относится также ребенок умершего, родившийся после его смерти». Указанная норма была воспроизведена гражданскими кодексами союзных республик. До вступления в силу Основ законодательства о браке и семье (т. е. до 1 октября 1968 г.) согласно этой нормы охранялись наследственные права лишь такого зачатого, но еще не родившегося ребенка, мать которого состояла в браке с наследодателем, т. е., когда возможно было

установить отцовство ребенка в предусмотренном семейным законодательством порядке. Основы законодательства о браке и семье (ч. III и IV ст. 16) позволяющие установить отцовство в судебном порядке, значительно расширяет вместе с тем и правовую охрану интересов зачатого ребенка в области наследственного права. В тех случаях, когда в судебном порядке будет установлено отцовство, хотя и после смерти отца ребенка, последний станет наследником по закону.

Расширение правовой охраны интересов зачатого ребенка новым гражданским законодательством относится также к **наследованию по завещанию**. Гражданскими кодексами (ч. II ст. 553 ГК Латв. ССР, ч. II ст. 530 ГК РСФСР) установлено, что наследниками по завещанию могут быть также граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти. Введением этой нормы в ГК в первую очередь имелось в виду охранять интересы детей самого наследодателя на тот случай, когда действовавшим тогда семейным законодательством было ограничено установление отцовства для внебрачных детей. Указанная норма создала возможность охранять наследственные права зачатых детей в том случае, если их мать не состояла в браке с наследодателем. Однако данная норма охраняет наследственные права не только будущих детей самого наследодателя, но и других еще не родившихся к моменту открытия наследства лиц. Так, например, дед может оставить завещание в пользу еще неродившегося внука и т. п. Не имеет значения момент составления завещания — до или после зачатия ребенка — будущего наследника. Важно только, чтобы ребенок был зачат **при жизни** наследодателя. Охрана интересов *nasciturus* в данном институте наследственного права — одна из сфер расширения завещательной свободы новым гражданским законодательством. По смыслу упомянутых норм, которыми охраняются наследственные права зачатого ребенка, наследниками, т. е. субъектами наследственного права могут быть лишь лица, **«родившиеся после смерти наследодателя»**. Следовательно, гражданское законодательство в данном случае последовательно проводит идею, что *nasciturus* не субъект гражданского права, а охраняются лишь интересы **будущих** субъектов права. Об этом уже указывалось в литературе.² В случае,

² О. С. Иоффе. Советское гражданское право, М., 1967, стр. 113; его же: Советское гражданское право, т. III, Л., 1965, стр. 289.

если зачатый ребенок родится мертвым, он вообще не станет субъектом наследственного, как и гражданского права вообще.

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ NASCITURUS В ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

В законодательном порядке права ребенка, зачатого при жизни потерпевшего, но родившегося после его смерти, на возмещение вреда установлены Основами гражданского законодательства (ст. 91). Однако в цивилистической науке и в судебной практике вопрос об охране прав nasciturus возник раньше.³

Хотя до вступления в силу Основ гражданского законодательства судебная практика, как правило, отрицала возможность правовой охраны интересов nasciturus, поскольку ст. 409 ГК РСФСР 1922 г. такой охраны не предусматривала, однако в отдельных случаях судебной практикой учитывалась целесообразность такой охраны. Ссылаясь на п. 5 Постановления Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» суды иногда удовлетворяли иски о возмещении вреда в пользу лиц, зачатых при жизни потерпевшего, но родившихся после его смерти.⁴

В пункте 5-м указанного постановления Пленум Верховного Суда СССР дал весьма расширенное толкование ст. 409 ГК РСФСР 1922 г. Согласно Постановлению Пленума «кроме лиц фактически состоящих на иждивении умершего, право на возмещение вреда... принадлежит лицам, которые хотя и не состояли на иждивении умершего, но в силу закона имели право на получение от умершего средств к существованию».

Согласно такому разъяснению Пленума факт родства уже приобрел самостоятельное значение в качестве основы для возникновения права на возмещение вреда. Речь шла о лицах, имевших право находиться на иждивении потерпевшего, но фактически не осуществивших этого права. Такими

³ Н. С. Малеин. Ответственность за причинение смерти кормильцу, М., 1960, стр. 42—47; Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева. Материальная ответственность за повреждение здоровья, М., 1953, стр. 87; П. Седугин. Возмещение вреда по ст. 409 ГК РСФСР, «Сов. юстиция», 1957 г., № 4, стр. 24.

⁴ «Соц. законность», 1957 г., № 7, стр. 26.

лицами в отдельных случаях суды считали и зачатого ребенка, который родился после смерти отца. Такое толкование закона было целесообразным и справедливым, поскольку поставило в одинаковое положение детей, родившихся как до, так и после смерти кормильца. Но оно непосредственно не вытекало из закона.

Впервые в нормативном порядке охрана интересов nasciturus была установлена Основами гражданского законодательства (ст. ст. 91 и 92). Эти нормы без изменений были воспроизведены всеми гражданскими кодексами союзных республик (ст. 479 ГК Латв. ССРС, ст. 460 ГК РСФСР). Охрана прав nasciturus в данном институте имеет известное сходство с охраной его наследственных прав. Она имеет место лишь, когда возможно установление отцовства согласно семейному законодательству. Таким образом, интересы nasciturus не охраняются, если отцовство не будет установлено. Как в наследственном праве, так и здесь субъектом, обладающим правом на возмещение вреда, является лишь ребенок умершего, **родившийся** после его смерти, а не сам nasciturus.

Кроме охраны интересов nasciturus в области наследственного права и деликтных обязательств, которая непосредственно предусмотрена в действующем законодательстве, целесообразна и возможна также охрана других его прав, например, жилищных прав, в частности, прав пользования жилым помещением, если ребенок был зачат при жизни своего отца — нанимателя жилого помещения, а родился после его смерти. Охрана этих прав не менее важна чем охрана вышеупомянутых прав.

Представляется, что не противоречит действующему законодательству также заключение договора дарения в пользу зачатого, но еще не родившегося ребенка.

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ NASCITURUS В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

В области семейного права охрана интересов nasciturus возникает главным образом в связи с установлением отцовства, если ребенок родился **после смерти** отца. По ранее действовавшему законодательству, т. е. до вступления в силу Основ законодательства о браке и семье, такая охрана была возможна лишь, когда мать ребенка состояла в браке с его отцом.

Согласно п. 40 Инструкции о порядке регистрации актов

гражданского состояния, утв. Советом Министров Латв. ССР от 31. V. 1956 г. в актовую запись и в свидетельство о рождении умерший муж может быть записан при условии, если со дня смерти мужа до рождения ребенка прошло не более 10 месяцев. В противном случае он может быть записан отцом ребенка лишь на основании заключения медицинской комиссии. Представляется, что таким же образом должен быть решен вопрос об установлении отцовства, если брак родителей был признан недействительным до рождения ребенка. В этом случае охраняются права зачатого в данном недействительном браке, но родившегося после признания брака недействительным ребенка на установление отцовства. Такую точку зрения выражали руководящие судебные органы. В определении по делу № 03—2290—56, по иску Шимес Л. И. и Ашихину Д. М. Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР указала: «то обстоятельство, что ребенок родился через 24 дня после вынесения решения о признании недействительной записи о регистрации брака, не может служить основанием к признанию недействительной записи Ашихина отцом ребенка».⁵ Такая совершенно правильная точка зрения поддерживается также в правовой науке.⁶

Сложнее решить вопрос об охране интересов зачатого ребенка тогда, когда брак расторгается до рождения ребенка. Может показаться, что формальный подход, как это имеет место в случае смерти мужа матери, здесь был бы не совсем целесообразным, поскольку причиной расторжения брака могло быть именно то обстоятельство, что мать ребенка сожительствовала с другим лицом, от которого произошло зачатие ребенка. В законодательстве данный случай установления отцовства непосредственно не урегулирован. В литературе на нем остановилась Н. В. Рабинович.⁷ В судебной практике при рассмотрении дел о расторжении брака суды иногда выясняли, не находится ли жена в состоянии беременности, о чем указывалось в решении суда о расторжении брака. На основании этого производилась запись об отцовстве при регистрации рождения ребенка. Может быть все же разрешить указать в качестве отца разведенного мужа матери, если мать ребенка не вступила в новый брак до рождения ребенка.

⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957, № 3, стр. 14—16.

⁶ См. например, В. А. Рясенцев. Семейное право, М., 1967, стр. 134.

⁷ Н. В. Рабинович. Спорные вопросы советского социалистического семейного права. «Ученые записки «ВЮЗИ», М., 1948, стр. 68—70.

В известной мере уже Основы законодательства о браке и семье (ч. V ст. 14) в целях охраны интересов будущего ребенка весьма своеобразно подходят к этой проблеме, установив, что муж не может без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка. Хотя указанная норма Основ императивна, ее применение на практике, возможно, со временем, потребует несколько иного толкования, так как с моральной точки зрения было бы не совсем справедливо ограничить мужу право на развод, если зачатый ребенок не происходит от него.

Основы законодательства о браке и семье значительно расширяют охрану интересов *pasciturus* и в том отношении, что не ограничивают ее только случаями брачного происхождения ребенка, а разрешают принудительное (судебное) установление отцовства внебрачного ребенка, что должно иметь место и тогда, если отец внебрачного ребенка умер до рождения последнего.

Таковы основные моменты охраны интересов *pasciturus* в советском гражданском и семейном праве.

*

Как эта проблема решается в иностранном законодательстве и в правовой теории?

В своем историческом развитии системы гражданского права (законодательство и доктрина) по разному решали данный вопрос. Уже в Законах XII таблиц была заложена фикция, согласно которой будущий ребенок рассматривается как способный наследовать с момента зачатия. Иными словами, он правоспособен, если, конечно, родился живым. По мнению римских юристов зачатый, но еще не родившийся ребенок признавался субъектом прав во всех случаях, когда это соответствовало его интересам. Известная формула гласила: *Infans conceptus pro nato habetur, quoties de commodis ejus agitur* (зачатый ребенок рассматривается как родившийся, поскольку дело идет о его выгодах). В литературе положение *pasciturus* получило такое толкование, будто речь идет об условной правоспособности зачатого ребенка.⁸

Правовая охрана интересов зачатого ребенка, более или менее ярко выраженная в различных системах буржуазного гражданского права, давала повод некоторым цивилистам рассматривать зачатого ребенка еще до рождения уже в ка-

⁸ См., например, В. В. Ефимов. Догма римского права, СПб 1901, с. 47—48.

честве субъекта права, обладающего правоспособностью. Однако в буржуазной цивилистике господствующим все же стало мнение, согласно которому *nasciturus* не обладает правоспособностью, а правосубъектность человека в принципе начинается с его рождением. Правосубъектность эмбриона отвергалась также в дореволюционной русской юриспруденции.⁹

Однако проблема правоспособности *nasciturus* в современном законодательстве зарубежных стран и в правовой науке актуальна.

Французский гражданский кодекс, например, устанавливает, что ребенок может приобретать права с момента зачатия, при условии, что он родится живым. Французский гражданский кодекс применяет это положение в нормах о наследовании и дарении (ст. ст. 725 и 906), а также в ст. 312, которая регулирует установление отцовства ребенка, зачатого во время брака. Согласно закону зачатый ребенок обладает правоспособностью, хотя и «дарение или завещание получают свое действие лишь поскольку ребенок будет рожден жизнеспособным», как указывается в ст. 906 ФГК. Судебная практика допускает признание отцом внебрачного ребенка еще до его рождения.¹⁰

Германский гражданский кодекс в § 1922, регулирующий наследственную способность, также придерживается фикции, что зачатый ребенок рассматривается как уже родившийся. «Тот, кто еще не родился, но был зачат во время открытия наследства, считается рожденным до открытия этого наследства». § 1912 ГК предусматривает назначение попечителя зачатому, но неродившемуся ребенку, поскольку это необходимо для охраны его будущих прав.

Современное **Швейцарское гражданское право** пронизано идеей неограниченной правоспособности зачатого, но еще неродившегося ребенка.¹¹

По Швейцарскому ГК с момента зачатия ребенка возникает не только способность неограниченно приобретать права и обязанности, но и полная гражданско-правовая охрана личности.

⁹ Ю. С. Гамбаров. Курс гражданского права, т. I, СПб, 1911, стр. 469—470; Г. Ф. Шершеневич. Учебник русского гражданского права, М., 1914, стр. 92.

¹⁰ Л. Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции, т. I, М., 1958, стр. 222.

¹¹ *Ferdinand Karl Neuer*. Der Mensch zwischen Zeugung und Geburt als Rechtssubjekt. Köln, 1961, S. 19.

В буржуазной юриспруденции в настоящее время существует множество различных правовых концепций, разъясняющих правовое положение зачатого ребенка, противоположность и разнообразие которых вызвана наличием различных законодательных установлений. Даже в новейшей литературе встречаются концепции, непосредственно вытекающие из теории естественного права. С такой естественноправовой концепцией в литературе ФРГ выступает, например, Э. Вольф. Он рассматривает эмбриона в качестве человеческого существа, который имеет самостоятельную жизнь, следовательно, является уже человеком. По его мнению нет существенной разницы между зачатым ребенком и новорожденным.¹² Из этого делается вывод, будто эмбрион уже является человеком, причем человеком в правовом смысле, и обладает правосубъектностью.

Подобная концепция, разумеется, во многом прямо противоречит даже законодательству ФРГ, поэтому она не разделяется большинством цивилистов в германской литературе. То обстоятельство, что даже с точки зрения буржуазного гражданского права человек является субъектом права как член общества, который должен иметь самостоятельное существование, независимое от тела матери, вынуждает искать другие пути для объяснения правовой охраны зачатого ребенка.

Как правило, концепции буржуазного права, при помощи которых объясняется характер правового положения *nasciturus*, подразделяются на две группы. Одни авторы пытаются характеризовать права зачатого ребенка как предварительные, как условные. Другие в качестве предварительной, условной считают правоспособность.¹³ К выводу об ограниченной правоспособности и правосубъектности зачатого ребенка в литературе ФРГ, в частности, пришел Ф. Нойер.¹⁴ По мнению К. Дейнета зачатый ребенок как существо есть нечто среднее между существующим и возможным лицом.¹⁵

Как законодательство, так и юриспруденция буржуазных

¹² *Wolf, Ernst, Hans Naujoks. Anfang und Ende der Rechtsfähigkeit des Menschen. Frankfurt a. M., 1955, S. 131—141.*

¹³ *Karl August Deynet. Die Rechtsstellung des nasciturus und der nicht erzeugten Person im deutschen, französischen, englischen und scottischen bürgerlichen Recht. Frankfurt a. M., Berlin, 1960, S. 180.*

¹⁴ *Ferdinand Karl Neuer. Der Mensch zwischen... S. 29, 30, 40.*

¹⁵ *Karl August Deynet. Die Rechtsstellung... S. 182.*

стран, устанавливая и объясняя правовую охрану интересов зачатого ребенка исходит, разумеется, из своих классовых позиций, поэтому подобного рода концепции, выдвинутые буржуазными юристами, для нас не приемлемы.

В законодательстве некоторых зарубежных социалистических стран правовая охрана интересов *nasciturus* имеет отличия от таковой в советском законодательстве. Так, согласно § 9 ГК ВНР «человек, если он родился живым, **является правоспособным с момента зачатия**». Такая формулировка в законодательстве Венгрии, возможно, сохранилась в силу традиции, так как на территории Венгрии в свое время было распространено действие Австрийского гражданского кодекса 1811 г., который в § 22 явно проводил принцип правоспособности зачатого ребенка, и который содержал даже презумпцию, согласно которой ребенок рассматривается как родившийся живым при наличии сомнений.

С точки зрения правовой науки правоспособность зародыша отличается от правоспособности человека, находящегося в живых, в основном тем, что если правоспособность человека, находящегося в живых, является безусловной, то **правоспособность зародыша условна**, она зависит от условия, что он родится живым. Он приобретает права и обязанности с обратным действием, т. е. с момента зачатия он считается человеком, который якобы находился в живых в момент возникновения соответствующих прав и обязанностей.¹⁶

ГК ЧССР (1964 г.) подчеркивает, что «правоспособность гражданина возникает в момент рождения» (§ 7 п. 1). Однако тут же указывается, что «правоспособностью обладает и зачатый ребенок, если он родится живым». Как видно, ГК ЧССР менее последователен, чем ГК ВНР.

Нельзя не отметить ту особенность гражданского законодательства Венгрии и Чехословакии, что оно правовую охрану *nasciturus* регламентирует не применительно к конкретным правовым институтам (наследованию, дарению, причинению вреда и т. д.), а в общей части ГК. Это известное преимущество законодательства указанных стран, поскольку таким образом создается возможность охранять интересы зачатого ребенка в любом институте гражданского права, где подобная охрана практически возможна и целесообразна.

Позиция венгерского и чехословацкого права в отличие от

¹⁶ Dr. Világhy Miklós. Dr. Eörsi Gyula. Magyar polgári jog. I kötet. Tankönyvkiadó, Budapest 1965.

советского выражается в следующем: во-первых, в том, что в законодательстве ВНР и ЧССР в принципе признается правоспособным зачатый ребенок до рождения, правда, под условием, что он родится живым. Во-вторых, эта правоспособность является общей правоспособностью, она относится к любому институту гражданского права. Советское законодательство регламентирует охрану интересов nasciturus лишь применительно к отдельным институтам гражданского права.

Иную позицию занимает новый гражданский кодекс ПНР, который предусматривает только охрану наследственных прав зачатого ребенка. Согласно ст. 997 ГК ПНР (1964 г.) «ребенок, который на момент открытия наследства был уже зачат, может быть наследником, если он родится живым».

Кроме того, законодательство зарубежных социалистических стран регулирует назначение попечителя для охраны интересов зачатого ребенка. Такое правило содержится, например, в ст. 182 Семейного и опекунского кодекса ПНР (1964), в § 10 ГК ВНР, а также в § 104 Семейного кодекса ГДР (1965 г.). Особенно венгерское законодательство подчеркивает необходимость назначения попечителя, когда «интересы ребенка и его законного представителя противоположны».

Характеристика правового статуса nasciturus, как представляется, должна вытекать из того предположения, что правосубъектность, гражданина в области гражданского права и, следовательно, его гражданско-правовая правоспособность возникает лишь с момента рождения, с момента его появления как самостоятельного существа, как вполне самостоятельного члена общества. Правоспособность и правосубъектность — категории общественные.

Все те конкретные гражданские субъективные права, обладателем которых в силу гражданской правоспособности может стать человек как субъект гражданского права, у него могут возникать с момента рождения, но не раньше.

Но зачатый, еще не родившийся ребенок тем не менее является особым субъектом гражданско- и семейноправовой охраны, которая продолжается до его рождения. И в том случае, если ребенок родится мертвым (он никогда не станет субъектом права и правоспособным) период с его зачатия до рождения не может остаться безразличным с точки зрения права. В данный период времени зачатый ребенок получает правовую охрану. Но это — специальная гражданско-правовая охрана, которой пользуется **будущий** субъект права.

ЗАЩИТА ХОЗРАСЧЕТНЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ В ПРЕДДОГОВОРНОЙ СТАДИИ

Требование экономической реформы о повышении роли хозяйственного расчета вносит новые черты в договорные отношения между предприятиями. Повышается заинтересованность предприятий в выборе экономически наиболее выгодных вариантов выполнения плановых заданий. Эта заинтересованность во многом определяет действия предприятий при заключении и исполнении хозяйственного договора.

Хозрасчетные интересы предприятий, вступающих в договорные отношения, в основном совпадают. Правовые нормы в соответствии с действием объективного закона планового и пропорционального развития народного хозяйства стимулируют такую хозяйственную деятельность производственных предприятий, в какой заинтересовано как советское государство в целом, так и само предприятие. Роль экономических стимулов значительно повышается в ходе осуществления хозяйственной реформы. Изменение порядка оценки результатов деятельности предприятий повысило их заинтересованность производить лишь такие товары, которые имеют сбыт, заботиться о расширении их ассортимента и улучшении качества. Сокращение количества плановых показателей, устанавливаемых вышестоящим органом, расширило права и возможности предприятий в изыскании наиболее эффективных путей осуществления хозяйственной деятельности, развязывает инициативу предприятий по раскрытию резервов улучшения производства. Проведена большая работа по пересмотру оптовых цен.

Однако, несмотря на общность интересов предприятий в основном, при решении отдельных хозяйственных вопросов не исключены различия интересов. Например, транспортные организации заинтересованы в перевозках товаров полными контейнерами или вагонами, но в некоторых случаях возни-

кает необходимость в отправке и меньших партий. Промышленные предприятия заинтересованы в выпуске крупных серий товаров без перестройки агрегатов, но торговые организации требуют чаще менять ассортимент таких товаров как обувь, одежда, верхний трикотаж.

Поэтому необходимо четко определить критерии, которыми следует руководствоваться при разрешении разногласий, вызванных отличающимися интересами сторон по договору.

В данной статье рассмотрены некоторые вопросы защиты хозрасчетных интересов участников договора поставки товаров народного потребления.

Работа предприятий по выяснению и согласованию интересов начинается еще до заключения договора поставки — подачей и согласованием заказов.

Как известно, заказы бывают двух видов. Одни подаются торговыми предприятиями в вышестоящую хозяйственную организацию и служат источником сведений для планирования производства и поставки товаров, другие подаются непосредственно в промышленные предприятия и направлены на заключение соответствующего договора в будущем.

Как те, так и другие ориентируют промышленность на производство необходимых населению товаров, побуждают производственные предприятия заботиться об обеспечении их исполнения. Рассматривая разногласия по заказам, министерства и плановые органы имеют возможность еще до утверждения планов решить вопросы, от которых зависит выпуск нужных торговым организациям (предполагается и населению) товаров.

Смысл подачи заказа состоит прежде всего в том, что промышленное предприятие своевременно ставится в известность о потребностях торговли и этим обеспечивается возможность изыскания материалов и средств и подготовки оборудования для их удовлетворения. Однако практика показывает, что заказы торговли часто остаются всего лишь добрыми пожеланиями и ожидаемого результата не дают. В одних случаях заказы не удовлетворяются из-за отсутствия технических возможностей промышленности, и правовыми средствами это устранить невозможно. В других же случаях причиной неисполнения заказа является нежелание, незаинтересованность промышленного предприятия перестраивать производство или незаинтересованность в выпуске определенных товаров, не выгодных для предприятия. В таких случаях помимо норм,

определяющих экономические стимулы, известную положительную роль могут играть и лучше разработанные правовые нормы, относящиеся к принятию и исполнению заказа.

Правовая сила заказа в законодательстве определена недостаточно четко. Единого мнения нет и в юридической литературе. Было высказано мнение, что заказ является лишь одной из форм предварительного определения плановой потребности в материальных ресурсах на предстоящий плановый период, метод сбора информационных материалов и источник сведений для сверстывания производственных планов и загрузки производства.¹

С таким мнением в настоящее время согласиться нельзя. Из анализа законодательства можно сделать вывод, что заказ является не только источником информации, но порождает обязанность принять меры для выполнения заказа. В нормативном порядке установлено, что ассортимент в договоре поставки определяется на основе заказов покупателей, что торговые организации обязаны принять изготовленные по заказам товары.² О том, что заказ порождает обязанности, свидетельствует и то, что установлен порядок согласования заказов и рассмотрения разногласий.³ Не было бы надобности спорить о содержании одних лишь добрых пожеланий.

Учитывая это, следует согласиться с мнением, что заказ является офертой, направленной на заключение договора.⁴ Такой оценке заказа не противоречит ни то, что заказ одновременно служит и инструментом планирования, ни то, что действие заказа-оферты при заключении договора может быть ограничено плановым актом, ни то, что до сих пор нет санкций за игнорирование заказа. Заказ не только связывает оферента, но и обязывает промышленное предприятие при наличии определенных предпосылок заказ выполнить.

Арбитражная практика исходит из правила, что торгующие организации при заключении договора вправе требовать

¹ В. С. Шелестов. Юридическая природа предварительных заказов. Советское государство и право, 1966, № 8, стр. 53.

² Пункты 19—20 Положения о поставках товаров народного потребления.

³ Положение о порядке и сроках представления промышленности торговыми предприятиями и организациями заказов на товары народного потребления. Утв. Госкомитетом по торговле при Совете Министров СССР 9. V. 1964 г.

⁴ И. Б. Новицкий. Ассортимент товаров народного потребления. Сб. Вопросы советского гражданского права в практике суда и арбитража. Изд. Мос. Унив. 1960, стр. 298.

количество и ассортимент товаров согласно заказу.⁵ От обязанности исполнить принятый заказ предприятие не может быть освобождено даже вышестоящим органом (за исключением некоторых случаев, которые подробнее рассматриваются ниже).

Например, завод «Страуме» принял заказ на поставку в 1966 году базе «Латхозторг» 4 тыс. ламп керосиновых, 14-линейных. В декабре 1965 года завод представил в Управление пожарной охраны МООП ЛССР образец лампы. Было установлено, что лампа не соответствует техническим условиям (ТУ-1189-64) — является пожароопасной. Вышестоящий орган, вместо того, чтобы обязать завод улучшить качество ламп и изготовлять их в соответствии с ТУ, письмом от 31 декабря 1965 года снял их с производства. Покупатель «Латхозторг» обратился в арбитраж с иском о принуждении заключить договор. Арбитраж иск отклонил, исходя из того, что номенклатуру изделий определяет вышестоящий орган, а не арбитраж. В связи с жалобой главному арбитру было запрошено заключение Госплана ЛССР. Госплан дал заключение, что действия завода «Страуме» и его вышестоящего органа противоречат существующему законодательству. При повторном рассмотрении дела арбитраж подтвердил обязанность завода «Страуме» заключить договор на поставку заказанных ламп. (Дело № 633 — 1966 г.). Для предотвращения разногласий при толковании правовых норм относительно силы заказа, нужно в нормативном порядке закрепить, что промышленное предприятие обязано принять все необходимые меры для выполнения заказа и что оно от этой обязанности освобождается только в исключительных случаях. Эти исключения также следует определить в нормативном порядке. Таким исключением нужно считать противоречие заказа тем плановым показателям, которые устанавливаются вышестоящим органом. Основанием, дающим право не исполнять заказ, является также отсутствие производственных возможностей. В Положении о поставках товаров (п. 19) такой критерий указан в отношении выпуска новых видов изделий — при наличии производственных возможностей для выпуска новых видов товаров предприятие-поставщик не вправе отказаться от изготовления и поставки этих товаров. Отсутствие производственных возможностей прояв-

⁵ И. А. Бродский. Правовая природа предварительных заказов торговых организаций промышленным предприятиям. Советское государство и право. 1964, № 5, стр. 57.

ляется не только в отсутствии сырья или оборудования, но и в том, что мощность предприятия не позволяет выпускать заказанное количество уже освоенных товаров.

Наличие или отсутствие производственных возможностей трудно поддается контролю со стороны покупателя и арбитража. Содержание самого понятия «производственные возможности» очень неопределенно. Ясно, что выпуск новых изделий или расширение производства всегда требуют подготовки, и только в редких случаях предприятие уже готово выполнить такие требования. Однако то, что при подаче заказа является препятствием его исполнения, до заключения договора во многих случаях может быть устранено, т. е. могут быть изысканы материалы, установлено или переустроено оборудование, разработана технология и т. п. Поэтому важно обеспечить, чтобы уже в стадии согласования заказов выявилось несогласие поставщика с заказом и мотивы этого несогласия. На практике поставщики на заказы часто не отвечают, и их несогласие с каким-то пунктом заказа выявляется лишь при заключении договора. Этим затягивается удовлетворение обоснованных и вполне исполнимых требований торговли. Для борьбы с таким явлением необходимо установить санкции за несоблюдение обязанности ответить на заказ (или установить, что молчание означает принятие заказа), а также установить, что предприятие освобождается от обязанности заключить договор на заказанные товары лишь в том случае, если докажет, что им были приняты необходимые меры для исполнения заказа, но они остались без результата.

Отказ промышленного предприятия выполнить требования торговли в некоторых случаях вызвано тем, что производство одних товаров ему менее выгодно, чем других. Особенно ярко это чувствуется на тех предприятиях, которые товары народного потребления выпускают не как основную продукцию, а как побочную, занимающую небольшой удельный вес в производственной программе (так называемый ширпотреб).

Например, на Ленинградском заводе «Электрик» плановые задания устанавливаются лишь по двум видам продукции — электросварочным аппаратам и ширпотребу. Рентабельность ширпотреба значительно ниже рентабельности основной продукции. Поэтому, хотя в новых условиях выгодно взять напряженный план, предприятие не заинтересовано увеличить производство электроплиток, так как каждая но-

вая плитка уменьшает общую рентабельность предприятия.⁶ В легкой промышленности также имеются так называемые «невыгодные товары». Например, в печати отмечалось, что у предприятий нет экономических стимулов выпускать швейные изделия детского ассортимента.⁷

Поэтому в некоторых случаях, несмотря на большой спрос на определенные товары, предприятия от их производства стараются избавиться, и это чувствуется при заключении договоров.

Практика идет по пути, что если народному хозяйству или населению необходимы товары, то при установлении плана такая выгодность или невыгодность во внимание не принимается, т. е. вопрос по существу решается в административном порядке, невзирая на экономическую сторону.

Например, в начале 1967 года Госарбитраж при Совете Министров ЛССР рассмотрел спор между швейной фирмой «Латвия» и Рижским универмагом «Детский мир». Универмаг просил увеличить поставку школьных костюмов в 1—3 кварталах, уменьшая их поставку в 4-м квартале. Фирма отказалась выполнить это требование, ссылаясь на загруженность производственных агрегатов и на невозможность перераспределить отпуска рабочим. При этом фирма указала, что перестройка агрегатов, на которых производятся плащи, для производства школьных костюмов, означает убытки. На заседании арбитража было установлено, что соответствующий спор был рассмотрен совместно Министерством легкой промышленности и Министерством торговли республики в связи с разногласиями по заказу еще в июле 1966 г. В протокол было записано решение: «До 1-го августа поставлять 90% общего количества школьных форм». Учитывая это, арбитраж утвердил спецификацию к договору в редакции покупателя. Жалоба главному арбитру была оставлена без удовлетворения. (Дело 767 — 1967 г.).

В отношении тех условий договора, которые определяются самими сторонами, хозяйственные интересы учитываются больше. Наглядно это проявляется при определении ассортимента. При заключении договоров на поставку товаров народного потребления нередко встречаются противоположные интересы, вытекающие из стремления торговли получить как можно большее разнообразие товаров.

⁶ И. Корненко. Нужен ли заводу ширпотреб? Известия, 1967, № 2, стр. 3.

⁷ Экономическая газета, 1967, № 7, стр. 18.

Экономисты подсчитали, что производство одежды является рентабельным лишь при соблюдении минимальных серий. Например, рассчитано, что издержки на подготовку и производство единицы определенного швейного изделия составляют при выпуске 2000 шт. — 84 коп., 500 шт. — 3,36 руб., 50 шт. — 33,36 руб.

Чтобы оградить свои интересы, швейные предприятия ус-танавливают минимальную величину заказов. Так, Ленинградское объединение «Большевичка» установило минимальную величину заказа — 20 изделий одного фасона и размера. Швейное объединение «Маяк» — 16 штук на каждый размер и рост одной модели, что соответствует 300—500 штук одной модели.

В Латвийской ССР этот вопрос был решен Приказом Министерства легкой промышленности от 31. VIII. 1966 г. № 369, которым утверждены следующие минимальные тиражи выпуска швейными фабриками изделий:

пальто (муж., жен.)	— 1200
костюмы мужские	— 1500
пальто детские	— 1500
плащи	— 5000
пальто и костюмы детские	— 2000
сорочки муж. и детские (шелк, х/б)	— 6000

Сравнивая формы решения этого вопроса, следует придти к выводу, что более правильно устанавливать не минимальный размер заказа, а минимальный размер выпускаемой серии (тираж), которая может соответствовать нескольким заказам. Предоставление самому предприятию права определить этот размер может привести к необоснованному завышению и разнобою в рентабельности среди предприятий. Поэтому правильное решение этого вопроса предоставить министерству отрасли промышленности или этому министерству совместно с министерством торговли.

Учитывая специфику заказа торговой организации, нельзя считать удачным само название указанного документа. Термин «заказ» употребляется и в отношениях по подряду. В отношениях по поставке заказ торговой организации служит для выявления потребностей торговли, для планирования производства и формирования договора и этим существенно отличается от заказа в договоре подряда. Употребляемые в прошлом термины — «заявка», «заказ-заявка», «предварительный заказ» исключали такое положение, когда два разных правовых института обозначаются одинаково. Разное

значение вкладывается в производном от слова «заказ» термине «заказчик». В договоре подряда заказчик — это сторона по договору. В отношениях по поставке заказчик — только предполагаемая сторона по договору, которая может стать покупателем (получателем) в договоре с тем промышленным предприятием, которому непосредственно был подан заказ. В тех случаях, когда заказ подается в вышестоящую торговую организацию для формирования сводного заказа, последняя вовсе не может стать поставщиком для торгового предприятия, подавшего заказ.

Представляется, что в отношениях по поставке вполне можно употреблять термин «заявка». Такое название само по себе не может уменьшить правовое значение соответствующего документа, правового института, но устранил непоследовательность в терминологии.

* *
*

Одной из норм, служащих улучшению обеспечения населения нужными товарами и тем самым отвечающим интересам торговых организаций, является норма, дающая право отказаться от незаказанных, ненужных товаров. Эта норма не дает возможность промышленным предприятиям навязывать такие товары, производство которых выгодно для промышленности, но спрос на которые ограничен. Трудности реализации таких товаров ставили бы под угрозу выполнение плана товарооборота торговых организаций.

Тем не менее право отказа используется не всегда последовательно, и этому есть свои причины. В случае отказа от одних товаров, торговые организации не могут быть уверены, что получат другие — лучшие, т. е. перед ними стоит угроза уменьшения фонда, в чем они не заинтересованы. Поэтому они редко осмеливаются категорически отказываться от товаров, которые просили заменить другими. Например, два года подряд Рижская оптовая база по торговле хозяйственными товарами требовала, чтобы завод «Аэрозоль» поставлял замазку оконную в расфасованном виде и микроудобрения для цветов в упаковке по 25 грамм. Но так как завод эти требования не выполнял, база вынуждена была заключить договоры на то, что завод предлагает (на замазку, которая, будучи нерасфасованной, быстро высыхает, и на удобрения в упаковке по 1 кг, которые у цветоводов-любителей не пользуются спросом).

Думается, что выход из такого положения нужно искать в постепенном отказе от перераспределения товаров в случае отказа покупателей, которым были выделены товары. Это побудило бы производственные предприятия больше заботиться о выполнении заказов, а не придерживаться лозунга: «Не хотят — пусть не берут, мы покупателей найдем!», оставляя при этом свою зону обслуживания без товаров.

Специфическим основанием отказа от товаров является изменение спроса населения. Это основание применяется как при заключении договора, так и при согласовании квартальных и других промежуточных спецификаций. В интересах удовлетворения спроса населения, конечно, нужно признать право торгующей организации в определенных случаях отказать от заказанных товаров. Однако безоговорочное применение этого права нельзя допустить.

Подачу заказа от заключения договора отделяет значительный период времени. Еще длинее промежуток между подачей заказа и исполнением договора. За это время спрос населения может измениться. Однако спрос может быть неправильно предопределен уже при подаче заказа. Обязано ли промышленное предприятие за свой счет всегда переустраивать производство в соответствии со спросом? Следовательно, необходимо определить, насколько торговая организация при подаче заказа должна была предвидеть, каким будет спрос в начале года, на который заключается договор, а также, каким он будет в каждом квартале. Положение о поставках товаров (п. 19) дает право приводить в соответствие со спросом развернутый ассортимент в обусловленные договором сроки. Из этого следует вывод, что покупатель без дополнительных затрат вправе требовать изменения только позиций развернутого ассортимента, а не группового ассортимента или номенклатуры. Это не означает, что невозможна коррекция договора поставки и в других случаях — при неправильном определении группового ассортимента или номенклатуры. Но такие изменения в юридической литературе справедливо связываются с вопросом о возможности изменения производства, использования подготовленных материалов, задела и о возмещении издержек, связанных с изменениями производства. Если вследствие отказа покупателя от заказанных товаров работа по подготовке их производства окажется зря проделанной и предприятию придется нести убытки

в связи с перестройкой производства, то эти убытки должна нести торговая организация.⁸

Такого правила в нормативных актах нет, но в интересах защиты хозрасчетных интересов производственных предприятий и в целях повышения роли заказа, это необходимо закрепить, как в отношении тех случаев, когда покупатель необоснованно отказывается от сделанного им заказа, так и в отношении тех случаев, когда покупатель неправильно определил спрос.

* *
*

Различные хозрасчетные интересы предприятий встречаются иногда и при определении качества поставляемой продукции. Высокое качество поставляемых товаров является естественным и справедливым требованием покупателей. Однако не всегда технически возможен выпуск товаров высшего качества.

Законодательство не допускает поставку товаров, качество которых ниже предусмотренного государственным стандартом, техническими условиями или другими установленными в определенном порядке критериями. В это же время сами ГОСТы и технические условия допускают выпуск товаров не только первого сорта, но и более низких сортов.

Поставка предприятию, производящему товары народного потребления, материалов (например: ткани, кожи) низких сортов создает трудности в выпуске высококачественных товаров, допускает возможность брака.

Поэтому, естественно, покупатели отказываются от продукции низких сортов. В арбитражной практике такие отказы обычно проявляются как споры о сортности поставляемой продукции. Суть их состоит в том, что поставщики предлагают поставлять продукцию не только первого сорта, но и второго, третьего и даже четвертого сорта, указывая, что невозможен выпуск только первого сорта; покупатели же требуют включить в договоры только необходимую им продукцию первого и второго сорта.

Обязаны ли швейные фабрики принимать третий сорт, зная, что от этого понизится качество швейных товаров, вложенный при пошиве труд не окупится ценой низкокачествен-

⁸ Н. А. Яхнина. К вопросу о правовой природе заказов на товары народного потребления. Сб.: Актуальные вопросы советского гражданского права, вып. 36, изд. Юр. Лит., 1964, стр. 138.

ных товаров, или же в этих случаях действует право отказа?

Следовательно, надо определить, признать ли право отказа и тем самым поставить в затруднительное положение предприятие, не подготовленное к выпуску только высококачественной продукции, или же признать возможность навязывания продукции низших сортов, подвергая убыткам и другим неприятностям покупателя.

Аналогичная проблема возникает и в отношении ассортимента. Например, в Латвийской ССР особенно актуальна эта проблема в отношении поставки рыбы. Улов состоит из крупной и мелкой рыбы разных пород. Некоторые из них не пользуются спросом, поэтому от них отказываются как фабрики переработки, так и торговые организации.

Практика стоит на защите предприятия-поставщика. Например, заместителем министра легкой промышленности СССР П. Максимовым дано разъяснение в отношении тканей: «Не вся текстильная продукция может выходить перво-сортной, поэтому текстильщикам разрешается поставлять на швейные фабрики 10—15 процентов второго-третьего сорта.⁹

Рассматривая споры по ассортименту поставляемой рыбы, арбитраж идет средним путем — частично удовлетворяет иски о понуждении заключить договор, частично подтверждает отказы.

Видимо, это определяется соображениями, что с государственной точки зрения неправильно было бы уничтожать рыбу или ткани, но с другой стороны неправильно навязывать ненужную продукцию другому предприятию — т. е. заставлять его выпускать одежду пониженного качества или подвергать угрозе убытков при закупке «неидущей», при том скоропортящейся продукции, например, рыбы.

В положениях о поставках нет никакой оговорки в отношении продукции, которая выходит как дополнительный продукт к основному, и было бы неправильно вносить оговорку о таком исключении. Упомянутое разъяснение зам. министра легкой промышленности СССР нельзя считать обязательным для торговых организаций. Видимо, решающей в таких случаях должна быть политика цен. Удобность реализации неидущих товаров как дополнительных к основной продукции не побуждает производственные предприятия к эффективным мерам по улучшению общего уровня качества. Соблю-

⁹ См. Экономическая газета, 1966, № 35, стр. 34.

дая принцип о праве отказа, договор будет способствовать более быстрому выявлению той продукции, которая не пользуется спросом, и решению вопроса о соответствующем изменении цен, делающим продукцию выгодной для покупателей. Некоторые ограничения права отказа можно допустить при поставках такой продукции, которая добывается при использовании природных богатств.

* * *

Закон предоставляет право сторонам включить в договор поставки условия о поставке товаров повышенного по сравнению с ГОСТом или техническими условиями качества. Этому способствуют и экономические стимулы. Положение о производственном предприятии (ч. II, п. 58), предусматривает, что связанные с выпуском таких товаров дополнительные затраты возмещаются предприятию в установленном порядке с учетом экономической эффективности продукции повышенного качества.

Следовательно, если в договор включаются повышенные требования к качеству, нужно рассмотреть и вопрос о необходимости соответствующей надбавки к цене. Надбавка к цене продукции, качество которой выше требований ГОСТа или ТУ, может быть предусмотрена в прейскуранте, может быть определена соглашением сторон или решением арбитража.¹⁰ Порядок установления этой надбавки необходимо определить в нормативном порядке. Практика показывает, что требования о повышенном качестве продукции не всегда принимаются поставщиком добровольно. Ведь, любое улучшение качества требует определенного усилия, а иногда и крупного переустройства технологического процесса, установки нового оборудования, утверждения технической документации, цены и т. д. В некоторых случаях требования о повышении качества по существу означают требования выпуска товаров нового образца, типа.

Экономические стимулы не всегда обеспечивают удовлетворение выполнимых требований торговли.

При наличии производственных возможностей, арбитраж понуждает промышленные предприятия эти требования выполнить, но при решении дела учитывают и необходимое время.

¹⁰ Выводы совещания на тему «Экономическая реформа и хозяйственный договор». Экономическая газета, 1966, № 30, стр. 20.

Например, при рассмотрении арбитражного спора о включении в договор поставки условия о поставке окномоек нового, улучшенного образца, Рижский завод пластмассовых изделий «Аусма» пояснил, что на предприятии нет соответствующих производственных возможностей. Учитывая, что освоение нового образца вместо старого низкокачественного образца не требует крупных изменений производства, арбитраж обязал завод производство окномоек нового образца освоить до III квартала 1966 года и включил поставку этих изделий в спецификацию на III квартал.¹¹

В отдельных случаях изменения в производстве определенных товаров вызывают необходимость менять плановые показатели, устанавливаемые вышестоящим органом. Это ярко проявляется на следующем примере.

Комбинат «Ригас аудумс» выпускал капроновое полотно арт. 3379 шириной 95 см для продажи населению и комбинату «Дайле». В 1966 году комбинат «Дайле» потребовал изменения ширины с 95 см на 75 см, указывая, что в процессе изготовления из полотна заказанных изделий 20 см полотна нельзя рационально использовать, эти 20 см как отходы приходится резать на ленты, спрос на которые очень ограничен. Комбинат «Ригас аудумс» ответил, что сможет выполнить это требование лишь в том случае, если комбинату будет уменьшен план по выпуску тканей в кв. метрах, а также план по реализации товарной продукции в оптовых и розничных ценах. Комбинат обратился в вышестоящие органы с ходатайством, указывая, что выпуск полотна шириной 75 см снижает использование ширины ткацких станков и вносит изменения в технико-экономические показатели. Министерство утвердило план выпуска полотна шириной в 75 см, согласилось уменьшить план реализации в оптовых ценах, но уменьшить план в розничных ценах отказалось и предложило разницу покрыть выпуском сверхплановой ткани. Таким образом, комбинат предстал перед выбором: удовлетворить обоснованное требование покупателя об изменении производства и, не выполнив план по реализации в розничных ценах, лишиться поощрительных фондов или же, не перестраивая работу, продолжать выпуск не пользующихся спросом лент, но выполнить план.

Думается, что отказ в изменении плана был неправильным, даже незаконным. Игнорировать хозрасчетные интересы

¹¹ Дело Госарбитража при Совете Министров ЛССР, № 720/1966.

в таких случаях нельзя. Но комбинату добиться другого решения не удалось.

Можно назвать и другие случаи, доказывающие, что министерства и ведомства не всегда оперативно и объективно рассматривают предложения предприятий об изменениях в плановых показателях. Устранению такого явления может способствовать установление порядка и сроков рассмотрения предложений и ходатайств предприятий. Молчание или отрицательный ответ вышестоящего органа в определенных случаях должны быть признаны основаниями для возбуждения вопроса в другом органе. Таким органом мог бы стать арбитраж, который уже в настоящее время при рассмотрении преддоговорных споров осуществляет некоторые функции контроля над плановыми актами.

* *
*

Регулируя взаимоотношения предприятий и их отношения с вышестоящими органами, правовые нормы играют двоякую роль. С одной стороны, правовые нормы предоставляют предприятию право выбора наилучших вариантов хозяйственной деятельности и обеспечивают осуществление этого права. С другой стороны, исходя из необходимости подчинить деятельность предприятия интересам всего общества, правовые нормы ставят самостоятельность предприятия в определенные рамки.

Возможность различных интересов участников договорных отношений требует четко определить критерии выбора такого варианта, который в наибольшей мере отвечал бы интересам всего государства и в то же время не нарушал бы предоставленную законом самостоятельность предприятия.

Разработка таких правовых норм, которые осуществляются не только в силу обязательных повелений (распоряжений) соответствующих органов, но одновременно сочетаются и с предусмотренным в законах экономическими стимулами, является важной и неотложной задачей в отношениях по поставкам продукции и товаров.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР В УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ

Коллективный договор, заключаемый ежегодно фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза от имени коллектива рабочих и служащих с администрацией в лице руководителя предприятия, является одним из важнейших институтов советского трудового права. В нем закрепляются взаимные обязательства сторон по основным вопросам производства, организации, оплаты и охраны труда, культурно-бытового обслуживания работников предприятий. Преимущество коллективнодоговорного регулирования трудовых отношений заключается в том, что оно позволяет дифференцированно учитывать особенности каждого предприятия и мобилизовать весь коллектив на выполнение хозяйственных задач.

Однако некоторое время коллективный договор как важное средство выполнения государственного плана, привлечения всех рабочих и служащих к участию в управлении производством и улучшении работы предприятия использовался недостаточно. Заключенные коллективные договоры нередко носили формальный характер, так как круг вопросов, которые предприятия могли решать самостоятельно, был небольшим и договоры перегружались общими положениями трудового законодательства.

В связи с проводимой на основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии хозяйственной реформой значительно возросла роль коллективных договоров, повысилось значение локальных актов в регулировании производственной деятельности советских людей. Этому способствуют, в частности, расширение прав предприятия и проводимые мероприятия по совершенствованию планирования, усилению экономического стимулирования промышленного производства и повышению материальной заинтересованности работников в улучшении работы предприятий. В настоящее время коллективные договоры становятся важным

средством реализации экономических методов управления производством.

Возросшая роль коллективных договоров, их новое содержание отражены в постановлении Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 года № 177 «О заключении коллективных договоров на предприятиях»¹ и в постановлении Совета Министров Латвийской ССР и Латвийского республиканского Совета профсоюзов от 28 апреля 1966 г. № 212 «О заключении коллективных договоров на предприятиях Латвийской ССР».

Постановление расширяет круг предприятий, на которых должны заключаться коллективные договоры. Согласно постановлению это — предприятия промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта и связи, геологоразведочные и топографо-геодезические организации, предприятия торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, имеющие самостоятельный баланс и являющиеся юридическими лицами.

Повышение роли коллективного договора в связи с хозяйственной реформой означает также расширение круга вопросов, которые могут решаться на основе коллективно-договорных соглашений. Это связано с тем, что предприятия наделяются собственными материальными фондами (фонд развития производства, фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства), которые служат финансовой базой для улучшения условий труда и быта работников и рационализации производства. Применительно к коллективному договору расширение прав предприятий означает прежде всего более широкое использование нормативных положений, разработанных администрацией и ФЗМК в пределах предоставленных им прав.

Нормативные положения коллективного договора решают вопросы, не урегулированные законодательством, или устанавливают дополнительные гарантии по сравнению с правами, вытекающими из законодательных актов.²

Особое место в настоящее время нормативные положения занимают в регулировании вопросов организации труда и его оплаты.

¹ СП СССР, 1966, № 5, стр. 51.

² См. Комментарий к законодательству о труде, изд. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 33—34.

См. В. Ачаркан, И. Холостов. Новое в коллективных договорах 1966 г. Ж. «Социалистический труд», 1966, № 6, стр. 126.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы роли коллективного договора в научной организации труда и материальном стимулировании работников.

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА В НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Решения XXIII съезда КПСС предусматривают широкое внедрение методов научной организации труда в целях повышения его производительности, эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства.³

Хозяйственная реформа создала благоприятные условия для внедрения научной организации труда.

Под научной организацией труда (НОТ) понимается «комплекс технических, экономических, правовых, организационных и других мероприятий, обеспечивающих достижение наибольшей производительности труда при наименьших его затратах».⁴

Ведущая роль в разрешении проблем научной организации труда принадлежит экономической науке. Однако развитие научной организации труда тесно связано и с правовым регулированием, в котором особое место занимает трудовое право.

Институтом трудового права, призванным непосредственно содействовать развитию НОТ, является коллективный договор. Это объясняется тем, что в связи с дальнейшим развитием хозяйственной самостоятельности предприятий значительно возрастает роль локальных правовых норм в регулировании организации труда. С помощью коллективного договора внедряются передовые методы труда, мероприятия по повышению культуры и эстетики труда, наиболее благоприятные санитарно-гигиенические условия и другие организационно-технические мероприятия. Согласно постановлению Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 года к коллективному договору в качестве его составной части прилагаются планы внедрения научной организации труда в цехах и на участках, внедрения изобретений, рационализаторских предложений и передового производственного опыта. Таким образом, в фор-

³ См. Материалы XXIII съезда КПСС, М., Политиздат, 1966, стр. 193.

⁴ А. С. Пашков. Научная организация труда на промышленном производстве и право. Ж. «Советское государство и право», 1967, № 5, стр. 14.

ме коллективного договора закрепляются основные вопросы организации труда и определяются основные направления ее совершенствования.

Что же представляет собой научная организация труда в условиях современного промышленного предприятия? В юридической и экономической литературе усматривается, что в условиях промышленного предприятия научная организация труда представляет собой совокупность мероприятий, обеспечивающих неуклонный рост производительности труда путем наиболее экономного и в то же время эффективного использования рабочей силы при данном уровне механизации и технологии производства. Она охватывает весь комплекс общественных отношений по подбору и расстановке кадров, установлению и применению условий труда, а также по управлению людьми и техникой во время трудовых процессов. Общественные отношения по организации труда затрагивают самые разнообразные стороны деятельности предприятия: разделение и кооперирование труда; рациональное устройство и обслуживание рабочих мест, охрану труда; поддержание высокой трудовой дисциплины, профессиональную подготовку кадров на производстве и повышение их квалификации; максимальное уплотнение рабочего дня и достижение оптимальной интенсивности труда; нормирование и обеспечение оплаты труда в строгом соответствии с его количеством и качеством; организацию социалистического соревнования.⁵

Однако перечень этих различных вопросов научной организации труда не означает, что они в одинаковой степени актуальны на всех предприятиях, цехах и участках. Например, на предприятиях машиностроения Латвийской ССР одной из главных проблем внедрения научной организации труда является рационализация методов ручного труда.

В большинстве предприятий республики разрабатываются и внедряются планы научной организации труда на рабочих местах. Таким путем идут завод РЭЗ, Лиепайский завод сельскохозяйственных машин, фабрика «Аврора», 1 мебельный комбинат и др. Планы НОТ этих предприятий предусматривают механизацию труда, рациональную планировку, оснащение и бесперебойное обслуживание рабочих мест, применение передовых приемов и методов труда.

⁵ См. О. В. Смирнов. Проблемы трудового права и научная организация труда на предприятии. Ж. «Советское государство и право», 1968, № 1, стр. 60. Ж. «Социалистический труд», 1967, № 13—19; Ж. «Социалистический труд», 1967, № 6, стр. 3—9.

На заводе ВЭФ и Рижском опытном заводе технологической оснастки планы НОТ предусматривают вопросы, связанные с усовершенствованием организации и руководства производством.⁶

Таким образом, на каждом предприятии имеются свои проблемы, свои специфические вопросы, которые должны быть разрешены путем совершенствования научной организации труда. Однако, как отмечает А. С. Пашков, любое мероприятие в области НОТ должно отвечать следующим требованиям: а) оно должно быть научно обоснованным, т. е. отражать объективные закономерности трудовой деятельности людей; б) оно должно обеспечивать рост производительности труда; в) оно должно сопровождаться экономией затрат как человеческой энергии, так и материальных средств.⁷

Необходимо подчеркнуть, что коллективный договор выступает не только основным правовым источником развития и закрепления НОТ, но и является формой контроля за выполнением планов научной организации труда со стороны коллектива рабочих и служащих. Включенные в коллективный договор мероприятия по научной организации труда становятся юридическими обязательствами администрации, подлежащими исполнению в установленные сроки.

Неотъемлемой составной частью научной организации труда является правовое регулирование нормирования труда. Нормирование труда можно назвать основой НОТ, так как норма, являясь мерой труда, определяя вклад каждого работника в результаты деятельности всего коллектива, служит основой для оплаты труда по его количеству и качеству.

В коллективных договорах должен регулироваться весь круг вопросов нормирования труда,⁸ в частности:

- а) кто, на каком уровне и когда устанавливает, пересматривает нормы выработки как постоянные, так и временные;
- б) обязательства администрации по созданию нормальных условий труда для выполнения норм выработки;
- в) привлечение передовиков производства и общественных бюро нормирования труда к установлению норм выработки, пересмотру заниженных норм.

Дальнейшее развитие научной организации труда требует постоянного совершенствования нормирования труда.

⁶ См. R. Emsiņš. Ražošanas un darba organizācijas zinātniskie pamati. Izd. «Liesma», R., 1967., 26. lpp.

⁷ См. Ж. «Советское государство и право», 1967, № 5, стр. 13.

⁸ См. В. Ачаркан, И. Холостов. Новое в коллективных договорах 1966 г. Ж. «Социалистический труд», 1966, № 9, стр. 127.

С нашей точки зрения, заслуживают внимания некоторые предложения, высказанные в юридической литературе, по поводу улучшения нормирования труда. Так, представляется целесообразным издание общесоюзного акта, который содержал бы общие вопросы, касающиеся порядка разработки, согласования, утверждения, введения и пересмотра норм выработки (времени) и норм обслуживания. Издание такого акта могло бы быть осуществлено в виде типового положения. Одновременно с этим следует предоставить руководителям предприятий право по согласованию с комитетом профсоюза разрабатывать, утверждать и вводить в действие фабрично-заводские положения, в которых конкретизировалось и уточнялось бы типовое положение с учетом особенностей предприятия.⁹ Такие фабрично-заводские положения о порядке разработки, согласования, утверждения, введения и пересмотра норм выработки могли бы стать частью коллективного договора в виде его приложения.

Переход предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования способствует внедрению технически обоснованных норм выработки, так как перестройка системы премирования материально заинтересовывает рабочих пользоваться технически обоснованными нормами выработки.

Как подчеркивалось на XIV съезде профсоюзов СССР, министерства и ведомства должны ускорить подготовку научно обоснованных нормативов по труду, принять меры к быстрейшему их применению, улучшить практику дополнительной оплаты рабочих за освоение новых норм.¹⁰

На некоторых предприятиях металлообрабатывающей промышленности республики имеется весьма высокий удельный вес технически обоснованных норм выработки.¹¹ В то же время имеются еще предприятия, в которых техническое нормирование находится на низком уровне. Удельный вес технически обоснованных норм выработки по трудоемкости или удельный вес технически обоснованных норм времени предусматривается лишь в коллективных договорах некоторых пред-

⁹ См. П. С. Листопадов. О дальнейшем развитии правового регулирования нормирования труда. Ж. «Правоведение», 1967, № 1, стр. 80—81.

¹⁰ См. XIV съезд профессиональных союзов СССР. Отчет Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов. Доклад председателя ВЦСПС тов. А. Н. Шелепина. «Труд», 28 февраля 1968 г., стр. 3.

¹¹ См. M. Stürmane, K. Svilpe, A. Hamčenko. Materiālā stimulēšana jaunajā plānošanas sistēmā. Izd. «Liesma», R., 1967., 26. lpp.

приятый республики, как правило, имеющих хорошо поставленное нормирование труда.¹²

На наш взгляд, во всех коллективных договорах должны содержаться обязательства по установлению и внедрению технически обоснованных норм выработки или времени. Это повысило бы ответственность администрации и коллектива рабочих и служащих за совершенствование организации и нормирования труда и соответствовало бы требованиям ст. 3 п. «а» Постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 г.

Коллективные договоры должны способствовать также улучшению качества нормирования на основе рекомендаций науки и технического расчета.

В настоящее время выдвигается задача расширения сферы действия нормирования, создания в ближайшие годы норм для всех категорий рабочих и служащих. Необходимо уделить больше внимания нормированию труда рабочих с повременной оплатой труда. Расширение сферы нормирования труда становится важной народнохозяйственной проблемой ввиду того, что по мере механизации и автоматизации производства, широкого внедрения поточных методов удельный вес повременно оплачиваемых работников непрерывно растет.

Администрация предприятий и ФЗМК, заключая коллективные договоры, должны умело использовать имеющиеся возможности, чтобы материально заинтересовать рабочих-повременщиков в переходе на работу по технически обоснованным нормированным заданиям, нормам обслуживания и численности.

Актуальными правовыми проблемами научной организации труда являются проведение мероприятий по ликвидации потерь рабочего времени, разработка рекомендаций и закрепление в нормативных актах рациональных режимов труда и отдыха работников предприятий.¹³

Таким образом, коллективные договоры, предусматривая внедрение мероприятий по научной организации труда и являясь формой контроля за выполнением планов НОТ, способ-

¹² См. ст. 14, п. 2 Коллективного договора завода ВЭФ .1968 г. Раздел II, Коллективного договора радиозавода им. А. С. Попова 1968 г.

¹³ См. О. В. Смирнов. Проблемы трудового права и научная организация труда на предприятии. Ж. «Советское государство и право», 1968, № 1, стр. 63.

ствуют успешной борьбе за экономию времени и труда во всех его видах, за ликвидацию простоев оборудования, прогулов, сокращение ручного труда.

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА В МАТЕРИАЛЬНОМ СТИМУЛИРОВАНИИ РАБОТНИКОВ

При расширении хозяйственной самостоятельности предприятий многие вопросы планирования и управления решаются непосредственно предприятиями, что усиливает нормотворческую роль коллективов предприятий.

Хозяйственная реформа позволяет разрабатывать непосредственно на предприятиях конкретные мероприятия, повышающие эффективность действующих систем оплаты труда, рост производительности труда, правильное использование фонда материального стимулирования.

В новых условиях значительно возрастает роль коллективных договоров в регулировании заработной платы. Ряд вопросов заработной платы теперь должен разрешаться с помощью коллективных договоров. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 г. и постановлением Совета Министров Латвийской ССР и Латвийского республиканского Совета профсоюзов от 28 апреля 1966 г. в них должны содержаться основные положения по вопросам труда и заработной платы, установленные для данного предприятия в соответствии с законодательством, а также конкретные нормативные положения по указанным вопросам, разработанные администрацией и ФЗМК в пределах предоставленных им прав.¹⁴

В соответствии с Положением о государственном социалистическом предприятии (ст. 81—88)¹⁵, Положением о правах ФЗМК (ст. 6) и другими нормативными актами, администрация по согласованию с ФЗМК разрабатывает следующие нормативные положения, которые должны включаться в современные коллективные договоры прямо или в виде приложений:

а) введение для отдельных групп рабочих сдельной, повременной или аккордной оплаты труда;

¹⁴ СП СССР, 1966, № 5, ст. 51, п. 4.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1966, № 2.

б) утверждение перечня профессий рабочих, для которых при повременной оплате труда применяются тарифные ставки сдельщиков и месячные оклады взамен тарифных ставок повременщиков;

в) утверждение перечня профессий рабочих и работ, оплачиваемых по тарифным ставкам, введенным для рабочих, занятых на горячих и тяжелых работах, работах с вредными и особо тяжелыми и вредными условиями труда, в соответствии с типовыми перечнями этих профессий и работ по отраслям производства;

г) установление премиальных систем на основе типовых положений;

д) определение размеров оплаты труда при переводе на работу по совмещению профессий в пределах, установленных законом;

е) утверждение норм обслуживания станков (машин, аппаратов) и конкретные размеры увеличения тарифных ставок для оплаты труда рабочих при многостаночном обслуживании;

ж) распределение фонда материального поощрения по направлениям и категориям, т. е. на премирование рабочих, на премирование ИТР и служащих и т. п.;

з) установление порядка выплаты вознаграждения по итогам работы предприятия за год.¹⁶

В новых коллективных договорах завода ВЭФ, Рижского вагоностроительного завода, Вентспилсского вентиляторного завода, фабрик «Лайма» и «Ригас адитайс» можно встретить целый ряд пунктов, содержащих конкретные и ценные обязательства в области оплаты труда и материального стимулирования. Так в коллективном договоре фабрики «Ригас адитайс», Слокского целлюлозно-бумажного комбината имеется перечень профессий и рабочих фабрики по системам оплаты труда. В коллективном договоре радиозавода им. А. С. Попова, Вентспилсского вентиляторного завода имеется перечень рабочих, для которых при повременной оплате труда применяются тарифные ставки сдельщиков, перечень профессий и работ, оплачиваемых по тарифным ставкам, введенным для рабочих, занятых на работах с вредными и особо вредными условиями труда.

¹⁶ См. А. Зайкин, С. И. Шкурко. Правовые вопросы организации оплаты труда рабочих. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 36.

В коллективном договоре фабрики «Ригас адитайс» содержится обязательство администрации о том, что выплаты из фонда материального поощрения в расчетных книжках рабочих указываются отдельно.

Централизованное государственное планирование в настоящее время сочетается с широкой хозяйственной инициативой предприятий, установлением зависимости оплаты труда работников предприятий не только от результатов их индивидуального труда, но и от общих итогов работы предприятия.

Поэтому органическую часть коллективных договоров предприятий, осуществляющих хозяйственную реформу, составляют вопросы использования фонда материального поощрения, который образуется за счет отчислений от прибыли, получаемой предприятием.

В приложенной к коллективным договорам смете расходования фонда материального поощрения предусматривается распределение этого фонда по следующим направлениям: на премирование рабочих, руководящих, инженерно-технических работников, служащих и других категорий работников по заводским Положениям о премировании, премиальным системам, разработанным и принятым на предприятиях в соответствии с Типовым положением, утвержденным 4 февраля 1967 г. Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС;¹⁷ для единовременного поощрения рабочих; руководящих, инженерно-технических работников, служащих и других работников, отличившихся при выполнении особо важных производственных заданий; на выплату вознаграждения различным категориям работников предприятия за общие годовые итоги работы предприятия; на выплату премий коллективам и отдельным работникам-победителям во внутриводском социалистическом соревновании; на оказание единовременной помощи работникам предприятия.

В отличие от материального поощрения рабочих из фонда заработной платы размеры премий и других выплат из фонда материального поощрения поставлены в прямую зависимость от результатов работы предприятия в целом. Чем выше экономические достижения предприятия, чем больше по размерам производятся отчисления от прибыли в фонд материального поощрения, тем значительнее размеры премий и других выплат рабочим.

¹⁷ Бюллетень Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 1967, № 4.

Особенно важна роль коллективного договора в регулировании систем премирования. Она еще значительно повысилась в связи с утверждением единого Типового положения о премировании работников промышленных предприятий, переводимых на новую систему планирования и экономического стимулирования. Это положение предусматривает источники выплаты премий, порядок дифференцированного установления показателей, условий и размеров премий, порядок выплаты премий, причем администрации и ФЗМК профсоюзов предоставлены широкие права по конкретизации условий и размеров премирования с учетом особенностей предприятий и цехов, и они находят свое отражение в заводских (локальных) Положениях о премировании.

Таким образом, после перехода на новую систему планирования и экономического стимулирования на предприятиях уже не распространяются ранее действовавшие отраслевые Типовые премиальные положения. В новых условиях хозяйствования премиальная система приобретает гибкость, и применение различных премиальных положений отвечает интересам всех работающих. Если руководящие и инженерно-технические работники премируются только из фонда материального поощрения, то источником премирования рабочих по премиальным положениям служит не только фонд материального поощрения, но условно и фонд заработной платы. А по этому источнику премируются только рабочие, которые составляют основную массу на предприятии. Поэтому, на наш взгляд, не только положения о премировании отдельных категорий работников из фонда материального поощрения, но и все заводские премиальные положения должны стать необходимой составной частью коллективных договоров.

Проводимая в настоящее время хозяйственная реформа требует внесения дальнейших изменений в правовое регулирование премиальных систем. Как указывает А. Д. Зайкин, эти изменения должны идти в направлении, с одной стороны, дальнейшего расширения прав предприятий в регулировании заработной платы, в том числе и премиальных систем, а с другой — уменьшения объема централизованного регулирования систем премирования.¹⁸

С дальнейшим расширением прав предприятий и фабзав-

¹⁸ См. А. Д. Зайкин. Премирование работников предприятий, переходящих на новые условия хозяйствования. Ж. «Советское государство и право», 1967, № 6, стр. 95.

месткомов постепенно будет возрастать роль коллективного договора в регулировании вопросов оплаты труда.

Заслуживает также внимания отражение в коллективных договорах порядка и условий выплаты такой формы материального стимулирования работников, как вознаграждение по итогам годовой работы предприятия. Начисление и выплата ежегодного вознаграждения регламентируются, в основных чертах, постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» и некоторыми другими актами¹⁹. Вознаграждение по итогам работы предприятия за год регулируется на каждом предприятии специальным Положением, являющимся локальным нормативным актом. Положение содержит основные правила, устанавливающие показатели, выполнение которых дает право на получение этого вознаграждения, размеры вознаграждения, основания для полного или частичного лишения вознаграждения по итогам работы предприятия за год. Это вознаграждение предназначается для распределения части фонда материального поощрения между всеми работниками предприятия по окончании хозяйственного года. Вознаграждение выплачивается работникам с учетом их непрерывного стажа работы на предприятии.

Однако, как показывает практика, в разных коллективных договорах по-разному решается вопрос об основаниях исчисления этого вознаграждения.

В одних предприятиях размеры вознаграждения устанавливаются в процентном отношении к месячной тарифной ставке рабочего или к месячному окладу инженерно-технического работника и служащего.²⁰ Другие предприятия начисляют вознаграждение, исходя из фактического заработка. В положении о выплате вознаграждения работникам Рижского радиозавода имени А. С. Попова за общие годовые итоги работы предусматривается (см. таблицу на стр. 157).

На предприятиях по-разному решается также вопрос об исчислении непрерывного трудового стажа, дающего право на получение вознаграждения и определяющего его размер. Так, Положения о выплате вознаграждения Рижского радио-

¹⁹ СП СССР 1965 г., № 19—20, ст. 753.

²⁰ Положение о выплате вознаграждения рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим за общие годовые итоги работы Рижского вагоностроительного завода на 1968 год.

Стаж работы	Размер вознаграждения в днях среднего заработка*
До 1 года	—
с 1 до 2 лет	5
с 2 до 5 лет	7
с 5 до 8 лет	12
с 8 до 10 лет	17
с 10 до 15 лет	20
свыше 15 лет	22

* Величина среднего дневного заработка исчисляется путем деления годовой заработной платы работникам (без премий из фонда материального поощрения за счет прибыли) на количество рабочих дней в году.

завода им. А. С. Попова и Вентспилсского вентиляторного завода предусматривают выплаты вознаграждения при непрерывном трудовом стаже не меньше одного года, Положение о выплате вознаграждения Рижского вагоностроительного завода — при непрерывном трудовом стаже не меньше двух лет. Все действующие положения предусматривают снижение и лишение вознаграждения за нарушения трудовой дисциплины и прогулы. Однако на некоторых предприятиях нарушители трудовой дисциплины даже за одно нарушение в данном году полностью лишаются права на вознаграждение, а на других — только частично.

Следует согласиться с мнением Р. З. Лившиц, что многообразии в решении данных вопросов характеризует стремление каждого предприятия найти оптимальные формы выплаты вознаграждения, которые отражали бы интересы предприятия.²¹ В целях дальнейшего совершенствования содержания коллективного договора предстоит задача обобщения практики предприятий по выплате вознаграждения.

Для установления единообразия в решении таких общих вопросов, связанных с выплатой вознаграждения по итогам работы предприятий за год, как исчисление стажа, основания лишения права на это вознаграждение и др., следовало бы принять нормативный акт, которым в централизованном порядке были бы урегулированы вопросы, общие для всех предприятий.

²¹ См. Р. З. Лившиц. Материальное стимулирование рабочих и служащих. Ж. «Советское государство и право», 1968, № 2, стр. 37.

Положения о выплате вознаграждения за общие годовые итоги работы предприятия должны быть разработаны и стать составной частью всех коллективных договоров. Вознаграждение должно устанавливаться не только в зависимости от стажа работы, но и с учетом трудового вклада премируемого в работу всего предприятия, т. е. с учетом среднего заработка работника.

Выдвигая перед профсоюзами новые задачи по содействию в осуществлении хозяйственной реформы, председатель ВЦСПС А. Н. Шелепин на XIV съезде профессиональных Союзов СССР подчеркнул, что профсоюзам предстоит не просто улучшить, а поднять на новую ступень свою работу в области заработной платы. С переходом на новую систему хозяйствования рост зарплаты ставится в тесную зависимость от повышения эффективности работы предприятий. Возникает проблема дальнейшего совершенствования существующих систем премирования и материального поощрения, с которыми профсоюзам ранее сталкиваться не приходилось.²²

Поэтому в новых условиях повышается роль фабричного, заводского, местного комитета профсоюза как участника коллективного договора в деле контроля за правильностью применения систем оплаты труда, неукоснительного соблюдения законодательства по заработной плате.

Профсоюзы призваны быть настойчивыми борцами за широкое применение прогрессивных систем оплаты труда, изучать, знать и умело применять положительный опыт материального поощрения, больше советоваться по этим вопросам непосредственно с рабочими.

²² «Труд», 28 февраля, 1968 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

(по материалам судебной практики
Верховного Суда ЛССР)

Право обжаловать постановления (решения и определения) суда первой инстанции является весьма важным правом, которое имеют лица, участвующие в деле. Именно осуществление этого права дает возможность вышестоящему суду проверить в кассационном порядке законность и обоснованность этих постановлений. В то же время право на обжалование постановления является важнейшим средством обеспечения правильного и справедливого разрешения гражданского спора. При этом следует отметить, что кассационная жалоба лица, участвующего в процессе, является поводом для возбуждения кассационного производства, ход которого впоследствии становится независимым от воли этого лица.

Во-первых, даже отказ от кассационной жалобы лицом, подавшим эту жалобу, может и не повлечь прекращение кассационного производства, так как суд может такой отказ отклонить (ст. 297, ГПК ЛССР).

Во-вторых, суд кассационной инстанции не связан доводами, указанными в кассационной жалобе или в кассационном протесте, так как должен проверить дело в полном объеме (ст. 294, ГПК ЛССР). В этом и проявляется существенное отличие советской кассации от буржуазного института кассации.

П. И. Стучка в 1924 году подтвердил эту мысль следующими словами: «Я грешен в том, что в декрет № 1 вписал это слово «кассация»... Наш суд не есть кассационный суд, но есть скорее ревизионный суд... Ревизионный суд ведь состоит в том, что помимо состязательного порядка суд сам по

своей инициативе рассматривает все вопросы, все нарушения, которые в данном деле имеются . . .»¹

Право обжаловать решение суда в кассационном порядке подобно праву на предъявление иска имеет кроме процессуальной и другую, материально-правовую сторону того материального права, которое регулирует спорные правовые отношения между сторонами. Обжалование судебного решения, так же, как и предъявление иска, связано с распоряжением субъектом права своим гражданским или другим материальным правом.² Так, гражданин, иск которого судом удовлетворен только частично, может отказаться от обжалования этого решения. Причем, он может руководствоваться различными соображениями. Например, он считает, что его требования «в основном» удовлетворены, или он сам понимает, что и он был «не во всем прав». Подобным образом, решение, которым иск удовлетворен, может не обжаловать и ответчик.

Поэтому право обжаловать решение предоставлено не каждому, а в отличие от надзорного порядка лишь ограниченному кругу лиц, которых ГПК называет лицами, участвующими в деле. Право подать кассационный протест предоставлено прокурору. Состав лиц, участвующих в деле, определен ст. 30 ГПК ЛССР. По делам искового производства это — стороны, третьи лица, их представители, прокурор, а также организации и граждане, имеющие право участвовать в процессе на основании п. 3 ст. 5 и ст. 42 ГПК ЛССР. Статья 31 ГПК ЛССР, регулирующая права и обязанности лиц, участвующих в деле, среди остальных прав, которыми они пользуются, указывает и на право обжаловать решения и определения суда.

Среди этих лиц, имеющих право обжалования решений, наибольший интерес вызывает правовое положение представителей сторон и третьих лиц. В юридической литературе много внимания уделено вопросу, относятся ли представители к лицам, участвующим в деле: М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. ВЮЗИ, 1950, стр. 47; С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс. Госюриздат, 1952, стр. 83; И. М. Ильинская, Л. Ф. Лесницкая. Судебное представительство в гражданском процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1964 г., стр. 22—23; В. А. Елизаров. Ре-

¹ 5-й Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Стеногр. отчет, Москва, 1924, стр. 135.

² Советский гражданский процесс, изд. Московского университета, 1964, стр. 114—115.

цензия на книгу И. М. Ильинской и Л. Ф. Лесницкой «Судебное представительство в гражданском процессе», «Советская юстиция», 1964, № 18, и др. работы. Ограниченный объем этой статьи не позволяет рассмотреть этот вопрос. Тем не менее следует отметить, что и в законодательном порядке этот вопрос решается по-разному. Так ГПК РСФСР, Узбекской, Туркменской, Киргизской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской и Казахской ССР не включает представителей в состав лиц, участвующих в деле. В то же время кроме ГПК Латвии в ГПК УССР, БССР, Литовской, Эстонской, Таджикской и Молдавской ССР представители сторон и третьих лиц включены в состав лиц, участвующих в деле.

При поверхностном ознакомлении с содержанием ст. 31 и 46 ГПК ЛССР может создаться впечатление, что имеет место коллизия, так как, с одной стороны, ст. 31 предоставляет право обжаловать решения любому представителю сторон. С правом обжалования обладают лишь те представители в другой стороны, статья 46 в то же время подчеркивает, что правом обжалования обладают лишь те представители, в доверенностях которых это право специально оговорено. На самом деле тут никакого противоречия нет. Гражданин, имеющий доверенность на ведение дела, является представителем другого лица лишь в том, в чем он уполномочен. Поэтому законодатель, очевидно, предоставляя в ст. 31 ГПК представителю право обжаловать решение, имел в виду уполномоченного на это представителя.³

Подобным образом следует толковать и последнюю часть статьи 289 ГПК ЛССР, в которой сказано, что к кассационной жалобе, поданной представителем, если последний не участвовал в процессе во время разбирательства дела в суде первой инстанции, должна быть приложена доверенность или иной документ, удостоверяющий полномочия представителя на подачу кассационной жалобы. Представитель, который имел доверенность только на ведение дела в суде первой инстанции, не имеет право подать кассационную жалобу, так как он на это не уполномочен. Адвокат, который выступил в суде первой инстанции на основании ордера юридической консультации, также не имеет права подать от своего имени кассационную жалобу, если он специально на это не уполномочен. Его право должно быть подтверждено другим орде-

³ Примерно так же считает Я. А. Розенберг. См. «О регулировании основных институтов гражданского процессуального права в ГПК ЛССР». (Вопросы гражданского и трудового законодательства Советской Латвии, Издательство «Звайгзне», Рига, 1965, стр. 93—94.

ром. Следовательно, даже представитель, который участвовал в процессе во время разбирательства дела в суде первой инстанции, имеет право подписать кассационную жалобу только тогда, если в его доверенности суду первой инстанции было специально оговорено право обжаловать решение.

Думается, что в законе следовало бы вменить в обязанность народного судьи или председателя народного суда, принимающего кассационную жалобу, проверить, имеет ли право лицо, подающее кассационную жалобу, обжаловать решение народного суда. В настоящее время такой нормы нет. ГПК ЛССР обращает внимание судей только на необходимость проверить, подписана ли кассационная жалоба, указано ли решение, которое обжалуется, приложены ли все необходимые копии, а также, оплачена ли кассационная жалоба государственной пошлиной (ст. 291 ГПК ЛССР). Поэтому не всегда народные судьи достаточно внимательно проверяют, имеет ли лицо, подавшее жалобу (кассатор), право обжалования судебного постановления. Последнее особенно важно в случаях, когда решения обжалуются юридическими лицами. Часто кассационные жалобы подают не руководители организаций или предприятий, а юристы или другие представители. Иногда они специально не уполномочены подать кассационную жалобу. Например, по иску Дундагского потребобщества к гражданке Н. о возмещении ущерба председатель народного суда Талсинского района принял кассационную жалобу потребобщества, подписанную юристом, который не был уполномочен обжаловать решение народного суда. Народные судьи также иногда принимают кассационные жалобы, поданные адвокатами, участвовавшими в судебном заседании народного суда, но не имеющими полномочий на подачу кассационной жалобы.

В кассационной жалобе должны быть указаны некоторые сведения, без которых проверка обоснованности и законности решения невозможна, или, во всяком случае, крайне затруднительна. Поэтому законодатель в ст. 289 ГПК ЛССР дает перечень тех реквизитов, которые должна содержать кассационная жалоба или протест:

- 1) наименование суда, которому адресуется жалоба или протест;
- 2) наименование лица, подающего жалобу или протест;
- 3) указание на решение, которое обжалуется или опротестовывается, и суд, постановивший это решение;

4) указание, в чем заключается неправильность решения, и просьбу лица, подающего жалобу или протест;

5) перечень прилагаемых к жалобе или протесту письменных материалов.

Кроме того, кассационная жалоба должна быть подписана лицом, подающим жалобу.

Такие же реквизиты должна содержать и частная жалоба, хотя в законе это не упомянуто.

Кандидат юридических наук О. Иванов считает, что упомянутые 5 пунктов (за исключением п. 3) — рекомендательная норма, так как кассационная жалоба или протест могут быть оставлены без движения, если только они не содержат указания на обжалуемое решение. При отсутствии остальных моментов такое право народному судье не предоставляется.⁴ С такой точкой зрения в принципе можно согласиться, так как отсутствие в п. п. 1, 4, 5 указанных реквизитов в кассационной жалобе (протесте) не лишает права суд кассационной инстанции рассмотреть жалобу или протест по существу. Однако, если в кассационной жалобе не указано лицо, подающее жалобу, и из содержания жалобы это невозможно установить, то безусловно рассмотреть такую жалобу невозможно, а также нельзя ее вернуть кассатору, так как неизвестно, кому и куда ее следует возвращать.

Статья 291 ГПК Латв. ССР, кроме того, предусматривает, что при подаче кассационной жалобы или протеста, неподписанных подающими их лицами, либо без приложения всех необходимых копий (ст. 280 ГПК), а также при подаче жалобы, неоплаченной государственной пошлиной, народный судья или председатель суда выносит определение, которым оставляет жалобу или протест без движения и назначает лицу, подавшему жалобу или протест, срок для исправления недостатков. Если эти указания в срок не выполнены, жалоба или протест считаются неподанными и возвращаются лицу, подавшему жалобу или протест.

Из этой статьи можно заключить, что народный судья или председатель народного суда проверяет поступившие в суд кассационные (частные) жалобы или протесты и решает вопрос их соответствия требованиям закона. Эти требования закона к содержанию кассационной жалобы минимальны и их несоблюдение просто лишает суд кассационной инстанции

⁴ О. Иванов. «Производство по гражданским делам в кассационной и надзорной инстанциях». «Социалистическая законность». № 12, 1966, стр. 32.

возможности рассмотреть дело по существу. Эти несложные требования — одно из проявлений демократизма советского института кассации.

В случаях, когда закон не освобождает лиц, обжалующих решения суда первой инстанции, от внесения государственной пошлины, они должны подать жалобу, оплаченную госпошлиной согласно требованиям ст. ст. 80 и 81 ГПК ЛССР. Народный суд не должен приступать к выполнению действий, предусмотренных ст. 292 ГПК ЛССР, если кассационная жалоба полностью не оплачена. Однако, на практике все же встречаются случаи, когда народные судьи эту свою обязанность не выполняют. В Верховный суд иногда направляются дела, в которых имеются кассационные жалобы, не оплаченные госпошлиной, или оплаченные в недостаточном размере. По иску Н. Бобрикова к М. Ивановой и И. Ланковскому о взыскании стоимости вещей народный судья Народного суда Московского района Риги принял кассационную жалобу от истца без уплаты госпошлины. Народный судья Народного суда Московского района Риги принял по спору рыболовецкой артели «Узвара» с гражданином Н. кассационную жалобу артели в размере $\frac{1}{2}\%$ от суммы иска, несмотря на то, что льготный размер госпошлины (1%), предусмотренный п. 5 ст. 80 ГПК ЛССР к спорам, в которых участвуют граждане, не применяется.

Дела с кассационными жалобами поступают в суд кассационной инстанции с конкретной датой рассмотрения дела, назначенной народным судьей. При рассмотрении дел по кассационным жалобам, не оплаченным полностью или частично госпошлиной, суд кассационной инстанции поставлен в затруднительное положение. С одной стороны, такие кассационные жалобы нельзя рассматривать, но, с другой стороны, лица, участвующие в деле, извещены о времени рассмотрения дела народным судом и являются на заседание судебной коллегии по гражданским делам иногда даже из отдаленных районов республики. Чтобы не затягивать рассмотрение дела и освободить участников процесса от лишних дорожных расходов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЛССР в таких случаях обычно взыскивает своим определением неуплаченную сумму госпошлины в доход государства. Так, по вышеупомянутому делу судебная коллегия дополнительно взыскала с рыболовецкого колхоза «Узвара» 12 руб. 70 коп. в доход государства. Такая практика все же вызывает сомнения.

Во-первых, суд кассационной инстанции вообще не имеет права рассмотреть дело, по которому не уплачена госпошлина. В этих случаях следует дела возвращать народному суду и предложить ему выполнить требования ст. 291 ГПК. В крайнем случае можно согласиться с действиями судебной коллегии по отдельным делам, когда коллегия предлагала кассаторам уплатить госпошлину до заседания суда кассационной инстанции, и они на это соглашались.

Во-вторых, подача кассационной жалобы является правом, а не обязанностью лица, участвующего в рассмотрении дела. Поэтому не всегда является правильным взыскание впоследствии с кассатора неуплаченной госпошлины, особенно, если госпошлина составляет большую сумму. Если бы народный судья своевременно разъяснил соответствующему лицу, какую сумму он должен уплатить, последний мог бы жалобу вообще не подавать или же просить суд первой инстанции об освобождении от уплаты госпошлины. Если же его кассационная жалоба рассматривается и потом взыскивается неуплаченная госпошлина, то он лишается этих своих процессуальных прав.

Согласно ст. 288 ГПК ЛССР кассационная жалоба или протест могут быть поданы в течение десяти дней. Этот же срок распространяется в соответствии со ст. 322 ГПК ЛССР и на частные жалобы и частные протесты. ГПК РСФСР предусматривает, что кассационная жалоба или протест могут быть поданы в течение десяти дней после вынесения судом решения в окончательной форме. ГПК ЛССР не предусматривает возможность отложения составления мотивированного решения после оглашения резолютивной части решения, поэтому в ЛССР этот срок во всех случаях должен исчисляться со дня вынесения судом решения, т. е. со дня его оглашения на судебном заседании.

Если последний день срока обжалования воскресенье, то днем окончания срока считается следующий рабочий день, т. е. понедельник. В связи с переходом на пятидневную рабочую неделю возникает вопрос — как исчислять срок обжалования, если последний день этого срока — нерабочая суббота. Во II части ст. 101 ГПК ЛССР указано, что в случаях, когда последний день срока падает на нерабочий день, днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день. Следовательно, если срок обжалования кончается в нерабочую субботу, то последний день срока будет следующий рабочий день: понедельник.

Если кассатор подает жалобу или протест после истечения срока, согласно ст. 288 ГПК такая жалоба или протест оставляется без рассмотрения и возвращается лицу, подавшему жалобу или протест. Пропущенный кассационный срок может быть восстановлен определением суда первой инстанции, если суд признает, что срок пропущен по уважительным причинам. В судебной практике нередко это требование ст. 105 ГПК ЛССР нарушается, и этот срок восстанавливается просто резолюцией судьи. Такое действие является грубым нарушением процессуальных прав остальных участников процесса, которые согласно статье 105 ГПК ЛССР имеют право принимать участие в заседании при обсуждении этого вопроса. При разрешении вопроса о восстановлении пропущенного кассационного срока судам, по-видимому, следует не только проверить обоснованность утверждений кассатора в отношении уважительности пропуска срока, но также учесть продолжительность пропущенного времени, степень исполнения решения и другие обстоятельства дела. Думается, что было бы нецелесообразно восстановить пропущенный кассационный срок одному лицу, когда кассационные жалобы других лиц рассмотрены в кассационном порядке и по этому делу суд кассационной инстанции вынес свое определение.

Как было указано выше, если кассационная жалоба или протест поданы после истечения срока, такая жалоба или протест оставляются без рассмотрения и возвращаются лицу, подавшему жалобу или протест. В случаях, предусмотренных ст. 291 ГПК ЛССР, если кассатор не восполнил пробелы кассационной жалобы или протеста в предоставленный судом срок, жалоба или протест считаются неподанными и возвращаются лицу, подавшему жалобу или протест. Как и в случае, предусмотренном ст. 288 ГПК ЛССР, так и в случаях, указанных в ст. 291 ГПК ЛССР, поступившие в суд кассационные жалобы или протесты имеют дефект, который препятствует рассмотрению поданного документа судом кассационной инстанции. Тем не менее, в одном случае в законе говорится об оставлении этого документа без рассмотрения, а в другом случае такой документ считается неподанным. Есть ли необходимость для установления двух процессуальных понятий? Думается, что нет, тем более, что процессуальные последствия в обоих случаях одни и те же — жалоба или протест не рассматриваются и возвращаются лицу, подавшему этот документ. На наш взгляд, понятие оставления жалобы

или протеста без рассмотрения вполне приемлемо и для случаев, указанных в ст. 291 ГПК ЛССР.

Статьей 292 ГПК ЛССР народный суд или председатель Народного суда обязывается направить лицам, участвующим в деле, копии жалобы или протеста, немедленно по истечении срока обжалования и опротестования направить дело в суд кассационной инстанции, назначить дату рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. В этой статье закреплено и такое важное правило, что в течение этого срока дело никем не может быть истребовано из суда. Статья 292 ГПК ЛССР также предусматривает, что дело назначается к слушанию в суде кассационной инстанции не ранее пяти и не позднее десяти дней со дня поступления дела в кассационную инстанцию. Такое правило предусмотрено только в ГПК ЛССР и отсутствует в ГПК других союзных республик.

Некоторые возражения вызывает заглавие этой статьи: «Действия суда после получения кассационной жалобы или протеста». Слова «после получения» не точно отражают значение этой процессуальной нормы. Ведь действия, предусмотренные статьями 288 и 291 ГПК, также могут иметь место только после получения кассационной (частной) жалобы или протеста. Думается, что правильнее отражали бы значение этой статьи слова «после принятия кассационной жалобы или протеста». Правда, закон не требует от судьи вынесения определения о принятии жалобы или протеста. Тем не менее, статьи 288 и 291 ГПК предусматривают действия судьи, свидетельствующие именно о непринятии им жалобы или протеста (определение об оставлении жалобы или протеста без движения, возврат жалобы или протеста лицу, подавшему этот документ). Нет сомнения, что народный судья или председатель народного суда, прежде чем приступить к выполнению требований ст. 292, проверит поступившую жалобу или протест, чтобы установить, не имеет ли жалоба или протест дефектов, препятствующих ее рассмотрению по существу. Убедившись, что таких дефектов нет, судья выполнит требования ст. 292 ГПК, что будет свидетельствовать о принятии жалобы или протеста.

В этой связи следует остановиться на вопросе о возбуждении кассационного производства. Ряд процессуалистов, как А. А. Добровольский⁵, М. С. Шакарян⁶ и др. считают, что

⁵ «Советский гражданский процесс». Изд. МГУ, 1964, стр. 266.

⁶ «Советское гражданское процессуальное право», изд. «Высшая школа», 1964, стр. 359.

подача кассационной жалобы возбуждает кассационное производство. Исходя из сказанного выше, с таким утверждением трудно согласиться, так как не всякая жалоба и не от любого гражданина может быть рассмотрена судом кассационной инстанции. Думается, что подача кассационной жалобы является лишь основанием для возбуждения кассационного производства. Само же кассационное производство возбуждается принятием жалобы или протеста и выполнением народным судьей или председателем суда требований ст. 292 ГПК.

В судебной практике возник вопрос, как должен действовать суд кассационной инстанции, в который поступили кассационные или частные жалобы, принятые с нарушением закона народными судьями (поданные лицами, не имеющими такого права, поданные после истечения кассационного срока, частные жалобы на определения, которые не подлежат обжалованию). Суд кассационной инстанции не имеет права рассматривать по существу эти жалобы. Но как тогда поступить кассационной инстанции?

Споры по исковым делам, кроме их разрешения по существу, могут быть окончены прекращением производства по делу или оставлением иска без рассмотрения. Возникает вопрос: нельзя ли тут усмотреть некоторую аналогию с производством дела в кассационной инстанции, когда жалоба не рассматривается по существу. Закон предусматривает случай прекращения кассационного производства, а не производства по делу, когда суд кассационной инстанции принимает отказ от кассационной жалобы и выносит об этом соответствующее определение (ст. 297 ГПК ЛССР). Закон также предусматривает, что жалобы и документы, поданные по истечении процессуальных сроков, оставляются без рассмотрения (ст. 102 ГПК). То же сказано в отношении кассационной жалобы в ст. 288 ГПК ЛССР. Следовательно, закон предусматривает в отдельных случаях возможность оставления кассационной жалобы без рассмотрения или прекращения кассационного производства. Однако это всего лишь частные случаи. Как поступить в других случаях, если, например, жалоба подана лицом, не имеющим права обжаловать решение, или подана частная жалоба на определение, которое обжалованию не подлежит? Также возникает вопрос: есть ли какая-либо разница в процессуальных последствиях между прекращением кассационного производства и оставлением кассационной жалобы без рассмотрения?

На эти вопросы судебная практика судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда ЛССР частично дает ответ. По иску ресторана станции «Рига I» к Р. Болдышевичу о взыскании 173 руб. 60 коп. и по иску А. Габрана к Н. Ничепорчук, Б. Ничепорчуку и соответчику — Вентспилсскому мясокомбинату о выселении из квартиры кассационные жалобы были поданы представителями ресторана и мясокомбината, не имевшими на то соответствующей доверенности. По этим делам судебная коллегия по гражданским делам признала, что представители не имели права подавать жалобы и поэтому эти жалобы были оставлены без рассмотрения. Такой практики судебная коллегия придерживается и в других подобных случаях.

Народный суд Московского района Риги оставил без удовлетворения заявление В. Ринкусс об отсрочке исполнения решения Народного суда. На это определение была подана частная жалоба, которую народный судья принял и направил в Верховный Суд ЛССР. Согласно ст. 208 ГПК и п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Латвийской ССР от 30 декабря 1965 года на такое определение не может быть подана частная жалоба. Судебная коллегия по гражданским делам кассационное производство по делу прекратила.

Эти примеры свидетельствуют о том, что, на наш взгляд, вопросы прекращения кассационного производства и оставления кассационной жалобы без рассмотрения требуют более детального изучения и регламентации в законодательном порядке.

Думается, что при разграничении случаев оставления кассационной или частной жалобы без рассмотрения и прекращения кассационного производства следует руководствоваться аналогичными процессуальными институтами оставления иска без рассмотрения и прекращения производства по делу. Как известно, оставление иска без рассмотрения не препятствует предъявлению вторично такого же иска, прекращение производства это исключает. По-видимому, законодатель руководствовался этим принципом, закрепив в законе, что в случае принятия отказа от кассационной жалобы кассационное производство прекращается. Естественно, если кассатор отказался от своей жалобы и такой отказ судом принят, он уже вторично это решение в кассационном порядке обжаловать не может. Если же кассационная или частная жалоба подана после истечения кассационного срока, то жалоба оставляется без рассмотрения. Это процессуальное действие не

исключает возможность последующего рассмотрения жалобы в кассационном порядке, в случае восстановления судом кассационного срока.

Исходя из этих принципов, можно выделить основания к прекращению кассационного производства или оставлению кассационной жалобы без рассмотрения. Так, по нашему мнению, кассационное производство подлежит прекращению в случаях:

1) если судом кассационной инстанции принят отказ от кассационной жалобы или прокурор отозвал свой кассационный протест, а решение другими лицами не обжаловано, а также не опротестовано;

2) если лицо, подавшее кассационную жалобу, не имеет права обжаловать решение или определение суда в кассационном порядке, так как оно не является лицом, участвующим в деле, и других жалоб или протеста в деле нет;

3) если решение или определение суда не может быть обжаловано в кассационном порядке.

Оставлению кассационной или частной жалобы без рассмотрения могут быть следующие основания:

1) если пропущен срок подачи кассационной (частной) жалобы или протеста;

2) если кассационная жалоба подана представителем, не имеющим полномочий на обжалование решения.

Прекращение кассационного производства по первым двум основаниям может иметь место только при условии, что от других лиц кассационные жалобы или кассационный протест не поступили. Третье же основание, когда решение или определение суда не подлежит обжалованию, независимо от количества поданных жалоб, всегда должно привести к прекращению кассационного производства. К этому следует добавить, что согласно ГПК ЛССР в принципе на все решения судов первой инстанции могут быть поданы кассационные жалобы. В РСФСР, согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. № 25 решения судов по жалобам граждан на действия административных органов по вопросу о взыскании штрафов не могут быть обжалованы или опротестованы в кассационном порядке. Подобное положение существует в Украинской ССР и Белорусской ССР (ст. 248 ГПК УССР, ст. 227 ГПК БССР). В нашей республике общим принципом является правило, что решения суда первой инстанции могут быть обжалованы.

Главы 23—25 ГПК не содержат специальную норму о том, что по этим делам решения не могут быть обжалованы. Следовательно, и по делам, возникающим из административно-правовых отношений в Латвийской ССР, на решения принимаются кассационные жалобы и протесты на общих основаниях. Кроме того, следует добавить, что ст. 21 Указа Президиума Верховного Совета ЛССР от 23 декабря 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» предусматривает, что жалобы на неправильное наложение штрафа рассматриваются в судах в порядке, установленном ГПК ЛССР.⁷ Поэтому неправ С. Н. Абрамов, который считает, что даже в республиках, где ГПК не запрещает приносить жалобы на решения по этим делам, эти решения все же обжалованию не подлежат.⁸ Примерно такого же мнения как Абрамов придерживается М. С. Шакарян.⁹

Исключением, которое соответствует ч. 3 ст. 1 ГПК ЛССР, являются решения по жалобам на неправильности в списках избирателей. В соответствии с п. 23 Положения о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1950 г., п. 24 Положения о выборах в Верховный Совет Латвийской ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 12 декабря 1950 года и п. 23 Положения о выборах в районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы депутатов трудящихся Латвийской ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 21 декабря 1954 года, решения народного суда по этим делам окончательны. Такие дела в судебной практике встречаются крайне редко. Также исключением из общего правила являются решения Верховного Суда ЛССР, которые согласно статье 286 ГПК ЛССР не могут быть обжалованы в кассационном порядке.

⁷ Такого же мнения Я. А. Розенберг «О регулировании основных институтов гражданского процессуального права в ГПК Латвийской ССР». Вопросы гражданского и трудового законодательства, Изд. «Звайгзне», стр. 106.

⁸ С. Н. Абрамов. «Некоторые вопросы советской кассации в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Правоведение, 1964 г., № 2, с. 74.

⁹ Советский гражданский процесс, Издательство Высшая школа, Москва, 1967 г., стр. 273.

Среди определений, которые выносит суд первой инстанции, значительная часть определений не может быть обжалована в кассационном порядке, поэтому третье основание прекращения кассационного производства имеет значение в судебной практике в основном в отношении определений суда.

Подача кассационной или частной жалобы, либо кассационного протеста после истечения срока кассационного обжалования лишает лицо, подавшее эту жалобу, права кассатора. Такая жалоба или протест оставляются без рассмотрения и возвращаются лицу, подавшему жалобу или протест. Но в судебной практике бывают случаи, когда такие жалобы ошибочно принимаются народными судьями, и дела высылаются в Верховный Суд ЛССР. Судебная коллегия по гражданским делам, естественно, не имеет права рассматривать такие жалобы. Судебная коллегия также не может восстановить процессуальный срок, так как этот вопрос может разрешить только суд первой инстанции (ст. ст. 105, 287 ГПК ЛССР). Поэтому суд кассационной инстанции может только оставить такую жалобу без рассмотрения.

То же должна делать судебная коллегия в случае поступления кассационной жалобы от представителя, не имеющего полномочий на обжалование решения.

В обоих этих случаях кассационное производство не может быть прекращено, а жалобы должны быть оставлены без рассмотрения, так как при восстановлении кассационного срока и представлении соответствующей доверенности представителем с последующим восстановлением кассационного срока эти же жалобы могут рассматриваться кассационной инстанцией.

Из указанного можно заключить, что при наличии устранимых препятствий к рассмотрению дела судом кассационной инстанции кассационная жалоба оставляется без рассмотрения, если же препятствия не устранимы, кассационное производство прекращается.

Следовательно, процессуальным последствием прекращения кассационного производства является невозможность последующего рассмотрения жалобы или протеста в кассационной инстанции. При оставлении жалобы или протеста без рассмотрения такая возможность не исключается.

Если, кроме жалоб с вышеуказанными недостатками, в деле имеются жалобы соответствующие требованиям закона, суд кассационной инстанции не выносит определение о пре-

кращении кассационного производства или оставлении кассационной жалобы без рассмотрения. В этих случаях кассационные жалобы с упомянутыми дефектами не будут приняты во внимание, но тем не менее, дело будет проверено судом второй инстанции в полном объеме (ст. 294 ГПК ЛССР), кроме случая, когда решение или определение не может быть обжаловано в кассационном порядке, о чем говорилось выше.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Я. Я. Страутманис. Механизм правового регулирования имущественных отношений колхозов	5
Я. Я. Страутманис. Система правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов	47
Я. Р. Веберс. Установление отцовства	67
Я. Р. Веберс. О понятии дееспособности граждан в советском гражданском и семейном праве	95
Я. Р. Веберс. Охрана интересов nasciturus по гражданскому и семейному праву	119
К. Э. Торган. Защита хозрасчетных интересов участников договора поставки в преддоговорной стадии	131
В. Р. Дубуре. Коллективный договор в условиях хозяйственной реформы	145
Г. А. Земрибо. Некоторые вопросы осуществления права лиц на обжалование судебных постановлений в кассационном порядке	159

Сдано в набор 23 января 1969 г. Подписано к печати 20 марта 1969 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. 11,0 физ. печ. л. Тираж 500 экз. Цена 50 коп. Отпечатано в типографии № 6 Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, г. Рига, ул. Горького № 6. Зак. № 261. ЯТ 15103.

32872

0.50

Handwritten signature
50 kop.

44 / 1262

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508044013